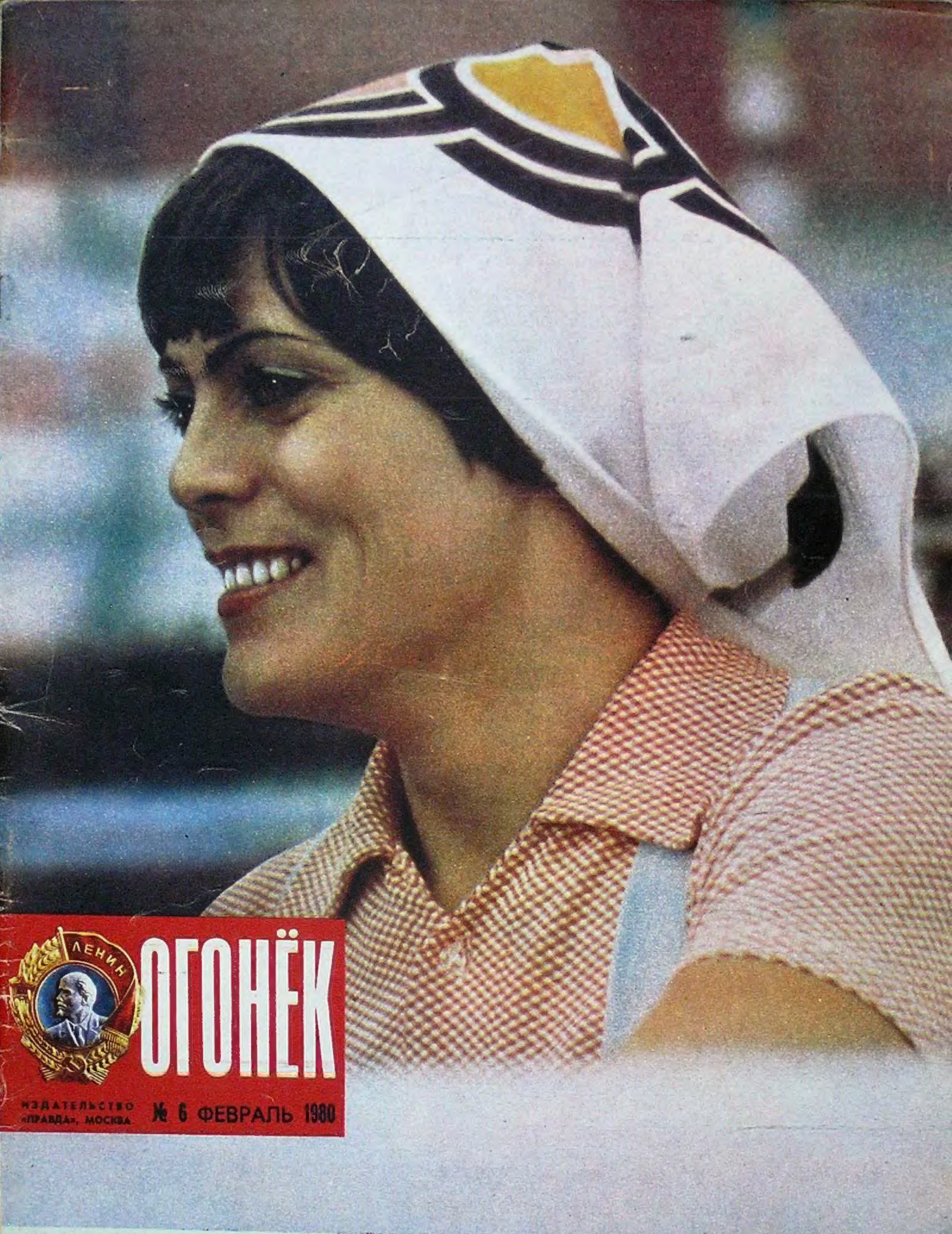

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1980

Лисичанский нефтеперерабатывающий завод.

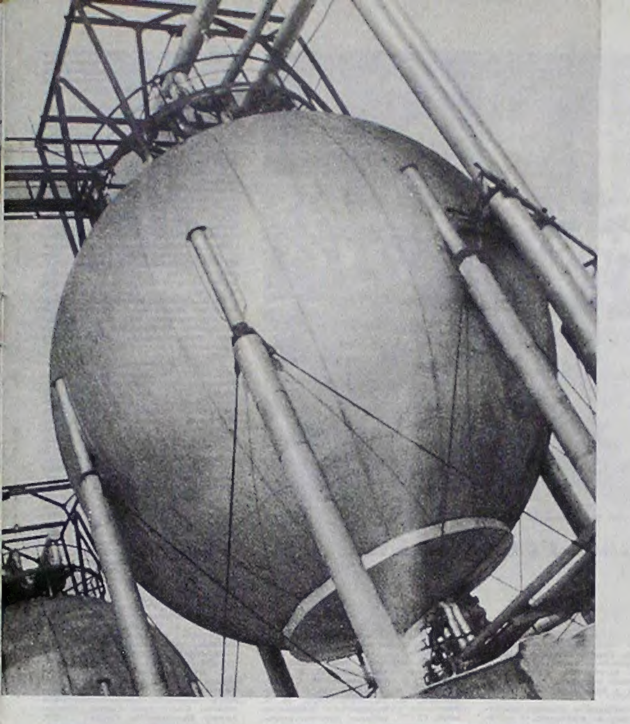
НОВАЯ ПРОФЕССИЯ

В центральной заводской лаборатории. Смена Н. Нечаевой и Р. Краснокутской.

Донецкие нефтепереработчики В. Шочин, А. Горбанев и М. Шалимов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

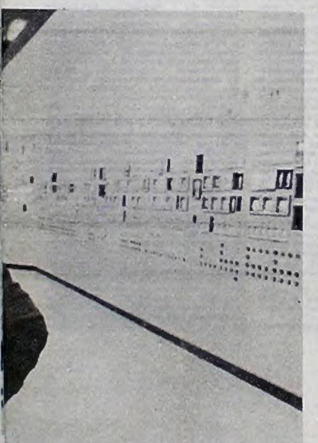
Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2743)

2 ФЕВРАЛЯ 1980

ДОНБАССА АДРЕСА ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Оператор Н. Евина, кандидат в депутаты Верховного Совета УССР.

Лисичанский нефтеперерабатывающий завод — детище десятой пятилетки, один из индустриальных гигантов, о котором в числе других говорил на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Со вступлением в строй Лисичанского нефтеперерабатывающего завода Донбасс приобрел еще одну очень важную и современную профессию.

Металлические этажи высотных башен, гигантские шары-резервуары, хитросплетения всевозможных конструкций впечатляют даже людей бывалых. Не случайно уроженец Ворошиловградчины летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза полковник Владимир Афанасьевич Ляхов, который вместе со своим товарищем Валерием Викторовичем Рюминым совершил в минувшем году невиданную доселе космическую одиссею — пробыл в космосе 175 суток,—знакомясь недавно с этим предприятием, заметил: «Этот размах и стремительность напоминают мне Байконур...»

Да, здесь, в городе на берегу Северского Донца, сибирская нефть после тысячекилометрового путешествия по трубам начала свое удивительное превращение в бензин, дизельное топливо, масло... На предприятии недавно вступила в строй вторая по счету установка первичной переработки нефти «ЭЛОУ-АВТ-2», которая в первые недели 1980 года уже успела обработать тысячи тонн «черного золота» сверх плана. Большой вклад в эту трудовую победу внесли старшие операторы В. И. Тищенко, В. В. Каширин, электромонтеры С. М. Ильин, В. Г. Тарасов, В. Е. Буданцев, инженеры и техники В. И. Шочин, М. К. Криворуков, Ю. А. Меренков, другие новаторы.

Одновременно на соседнем северодонецком предприятии — объединении «Азот» начал действовать комплекс по производству полиэтилена, один из самых мощных в отечественной химической промышленности.

Это не случайное совпадение. У двух предприятий — общие задачи. Выработанный в Лисичанске этилен доставляется по 36-километровому трубопроводу в Северодонецк и там превращается в полиэтилен. Восемнадцать марок этого материала будут вырабатывать северодонецкие химики. Первые партии полиэтилена уже отправились к заказчикам. На каждом из прозрачных мешков фирменный знак «Азота» — реторта на ладони. На других предприятиях снежно-белые гранулы полиэтилена превратятся в неуязвимые для коррозии трубы, в детали станков, детские игрушки, изоляционные материалы — всего и не перечислишь.

К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина лисичанские нефтепереработчики взялись выработать сверх плана 10 тысяч тонн светлых нефтепродуктов. И они уверенно идут к намеченной цели.

М. БЕРЕЖНОЙ
Фото В. ЛЕСНОГО

Во время торжественного заседания в Колонном зале Дома союзов.

Фото И. Тункеля

ОРДЕН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВРУЧЕН МГУ

Как большой праздник отечественной науки и культуры отметила страна 225-летие со дня основания флагмана высшей школы страны — Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

За большие заслуги в подготовке высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства, значительный вклад в развитие науки и культуры и в связи с 225-летием со дня основания МГУ награжден орденом Октябрьской Революции. Торжественное заседание, посвященное юбилею университета и вручению коллективу МГУ высокой награды, состоялось 23 января в Колонном зале Дома союзов.

В зале собрались видные советские ученые и молодежь — представители многотысячного коллектива студентов, аспирантов и преподавателей. Среди них представители ста стран мира, обучающиеся в МГУ.

В президиуме торжественного заседания — товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, руководители Академии наук СССР, видные деятели культуры, представители партийных, советских и общественных организаций. Здесь же прибывшие на торжества в Москву делегации университетов социалистических стран, ректоры университетских центров Испании, Мексики, США, Японии.

С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С речью выступил тепло встреченный собравшимися товарищ В. В. Гришин.

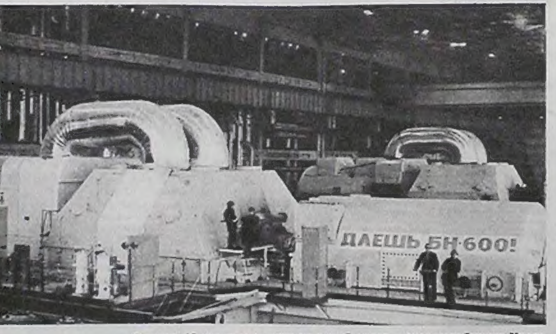
С глубоким удовлетворением, сказал он, я выполняю поручение Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева передать участникам торжественного собрания, профессорам, преподавателям, студентам и аспирантам, всему коллективу МГУ поздравления по случаю юбилея, горячий сердечный привет, пожелания новых успехов в труде и учебе.

В. В. Гришин огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении МГУ орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени университета.

От имени 80-тысячного коллектива МГУ со словами глубокой благодарности Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, лично товарищу Л. И. Брежневу за высокую оценку деятельности Московского университета выступил ректор МГУ, вице-президент Академии наук СССР, академик А. А. Логунов.

С поздравлениями коллективу университета, с пожеланием студентам и преподавателям МГУ новых успехов в борьбе за развитие науки и культуры, за построение коммунизма на заседании выступили министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин, президент АН СССР, академик А. П. Александров, бригадир кузнецов автозавода имени Лихачева Герой Социалистического Труда К. Н. Малин, ректор Карлова университета в Праге З. Чешка, ректор Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко член-корреспондент АН УССР М. У. Белый, генеральный секретарь Международной ассоциации университетов Д. Эткин, студентка юридического факультета Н. Беляева.

С воодушевлением участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Вот уже 16 лет вносит существенный вклад в энергоснабжение Урала Белоярская АЭС — один из первенцев атомного электростроения в стране. Сейчас здесь подготовлен к пуску первый энергоблок с реактором на быстрых нейтронах. Реакторы такого типа позволят намного повысить коэффициент использования ядерного топлива.

Н а с н и м к е: паровая турбина нового энергоблока.

Фото А. Гракова (ТАСС)

ГОД УДАРНОГО ТРУДА

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1979 году. Позади еще один год ударного труда.

Настойчиво воплощая в жизнь решения XXV съезда КПСС, советские люди добились дальнейшего роста общественного производства, на основе которого продолжалось повышение материального и культурного уровня жизни народа. Приведенные в сообщении ЦСУ данные — яркое тому свидетельство. Национальный доход увеличился за год более чем на 8 миллиардов и составляет свыше 430 миллиардов рублей. Выпуск продукции промышленности возрос на 20 миллиардов рублей. Среднегодовой валовой сбор зерна за четыре года текущей пятилетки составил 209 миллионов тонн, на 15 процентов выше среднегодового производства прошлого пятилетия. И это в труднейших погодных условиях. Государственные ресурсы зерна полностью обеспечивают планы снабжения населения страны хлебом и хлебопродуктами. Выращен самый богатый за всю историю нашего земледелия урожай хлопка-сырца.

Вступило в строй более 200 крупных предприятий, освоен выпуск 3,5 тысячи новых видов продукции.

Последовательно осуществляется намеченная партией социальная программа. Реальные доходы в расчете на душу населения возросли на 3 процента. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих составила 163,5 рубля против 159,9 рубля в 1978 году. Завершено проведение одного из крупных социальных мероприятий десятой пятилетки — повышение заработной платы 31 миллиону трудящихся. Улучшены жилищные условия почти 10 миллионам человек.

Данные, приведенные в сообщении ЦСУ, говорят и о нерешенных еще проблемах, о том, что в ряде отраслей народного хозяйства далеко не полностью использованы большие возможности советской экономики. Недовыполнены годовые планы добычи угля, производства проката черных металлов, минеральных удобрений, металлорежущих станков, бумаги, цемента, другой продукции. Меньше, чем намечалось, выпущено отдельных видов тканей, трикотажных изделий, кожаной обуви. Не обеспечена необходимая концентрация средств на первоочередных стройках. Недовыполнен объем закупок скота и птицы, молока.

Советские люди полны решимости выполнить и перевыполнить задание завершающего года десятой пятилетки, ознаменовать его подлинно ленинской ударной работой.

ХОЗЯИН КЛУБА — ИЗБИРАТЕЛЬ

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В СОВЕТЫ

Клуб избирателей находится в этом историческом здании.

У агитатора Марины Малиной есть вопросы к председателю клуба В. Гребенскому

Это здание, расположенное на углу улицы Куйбышева и проспекта Максима Горького, хорошо знакомо ленинградцам. Здесь, в бывшем особняке балерины М. Ф. Кшесинской, в марте — июне 1917 года помещались ЦК и ПК РСДРП(б), Военная организация при ЦК партии, редакция газеты «Солдатская правда». А в ночь с третьего на четвертое апреля 1917 года сюда приехал вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин.

Здесь под руководством Владимира Ильича проходили заседания Петроградской конференции РСДРП(б), заключительные заседания VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии, отсюда, с балкона особняка, Ленин неоднократно выступал перед рабочими, крестьянами, солдатами.

Об этих волнующих событиях рассказывают мемориальные доски, установленные на стенах здания, в котором находится ныне Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Особенно многолюдно тут в эти дни. В преддверии ленинского юбилея естественно желание ленинградцев, их гостей еще раз прикоснуться к незабываемым страницам нашей истории, ощутить величие подвига страны, сумевшей после победы Октября одолеть путь, равный по своей значимости столетиям. Среди тех, кто сегодня приходит сюда, немало жителей близлежащих улиц. И это не случайно — в музее находится один из клубов избирателей Петроградского избирательного округа № 121 города Ленинграда.

Желанный гость избирателей бригадир слесарей-сборщиков объединения «Кировский завод» Герой Социалистического Труда К. В. Говорушин.

В период предвыборной кампании клуб и музей объединили свои усилия, чтобы ярко и доходчиво рассказать людям, как последовательно и целеустремленно претворяются в жизнь заветы Ильича, решения XXV съезда партии, положения новой Конституции СССР. Об этом — и лекции, и беседы, и тематические вечера, и встречи с передовиками производства. Проводятся они увлеченно, с душой.

При музее активно работает совет ветеранов партии. В будние дни клуб официально открывается в 17 часов, но не пустует он и с утра. В то утро, когда я побывал в клубе, молодежь слушала рассказ одного из старейших членов партии, участника многих легендарных событий, Героя Социалистического Труда Василия Петровича Виноградова, которому выпало счастье видеть Ленина, беседовать с ним.

Подготовка к выборам — всесторонний смотр работы Советов. По просьбе избирателей перед ними выступают руководители отделов райсовета. Встречи с депутатами стали здесь своеобразными отчетами народных избранников о выполнении полученных наказов. Разговор идет взыскательный, открытый, благодарят за сделанное, но тут же указывают на недостатки в деятельности советских и хозяйственных органов, в торговле и службе быта.

Избиратель не гость, он полноправный хозяин своего клуба. Здесь все подчинено его интересам. И люди идут сюда с тем, что их волнует. Одни приходят за советом, другие за помощью. Сотрудница объединения «Вибратор» Г. И. Рассадина, например, попросила помочь с ремонтом комнаты. И эта помощь оказывается.

...Марине Малиной, молодому инженеру, члену комитета комсомола объединения арматуростроения «Знамя труда», впервые доверено быть агитатором. И вот после очередного обхода «своих» домов она пришла посоветоваться с председателем клуба инженером В. В. Гребенским.

— Трудное, но очень увлекательное поручение,— сказала мне Марина.— Беседы агитатора с избирателями не формальность. Это всегда диалог, и сюжет его заранее никогда не известен. Сколько всяких вопросов задают! И на любой из них я должна дать исчерпывающий ответ. А если не могу, то пойду к Гребенскому, посоветуюсь и снова встречусь с тем человеком, что озадачил меня своим вопросом... Никогда не думала, что за короткий срок узнаю столько замечательных людей. Радуюсь, когда нахожу среди них людей интересных, ярких, склонных к пропагандистской деятельности, привлекаю их к чтению лекций, на встречи с молодежью, вечера вопросов и ответов.

— Могли бы вы назвать этих людей?

— Да, конечно. По соседству с музеем живут народный артист СССР К. Ю. Лавров, композитор А. П. Петров, дважды Герой Социалистического Труда бригадир судосборщиков Балтийского завода В. А. Смирнов. На ближайшие дни намечена встреча с одним из них — К. Ю. Лавровым. Недавно в клуб заглянул Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей-сборщиков объединения «Кировский завод» К. В. Говорушин. Константин Васильевич — человек известный, член Всемирного Совета Мира, заместитель председателя Ленинградского областного комитета защиты мира. Он побывал во многих странах. И сейчас поделился с избирателями своими впечатлениями о последнем путешествии во Вьетнам, рассказал, как братская интернациональная помощь ленинградцев помогает укреплять народное хозяйство героической страны.

Когда беседуешь с избирателями, то особенно остро ощущаешь, сколь близко к сердцу принимают они все, что касается выборов в Советы. Не забуду, как по неопытности невольно обидела одного пожилого человека. Я предложила ему, учитывая его преклонный возраст, проголосовать дома. «Милая! — воскликнул он.— Да ты же меня праздника лишаешь! Понимаешь — праздника!.. А я горжусь тем, что участвую в нем».

Да, в нашей стране выборы в Советы — это поистине праздник.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»
Фото Ю. Щенникова

Ленинград.

НА ЗАПАХ НЕФТИ

Сергей ЛОСЕВ

После того как лопнули пробные шары, запущенные Белым домом с целью выяснить, а как, дескать, мир отнесется к новому изданию доктрины Трумэна, американская администрация все же не решилась выдать положения нового президентского послания «О положении страны» за «доктрину Картера». Видимо, далеко не в пользу Вашингтона было бы прямое сравнение с американскими доктринами времен «холодной войны».

Действительно, никакой новой политики в послании не предлагается. Как справедливо отметил Генеральный секретарь Компартии США Гэсс Холл, это не новая политика. Это — более открытое и активное продолжение того самого старого курса, который привел США к многолетней агрессии против Вьетнама, к свержению избранных демократическим путем правительств в Иране, Гватемале и Чили. Это та самая политика, которая породила «холодную войну», политика, направленная на подрыв социалистических стран, подавление национально-освободительных движений. Это политика агрессивного антикоммунизма, которая включает в себя шестидесятилетнюю выборочную экономическую блокаду Советского Союза, продолжающуюся 21 год блокаду Кубы, блокаду Чехословакии и других социалистических стран.

Иными словами, все это уже было. И, видимо, истории придется преподать еще один наглядный урок американским поборникам дипломатии «большой дубинки», раз они до сих пор не усвоили, что при нынешнем соотношении сил нелепо претендовать на мировое господство американского империализма и пытаться говорить с Советским Союзом языком диктата.

Слов нет, Соединенные Штаты захлестывает сейчас мутная волна шовинистических настроений, подгоняемая глубоко укоренившейся «имперской» привычкой вести себя с другими государствами и народами так, будто США все дозволено. Тем не менее даже в самой Америке с недоверием относятся к потугам американской администрации обелить свои враждебные шаги в отношении СССР ссылками на военную помощь, оказанную Советским Союзом Афганистану в отражении агрессии извне,— шаг, который ни в коей мере не затрагивает безопасность США. Так, «Нью-Йорк таймс», например, задает вопрос: «Является ли этот акт русских столь уж прямой угрозой для нас, чтобы он оправдывал капитуляцию Картера перед традиционно твердолобыми американскими кругами ради того, чтобы доказать, что самым твердолобым является он сам?

И разве подобная реакция Белого дома не приведет в конечном счете к обратным результатам и не окажется неэффективной, поскольку она поставит США на менее прочные позиции в отношении как русских, так и наших союзников, чем те позиции, на которых мы находились, перед тем как все это началось?»

«Многие официальные лица администрации Картера,— указывает в свою очередь газета «Вашингтон пост»,— хотя они редко пропускают день без заверений, будто союзники энергично поддерживают новую жесткую позицию США в отношении Советского Союза, в частных беседах признают, что поддержка США союзниками ограничилась в большей части символическими жестами».

В Западной Европе, судя по всему, сознают, что одна из побочных целей Вашингтона, которые он преследует преднамеренным обострением международной напряженности, состоит в том, чтобы подмять под себя своих союзников и добиться того, чего американскому империализму уже не по силам достичь одними экономическими средствами.

Но Европа, которую США толкают на передний край конфронтации, явно не желает бросить плоды разрядки под ноги тем, кто готов их растоптать.

В своей речи на объединенном заседании обеих палат конгресса США 23 января Дж. Картер угрожал: «Попытка какой-то силы извне заполучить контроль над районом Персидского залива будет расцениваться как посягательство на жизненные интересы Соединенных Штатов. Такому посягательству будет дан отпор с использованием всех необходимых средств, включая военную силу».

При рассмотрении этого агрессивного притязания, которое называют «стержнем» послания Картера, невольно напрашивается вопрос: на каком основании район, расположенный за тысячи миль от американских берегов, объявляется «сферой жизненных интересов США»? Почему Вашингтон приписывает себе некое «право» осуществлять вооруженное вмешательство в дела государства этого региона? Оказывается, только на том основании, что в этом районе, как говорит Картер, «сосредоточено более двух третей всех мировых запасов нефти, которая может пойти на экспорт». Иными словами, насквозь фальшивый тезис о «жизненных интересах» США в Персидском заливе мотивируется стремлением сохранить за американскими монополиями любой ценой господство над нефтяными ресурсами этого района, беспрепятственный доступ к источникам сырья.

За последние 25 лет так называемый международный нефтяной консорциум вывез только из Ирана свыше 2,5 миллиарда тонн нефти. Американские монополии, которым принадлежат в этом консорциуме 40 процентов акций, хотели бы беспрепятственно продолжать этот грабеж и впредь и ради этого готовы пойти на все, чтобы вновь посадить на шею иранскому народу угодный американскому империализму режим. Ссылки на несуществующую «советскую угрозу» для «беспрепятственной транспортировки ближневосточной нефти» на Запад понадобились американскому президенту только для того, чтобы как-то оправдать попытки самих Соединенных Штатов установить безраздельный контроль над Персидским заливом.

Если и существует угроза поставкам нефти, в частности, в Западную Европу и Японию, то она исходит только от Соединенных Штатов. В нарушение Устава ООН США развертывают торгово-экономическую и военно-морскую блокаду Ирана, препятствуют свободе международного судоходства в Персидском заливе. Вашингтон откровенно рекламирует планы минирования Ормузского пролива — основного пути для нефтетанкеров.

В акватории Индийского океана неподалеку от иранских берегов сосредоточено 25 американских военных кораблей, включая 3 авианосца, а стратегические бомбардировщики B-52 совершают регулярные облеты Персидского залива.

В послевоенный период правительство США 215 раз прибегало к применению вооруженной силы или к угрозам применения вооруженной силы против других государств; в среднем одна американская военная угроза через каждые два месяца. Теперь эту преступную практику США хотели бы перенести на Ближний Восток, как часть уже давно разрабатывавшегося американского курса, враждебного разрядке.

И афганские события здесь ни при чем. Задолго до них США приступили к созданию новых военных баз и наращиванию военно-морских сил в бассейне Персидского залива. Еще в апреле 1978 года министр обороны США Г. Браун объявил о том, что Пентагоном «разработан план вооруженного вторжения в Персидском заливе в случае опасности прекращения поставок нефти из этого района в США».

Стремясь замаскировать истинные цели своей политики и переложить все с больной головы на здоровую, Вашингтон решил прибегнуть к очередной фальшивке. Он стал всячески уверять, что является, дескать, закадычным другом мусульманского мира, и пытается внушить мысль, будто миролюбивая страна социализма — Советский Союз — враг ислама вообще и Ирана в частности. Этот сработанный в Вашингтоне прием, видимо, считается верхом изобретательности. Но, как отмечал во время своего визита в Сирию министр иностранных дел СССР А. А. Громыко,— это грубый обман. Тот, кто к нему прибегает, рассуждает, видимо, так: раз уж пускать в ход ложную версию, так делать это с большим размахом. Но от этого обман не станет правдой, независимо от того, малый он или большой.

Запах нефти — вот что неудержимо влечет США в бассейн Персидского залива. Стремление завладеть чужими богатствами является подлинной движущей силой нынешней политики американской администрации в отношении Персидского залива.

Этой политике вопиющего нарушения суверенитета и независимости развивающихся стран нужно положить конец. Первым шагом к пресечению этого опасного курса должно стать прекращение американской блокады Ирана. Интервенционистские силы США должны быть выведены из Персидского залива.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Рисунок **КУКРЫНИКСОВ**

Крушенье планов
агрессивных
Он стал оплакивать всерьез,
Но кто поверит, сверхнаивный,
В потоки крокодильих слез!
За этой «горькою» слезой
Ползет косая смерть с косой.

Дм. ДЕМИН

Олег **ШЕСТИНСКИЙ**

И МЫ ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ВАС...

Не ведал я голод в Поволжье,
но я сквозь блокаду прошел,
где к льду примерзали подошвы
и пуст, как пустыня, был стол.

И если б тогда нас спросили:
— К чему приравняешь зерно?
Мы б с жемчугом, может, сравнили,—
казалось бесценным оно.

А я бы, пацан с Петроградской,
ничуть не рисуясь собой,
сравнил бы его лишь с солдатской,
скупой и тяжелой слезой.

Богатой Америки думы
наивны, гнусны и просты:
«Зерно в корабельные трюмы
не ссыпь—
подведет животы...»

Джеймс Картер!
Задумайтесь сразу,
задуматься грянул черед,—
какой мы народ большеглазый,
какой большерукий народ!

Ужели под окрик капрала,
ужели под вашу дуду
покорно, поспешно и шало
я, выю согнувши, пойду?

Пойду и забуду про славу
народа, чьи предки смогли
в боях отстоять свое право
жить в мире под небом земли?

Конгресс в злопыханье и гуле.
А я буду точен и прям:
ужели я братьев в Кабуле
за ломоть техасский продам?

Как жить станем?
Сладко ль, не сладко?
Одно я могу вам сказать:
так,
как завещала солдатка,
а позже — солдатская мать.

Джеймс Картер!
Начнете молиться—
молитесь о том в тишине,
чтоб не вернуться сторицей
злу к вашей великой стране.

А солнце на небе ярится,
весна недалеко опять,
а значит, нам снова трудиться—
пахать, высевать, убирать...

От Бреста до Владивостока
ум ясен и выверен глаз.
Своя у нас даль и дорога—
и мы обойдемся без вас!

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

СИЛА ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

Коллективы передовых предприятий Москвы выступили с инициативой провести 19 апреля Ленинский коммунистический субботник. Их инициативу поддержали тысячи трудовых коллективов в разных краях страны.

1 Замечательной традицией стали в нашей стране коммунистические субботники. Шестьдесят один год назад у истоков Великого почина стояло пятнадцать рабочих-коммунистов депо Москва-Сортировочная, а сейчас в день красной субботы на праздник труда выходят десятки миллионов тружеников.

Так уж повелось, что тон в этом славном деле задают москвичи. Вот и сейчас коллективы передовых предприятий столицы выступили с патриотической инициативой — провести 19 апреля коммунистический субботник, посвященный 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Девиз инициаторов субботника — трудиться в этот день с наивысшей отдачей, особенно эффективно, качественно, взять и уверенно держать опережающие темпы работы в течение всего завершающего года пятилетки.

В депо Москва-Сортировочная состоялся митинг, посвященный предстоящему субботнику. Его участники заверили, что день 19 апреля станет для коллектива смотром эффективности использования резервов, отличного качества работы. На митинге был член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Высокие обязательства в числе других передовых коллективов взяли и московские строители. В день субботника в ускоренном ритме будет действовать конвейер домостроительного комбината № 3.

— В обычные дни комбинат монтирует тридцать пять квартир,— рассказывает бригадир комплексной бригады Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР И. П. Демин,— а 19 апреля норму решено превзойти. Внесет свой вклад в выполнение этих обязательств и наша бригада: мы решили за один день смонтировать пять квартир. Так же будут работать и другие подразделения ДСК. Наш девиз: добиться наивысшей выработки на каждом рабочем месте.

Недавно в жизни И. П. Демина произошло очень важное событие — он был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

— Чем я могу ответить на доверие товарищей? Трудом и только трудом!— говорит знатный строитель.

А уж работать И. П. Демин умеет, это знает вся Москва. Будущие новоселы одного из домов, где сейчас возводит этажи передовая бригада, добрым словом помянут строителей.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Э. Эттингера

Идет монтаж очередного дома. И. П. Демин (на переднем плане) с членами своей бригады.

2

3

КАЗАХСТАН

ВЫБИРАЙ НА ВКУС

2 Школа — как все школы, светлая, с просторными классами и широкими коридорами. Только вот оборудованы эти классы как-то не по-школьному: в одном стояли верстаки со слесарными тисками, другой походил на филиал токарного цеха с настоящими станками, в третьем за стрекочущими пишущими машинками сидели девочки, а в четвертом мальчишки увлеченно разбирали автомобильный двигатель и изучали правила дорожного движения... И все-таки это была школа, а точнее, межшкольный учебно-производственный комбинат трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся города Балхаша.

— У нас сейчас занимаются тысяча четыреста человек из всех школ города и подшефного Приозерного района, Джезказганской области,— объяснял директор комбината Кабыл Байдагулов.— Раз в неделю ученики девятых и десятых классов становятся рабочими. Выбор профессий. Авто- и электрослесари, наладчики контрольно-измерительных приборов и автоматики, строители, станочники, машинистки-делопроизводители, швеи, шоферы, продавцы, радиотелеграфисты, чертежники, лаборанты и даже художники-оформители. Над каждым классом шефствует то или иное предприятие, направляющее на комбинат преподавателей-наставников. Строителей опекает трест «Прибалхашстрой», телеграфистов — городской узел связи, слесарей — горно-металлургический комбинат, портных — швейная фабрика. А летом учащиеся проходят месячную производственную практику. Это для них своеобразный экзамен на пороге жизненного выбора, кем быть.

Ю. ВАСИЛЬЕВ
Фото автора

На снимке: занимаются будущие автомобилисты.

БАКУ

ШАХМАТЫ ИЗ ПОЭМЫ

3 ...Средневековая восточная крепость. По углам сторожевые башни. На площади в ожидании сражения застыли войска. Во главе всесильный повелитель. Вдали — мудрый визирь. Здесь же — преданные стражи. Звучит сигнал, нажимается кнопка часов, и начинается... шахматное сражение.

Эту крепость и необычные фигуры смакетировал главный архитектор Центрального проектно-конструкторского бюро Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности Азербайджана К. Шарманов. Делал он их из железного дерева и ореха, произрастающих в республике. Резчики по дереву Г. Джафаров и С. Климов, словно скульпторы, не одну неделю работали над шахматными фигурами, воссоздавая колорит старины.

Опытный экземпляр этого произведения искусства можно увидеть в сувенирном цехе Бакинской мебельной фабрики № 1. А когда начнет работать фрезерно-копировальный станок механической обработки ценных пород древесины, подарочные шахматы запустят в серийное производство. Мастерам-резчикам останется лишь довести до полного совершенства фигуры шахмат, которые шагнули к нам со страниц поэмы «Семь красавиц» спустя почти восемь веков после ее создания.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

На снимке: привыкают к необычным шахматам.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

4

5

6

МОСКВА

ВНИМАНИЕ: ПРОМЫСЛЫ!

4 На ВДНХ построен и открыт новый павильон, рассказывающий о развитии подсобных производств в колхозах. И сразу сюда устремился поток посетителей, не менее устойчивый, чем тот, что постоянно заполняет популярнейший павильон «Космос». Какое разнообразие традиционных для каждой местности ремесел! Нет, не оскудели наши села, аулы, кишлаки людьми талантливыми, не умеющими бездельничать в долгие зимние вечера. Оказывается, кроме производства зерна, мяса, молока, шерсти, хлопка, селяне не разучились заниматься исконными промыслами: столярной, ковроткачеством, плетением кружев, вышивкой, а также шорным и шубным, гончарным и таким «пустяковым» делом, как производство матрешек, свистулек и прочих безыскусных игрушек. Кто дуги гнет, кто хомуты и уздечки шьет, кто преуспел в трикотажном цехе, кто соки давит, кто обзавелся крупорушкой, ну, а Хохлома продолжает восхищать росписью!.. И все это — без отрыва от производства основной сельскохозяйственной продукции.

Чего греха таить, рукоделие и работы в «подсобках» не всегда у нас поощрялись. Хотя именно промыслы давали «живой рубль» колхозам с ослабленной экономикой. Известно, что знаменитый колхоз «Большевик» Гусь-Хрустального района полвека уже выжигает уголь, дерет дранку, метлы вяжет, швабры отгружает на корабли всех наших морей... Большое подспорье экономике ферм и картофельных полей.

Горьковская область — пионер в организации подсобных производств и промыслов в колхозах. Об этом говорит красочная экспозиция. Тут не только Хохлома, где в пяти цехах трудятся десятки художников. За 1978 год горьковчане выручили от поделок, мельничного и крупяного дела около ста шестидесяти миллионов рублей, а на традиционный экспорт пошло продукции почти на полмиллиона рублей.

Отлично поставлено производство трикотажа в латвийском колхозе «Адажи», знаменитом весьма прибыльным современным молочным комплексом. Всего по стране колхозы дали в позапрошлом году только швейных изделий более чем на сто миллионов рублей.

Вот первые записи в книге отзывов: «Очень нужное и полезное дело — промыслы!», «Новый павильон — интересный подарок и москвичам и гостям столицы», «Наконец-то!», «Современный подход к сельской экономике...». А вот главная цифра, встречающая у входа в павильон любознательных посетителей: ГОДОВОЙ ДОХОД ПОДСОБНОГО ПРОИЗВОДСТВА СОСТАВИЛ СВЫШЕ 15 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ.

Вряд ли нужно теперь доказывать, что развитие промыслов на селе связано впрямую с закреплением постоянной рабочей силы, лучшим использованием умелых рук в межсезонье, пополнением рынка самобытной продукцией трудолюбивых сел от Верховины до Чукотки.

Н. ШАТОВ

На снимке: в новом павильоне ВДНХ.

Фото Н. Данилова

И КРАСОТА И ЗДОРОВЬЕ

5 — Я бывала в лучших косметических институтах Европы и Америки, но не будет преувеличением, если скажу, что московский Институт красоты — один из ведущих в мире. Я видела, какими сюда приходят люди и какими уходят. Я просто поражена. Вам есть чем поделиться со своими зарубежными коллегами.

В голосе мадам Дануте Тремски звучит искреннее восхищение. Ее мнение особенно ценно московским специалистам, ведь Д. Тремски — директор французской фирмы «Сокоменст», хорошо знакомой косметологам мира.

— В вашей стране всегда ценились косметические средства на естественной природной основе. Сейчас они чрезвычайно популярны и у нас,— продолжает Дануте.— Теперь не только все женщины, но и мужчины понимают, что кожу необходимо питать, если она заболевает — лечить, а не только скрывать ее дефекты, заниматься декоративной косметикой.

Только что закончились научные доклады на советско-французском симпозиуме по косметологии, специалисты внимательно осмотрели выставку французской косметики и парфюмерии, организованную в Москве фирмой «Сокоменст». А сейчас все собрались в уютном кабинете главного врача московской косметологической лечебницы — Института красоты Н. И. Кольгуненко и беседуют по душам.

На симпозиум в Москву привезли свою продукцию две крупнейшие французские фирмы — «Пьер Фабр» и «Ив Сен Лоран». Первая фирма — комплексное фармацевтическое учреждение. Ее продукция продается в аптеках, а не в парфюмерных магазинах. На юге Франции у фирмы есть плантации лекарственных растений, две тысячи человек работают в исследовательских лабораториях, создают средства для питания и лечения кожи, разрабатывают методы борьбы с отложением жиров, методы похудания. Фирма готовит кремы, пудру, питательное молочко. Ее продукцией пользуются все: от грудных детей до стариков.

Фирма «Ив Сен Лоран» больше занимается духами и декоративной косметикой.

— Как вы относитесь к советским кремам? — спрашивают Дануте Тремски.

— Они чрезвычайно хороши, так как лечат, питают кожу. Франция закупает советские кремы.

— А губная помада?

— Здесь я, пожалуй, не отвечу так однозначно. Качество ее прекрасно, цвета — чуть хуже, а вот упаковка — неважная.

— Вы раньше бывали в московском Институте красоты?

— Да, я хорошо знакома с его работой. Это удивительное учреждение — и по мастерству врачей — косметологов, терапевтов и хирургов, и по дешевой, доступной всем цене за лечение, и по массовости охвата населения. Многие люди на Западе мечтают стать пациентами этого института.

Главный врач института, кандидат медицинских наук Н. Н. Кольгуненко рассказывает, что косметологическая лечебница, ставшая сейчас крупнейшим подобным институтом страны, была создана уже всего через тринадцать лет после победы Октября. Это очень важный факт — потребности населения молодой Страны Советов стали так высоки, что можно было думать и о косметологии.

— А сейчас, впервые в мире, создано в институте детское отделение,— говорит Нина Ивановна.— Оно особенно интересует наших зарубежных коллег. Ведь чем раньше устранить недостаток, тем лучше. Это имеет и психологическое, и биологическое, и социальное значение.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

На снимке: научные доклады на симпозиуме сопровождались наглядными сеансами массажа.

Фото Г. Копосова

6 ЛЕТНИЙ ФУТБОЛ ЗИМОЙ

У шести тысяч болельщиков, заполнявших трибуны футбольно-легкоатлетического комплекса ЦСКА на международном футбольном турнире на приз «Недели», буквально разбегались глаза: на что и на кого смотреть?

Поражал новехонький — с иголочки! — великолепный олимпийский крытый стадион (его тут же нарекли звучно и достойно — Футбольным театром. И думается, что это название может утвердиться — конечно же, при условии, что «артисты» будут играть на его зеленой, нормальных размеров поле-сцене вдохновенно и ярко, доставляя себе — удовольствие, зрителям — радость).

В холлах и на трибунах можно было увидеть больших наших мастеров кожаного мяча — тех, кто в давние времена добывал на полях Мельбурна и Парижа олимпийское золото и Кубок чемпионов Европы (увы, все это было давно...). Целое созвездие имен — Яшин, Нетто, Симонян, Сальников, Иванов, Понедельник...— все побывали тут.

А на залитом огнями мощных лампионов уютном газоне (не лежит душа назвать его искусственным), сменяя друг друга, в течение недели сражались семь советских и три зарубежные команды. И каждая из них питала самые честолюбивые намерения: ведь разыгрывался первый в сезоне приз.

Грозно предстали по первым трем матчам гости — клуб МТК из Будапешта, имеющий в своем составе несколько игроков сборной. Лишь в ключевом матче за выход в финал они в бескомпромиссной борьбе уступили чемпионам СССР — московским спартаковцам (0 : 3). «Спартак» и в этом матче не изменил своей так полюбившейся зрителям по последним сезонам игре: по-прежнему был артистичен, мягок и вместе с тем безудержен в атаке. Голы, забитые Г. Ярцевым и Е. Сидоровым в этой встрече, были из разряда знаменитых федотовских.

В охотку, свежо проводили матчи новички высшей лиги — львовские «Карпаты». Своей боевитостью они словно предупредили ее старожилов, что в большом, летне-осеннем чемпионате страны они не намерены раздаривать очков.

Упорно сражались возрожденный «Пахтакор» и его постоянный конкурент алма-атинский «Кайрат».

Победителем турнира стал «Спартак», со счетом 2 : 1 победивший в финале «Торпедо»; третью ступеньку пьедестала почета занял ЦСКА, переигравший (3 : 0) венгерскую МТК.

Не преувеличивая значения популярного зимнего турнира «Недели», можно сказать, что он явился одним из этапов подготовки нашей олимпийской и национальной сборной. С ними мы связываем самые радужные надежды.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото А. Бочинина

На снимке: победители международного турнира на приз еженедельника «Неделя» — спартаковцы.

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

Улицы и площади Москвы — настоящие страницы скульптурной Ленинианы. Монументы, бюсты, стелы, мемориальные доски отмечают памятные места жизни и деятельности основателя Советского государства. Высеченные из гранита, изваянные из мрамора, отлитые в бронзе скульптуры воспроизводят образ Ильича разных лет.

В числе авторов московской Ленинианы, созданной в основном в 50—70-е годы,—известные скульпторы: С. Меркуров, М. Манизер, В. Цигаль, В. Пинчук, Г. Иокубонис. А открывает ее небольшой барельеф 20-х годов на доме № 12 по улице Веснина — самое первое скульптурное изображение В. И. Ленина в Москве, длительное время остававшееся анонимным.

Барельеф с изображением В. И. Ленина небольших размеров и установлен в нише почти квадратной формы слева от входа. Никаких надписей. Скульптура выполнена высокопрофессионально, в экспрессивной манере 20-х годов. Образ Ильича исполнен динамики. Энергичен поворот головы, характерны прищур острых живых глаз, вздернутая жесткая щетина усов, рисунок глубоких складок у рта и скул. Художник удачно схватил момент рождения ленинского слова. Материал — по-видимому, гипс, покрытый толстыми слоями защитной окраски.

Ленинский барельеф давно известен москвичам. Но история его во многом — загадка. Исчерпывающих ответов на вопросы о том, когда и почему он установлен, кем создан, не дают ни Музей истории и реконструкции Москвы, ни картотеки Главного управления культуры и Главного архитектурного управления Моссовета, ни подавляющее большинство специалистов и краеведов. Не содержит сведений о барельефе и изданная «Московским рабочим» в 1978 году книга «Память, высеченная в камне» — первый справочник о мемориальных досках столицы. Нет о нем данных в путеводителях по Москве.

Историки и искусствоведы пытались разгадать загадку ленинского барельефа. Фольклорный пласт вокруг безымянного барельефа весьма глубок и продолжает расти. Известно, что Ленин никогда не жил в доме № 12 по улице Веснина и вблизи от него. Поэтому существует версия, что установкой барельефа могли отметить память о Ленине вскоре после его смерти. Некоторые придают скульптуре мемориальное значение. Например, А. Е. Путилова, бывший врач-невропатолог, которая прожила в этом доме 65 лет, вспоминает, что В. И. Ленин побывал здесь в 1919 или 1920 году вместе с Г. М. Кржижановским у инженера Леонтьева, жившего тогда на первом этаже. Достоверен и широко известен факт приезда Ленина на улицу Веснина (тогда она называлась Большим Денежным переулком) 6 июля 1918 года, в один из наиболее драматических моментов политической борьбы. Восстание левых эсеров и убийство ими германского посла Мирбаха вновь поставили Советскую Россию, только что заключившую по инициативе Ленина мирный договор в Бресте, на грань войны.

Посольство Германии располагалось тогда напротив дома, где установлен барельеф. Владимир Ильич посетил его вместе с Я. М. Свердловым. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, улица, где располагалось посольство, была оцеплена с обеих сторон латышскими стрелками, и автомашина Ленина, по-видимому, остановилась рядом с подъездом дома № 12, откуда он направился в посольство. Есть и другое предположение — что Владимир Ильич по приезде на место задержался у подъезда этого дома, пока в посольстве шли переговоры о процедуре приема главы Советского государства.

Не менее сложным, чем причина установления барельефа, оказался вопрос о его авторе, которого длительное время не могли выявить специалисты.

О творце ленинского барельефа — скульпторе Г. И. Кепинове — впервые упомянул С. Понятовский в небольшой публикации журнала «Юность» (№ 4 за 1965 год). Но осталась она, по существу, незамеченной. Двумя годами ранее была издана монография К. С. Кравченко о Кепинове, который вошел в историю советского искусства как мастер скульптурного портрета.

Участие в революционном движении 1904—1905 годов, встречи с А. М. Коллонтай и Р. С. Землячкой, Петербургский университет, обучение искусству скульптора в Париже, где Г. Кепинов находился под особенно сильным влиянием творчества О. Родена,— таковы основные начальные вехи жизненного пути художника. С 1921 года Кепинов в Москве. К этому времени и относятся его первые из сохранившихся произведений, через несколько лет представленные на творческой выставке. В их числе и барельеф В. И. Ленина, созданный скульптором за кратчайший срок в 1924 году, по-видимому, под впечатлением известия о его смерти. Это следует из того, что скульптура была направлена в комиссию ВЦИК по увековечению памяти В. И. Ленина, которая рассматривала все оригинальные изображения вождя с целью отобрать лучшие из них для приобретения государством и массового тиражирования. Обращение комиссии было опубликовано в газете «Известия» зимой 1924 года, и для заявления о местонахождении оригинальных портретов и скульптур В. И. Ленина предоставлялся недельный срок.

В числе десяти скульптурных изображений вождя, отобранных комиссией для воспроизведения и распространения, находился и барельеф работы Кепинова. В том же 1924 или в 1925 году одно из повторений барельефа и было установлено на доме № 12 по улице Веснина.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ

ШЕЛКОВАЯ РАДУГА

В Молдавии, да, пожалуй, и во всех других районах страны, знают продукцию Бендерского шелкового комбината — прекрасные многоцветные ткани. Спрос на них велик. Молдавские ткачихи, включившись в социалистическое соревнование в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, на существующих площадях заметно увеличили выпуск продукции и стали обслуживать гораздо больше станков, чем положено по норме.

Тон в этом соревновании задает коммунист, депутат Верховного Совета СССР В. Г. Морой. Опытный мастер, терпеливая наставница молодежи, она вместо восемнадцати станков обслуживает пятьдесят. Валентина Гавриловна решила к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина завершить свою вторую пятилетку. У передовой ткачихи немало последователей — соперниц по труду. Итог этого соревнования знаменателен: комбинат еще в ноябре прошлого года выполнил задание четвертого года пятилетки. Но трудовое соперничество продолжается, а это значит, что добротных, красивых тканей будет поступать все больше и больше...

Б. БОРИСОВ

В. Опманис. Род. 1944. ПАХАРЬ Б. СВЕТИНЬШ, КАВАЛЕР ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

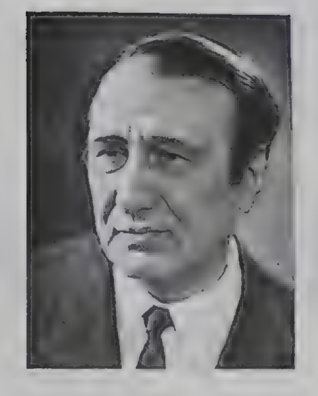

А. Мухаммедов. Род. 1943. УТРО В ГОРАХ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ПЕРВЕНЦЕВА

В КИПЕНИ СОВРЕМЕННОСТИ

Аркадию Алексеевичу Первенцеву — семьдесят пять. Поверить трудно. Обычно в этом возрасте литераторы обращаются к прошлому и чаще всего пишут мемуары, воспоминания о прожитом и пережитом. Но не Первенцев. Его новый роман «Директор Томилин» свидетельствует, что писатель сегодня, как и прежде, весь в кипени современности. И сегодня он, как и на протяжении своей более полувековой литературной деятельности, всем существом органически связан с судьбой народа, остается лично причастным и увлеченным участником дел и свершений сегодняшнего дня. Такова судьба, таково свойство его художественного дарования.

Перед читателями романа «Директор Томилин», талантливой книги, посвященной людям социалистической индустрии, советскому рабочему классу, оживают и герои нашего времени и современность со множеством ее сложнейших проблем. Преемственность поколений и революционных традиций, воспитание молодежи, счастье подлинное и мнимое,— эти и другие вопросы, связанные с формированием коммунистической морали, с нынешним этапом перестройки промышленности на новых принципах организации и технической оснащенности, нашли отражение в характерах и судьбах его действующих лиц. Все в романе проникнуто утверждением созидательного, творческого духа нашей бурной эпохи.

Ровесник первой русской революции, Аркадий Алексеевич Первенцев прошел большой жизненный и творческий путь. Юношей он был свидетелем и участником ожесточенных классовых схваток за Советскую власть на родной Кубани. Боец продотряда, а затем активный комсомолец, в 20-х годах он рабкор на Кубани. В 1926 году рабочие тихорецких железнодорожных мастерских избрали его депутатом городского Совета. После службы в Красной Армии Первенцев вернулся в Тихорецк и работал в райкоме, а затем в горкоме комсомола. В 1929 году Первенцев по путевке комсомола приехал в Москву и поступил учиться в МВТУ. Одновременно он стал работать, а затем был назначен директором филиала Московского машиностроительного института на заводе «Динамо».

В середине 30-х годов Первенцев начинает писать прозу. Первые его рассказы о гражданской войне — «Бессилие смерти» и «Васька Листопад» — в 1936 году были отмечены премией на Всесоюзном конкурсе начинающих авторов. Тогда же, продолжая работать на заводе «Динамо», Первенцев пишет роман «Кочубей», выдержав нелегкую борьбу за справедливую оценку народного героя. Вслед за этим крупным произведением социалистического реализма писатель выступает с трехтомной эпопеей «Над Кубанью», проникнутой героикой гражданской войны на юге России. Эти произведения принесли Первенцеву заслуженную известность и окончательно определили его дальнейшее творчество.

В годы Великой Отечественной войны Первенцев создает пьесу «Крылатое племя» об отважных героях-летчиках, защищавших московское небо. Весной 1942 года в журнале «Новый мир» публикуется его роман «Испытание». Это был первый роман о героях военного тыла.

Писатель участвует в героической обороне Севастополя, в битве за Кавказ. После тяжелого ранения летом 1942 года он снова возвращается на фронт и пишет о летчиках, краснофлотцах, артиллеристах, морских пехотинцах и десантниках, участвуя вместе с ними в боевых операциях. Его рассказы и очерки «Девушка с Тамани», «Валька с торпедной девятки», «Орлы дальних полетов», «Люди одного экипажа», «Железный батальон» и множество других завоевали огромную популярность. Их переводили и печатали во многих зарубежных газетах и журналах. Участие А. Первенцева в освободительных боях за Новороссийск, Керчь, Феодосию, Севастополь было отмечено орденом Отечественной войны первой степени.

Война еще больше сроднила писателя с Советской Армией. Военно-патриотическая тема стала одной из главных в творчестве Первенцева.

В послевоенные годы у него выходят романы «Огненная земля», «Честь смолоду», «Матросы», «Остров Надежды», «Секретный фронт», посвященные людям нашей армии и флота.

Не оставляет он и тему рабочего класса. К героям первых пятилеток обращен роман «Гамаюн — птица вещая». О металлургах Подмосковья, о творческом содружестве рабочих, инженеров и ученых, создавших сталь для космических кораблей, повествуется в романе «Оливковая ветвь». Жизнь тружеников кубанского края в шестидесятые годы, представителей трех поколений нашла отражение в романе «Черная буря».

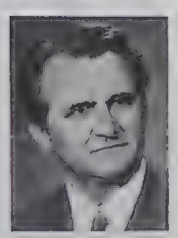
А. Первенцев известен не только как автор крупных эпических произведений о современности, но и как драматург и киносценарист. Его пьесы «Южный узел», «Младший партнер», инсценировки книг «Честь смолоду», «Кочубей» шли во многих театрах страны. Памятны зрителям и кинофильмы, снятые по его сценариям: «Третий удар», «Братья», «Кочубей», «Герои Шипки», «Космический сплав» и многие другие.

За свою литературную деятельность А. Первенцев дважды удостоен Государственной премии СССР.

Необыкновенной творческой активности и работоспособности под стать и общественная деятельность писателя. Депутат Верховного Совета РСФСР Первенцев сегодня вновь выдвинут своими избирателями кандидатом в высший орган республики. Он член правлений Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, заместитель председателя Общества советско-болгарской дружбы. И эта обширная общественная деятельность прочно связывает его с народом, с обществом, с современностью, питает живительными соками его творчество, чему свидетельство — новый роман «Директор Томилин».

Юрий ПУХОВ

Николай ЖУРАВЛЕВ

* * *

На снежном лугу я увидел цветы,
Как будто весна средь зимы наступила,
А может быть, осень с крутой высоты,
На юг пролетев, их на снег обронила.
Но рядом с цветами я вижу следы —
Здесь весело юность чужая промчалась...
А мне, столько знавшему в жизни беды,
От счастья веселого память осталась...

* * *

Предзимье — не зима, не осень:
Мы ждем зимы, а не живем.
А на полях ликует озимь,
И ей предзимье нипочем!

Предзимье... В нем без перерыва
Живет и торжествует год,
И нет в нем мрачного надрыва:
Смотри — как озимь в рост идет!

РОЩА

Л. Леонову

Рельсы тяжестью прогибая,
Вновь проносится близ меня
Бездыханная и нагая
Роща, сложенная в штабеля.
Мое сердце стеснилось болью:
До какой же такой поры
Ты встречать будешь нас любовью,
Мы — встречать тебя в топоры?!

* * *

Зачем летите вы, ответьте, журавли,
По небу бурному к таинственному югу?
Какая сила рвет вас от земли,
Где каждый вырос и нашел подругу?..
И пусть я не открою ваших тайн,
Не разгадаю сути сокровенной,
При виде ваших клинописных стай,
Я вслед лечу за вами по Вселенной!..

Юрий ЛУШИН,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

ЭКИБАСТУ

Все было так же, как год назад, и не так. Так же неласкова была к людям экибастузская степь с ее переменчивым нравом — с утра дождь, потом вдруг снег, к ночи — мороз и все время ветер, пытавшийся сдуть все, что можно, с ровной ладони степи. По-прежнему поражал своей монументальностью главный корпус первой ГРЭС, но призывный лозунг на фронтоне: «Даешь 1 миллион квт. в 1979 году!» — сняли. Да, теперь было ясно, что, может, состоится пуск только одного энергоблока — на 500 тысяч киловатт, но и об этом говорили осторожно. По-прежнему точно в назначенное время начинались в штабе строительства планерки, но вел их теперь заместитель министра энергетики и электрификации СССР Валентин Александрович Кожевников. Сам в прошлом монтажник, он вникал во все тонкости монтажа, во все мелочи стройки, в нужды каждой бригады. Все это было довольно необычно и говорило о крайнем напряжении сил и даже особой сложности ситуации. Чувствовалось, что недавняя резкая и справедливая критика в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС по поводу неудовлетворительного состояния дел на сооружении Экибастузских ГРЭС принята здесь близко к сердцу и люди стараются поправить положение. Стройка переживала решительный момент. Ведь для того, чтобы пустить даже один блок, надо было завершить в полном объеме работы по заполнению водохранилища на 70 миллионов кубометров, соорудить подъездные пути, вагоноопрокидыватели и угольный склад, подстанцию, комплекс химводоочистки — целый завод, дымовую трубу высотой 300 метров и многое другое. И все эти работы шли полным ходом.

...До начала штабной планерки оставалось несколько минут. Я смотрел на развешанные по стенам чертежи и фото ГРЭС и терзал вопросами управляющего трестом «Экибастузэнергострой» Эдуарда Евгеньевича Филатова. На картинке станция была прекрасна и чиста. А за окном в липкой коричневой жиже тяжело ворочались грузовики, бульдозеры и краны. Низкое небо давило на синий корпус ГРЭС. Филатов переместился к окну и рассказывал, поглядывая туда — на стройку.

— Все наши беды происходят от разного рода нехваток, главная из которых — недостаток рабочей силы,— говорил он.— Причем мы сейчас не можем пожаловаться на то, что к нам мало едут. Едут много, и кадры хорошие, но и уезжают много. А уезжают потому, что нет жилья...

— А жилья нет потому, что некому строить? — Я вспомнил, что писалось год назад в «Огоньке» (№ 3, 1979 г.) об этой проблеме: «Давно признано, что в восточных районах страны вопросам жилья и объектам культурно-бытового назначения на больших стройках необходимо уделять особое внимание. Эту мысль неоднократно подчеркивал Леонид Ильич Брежнев во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока. Однако министерства угольной промышленности, энергетики и электрификации СССР, форсируя ввод производственных мощностей, явно забывают о жилье. Разрыв между нарастающим объемом работ и возможностями размещения, закрепления людей увеличивается с каждым днем...

Заколдованный круг.

Кто же разорвет этот круг? Сколько раз уж писалось о необходимости вести строительство комплексно, не забывать за пусками производственных мощностей о жилье, детсадах, магазинах, кафе, клубах! Особенно это важно для молодежных строек, какой является Экибастузский топливно-энергетический комплекс. Ведь мы знаем примеры, достойные подражания,— строительство ВАЗа, КамАЗа, БАМа, где показан по-настоящему государственный подход к делу...»

...В Экибастузе с самого начала отказались от палаток, вагончиков и времянок, решив сразу же строить капитально и, как говорится, на века. Не хватало, правда, «пустяка» — собственной базы стройиндустрии. Но в Минэнерго СССР решили, что Экибастуз вполне могут снабдить деталями и конструкциями домов высвобождавшиеся домостроительные мощности в Набережных Челнах, Братске, Назарове и Верхнем Тагиле. Блистательный с виду проект оказался, однако, нереальным. Поставки деталей домов начали срываться сразу же после принятия решения. К тому же в Экибастуз посылались панели устаревших серий. В 1978 году, например, вместо 50 тысяч квадратных метров жилья ввели по этой причине лишь 32 тысячи. В 1979 году построили только половину из запланированного. Потому что Братск вместо 20 тысяч квадратных метров поставил только одно общежитие, Набережные Челны из 20 тысяч метров дали только два дома, Назарово вместо первого полугодия выполнило свои обязательства лишь в самые последние дни года (формально выполнив план, а на деле? Ведь конструкции еще надо было смонтировать, провести отделочные работы и т. д.). А людей на стройке по-прежнему не хватает, и приезжающих селить некуда. Я был в одном молодежном общежитии. Кровати в нем стояли впритык. Люди забирались в постели, перелезая через спинки. В такой обстановке от самого Морфея убежал бы сон...

Наверное, можно определить материальные потери от организационных неурядиц, но вот как подсчитать потери моральные?

Раз уж я заговорил о них, то необходимо обратить внимание и на то, как живут и трудятся угледобытчики. Тут свои проблемы.

— Создалось парадоксальное положение,— рассказывал генеральный директор объединения Станислав Павлович Куржей,— когда самое крупное в отрасли объединение, ежегодно осуществляющее самый большой прирост добычи угля (в 1979 году, например, прирост составил 7,5 миллиона тонн), повышающее производительность труда, успешно осваивающее новую, невиданную ранее в мире технику, дающее самое дешевое топливо в стране, в течение ряда лет считается отстающим... не по своей вине. Годовые планы добычи ежегодно корректируются по фактически выполненным объемам, что больно бьет по настроению и самолюбию коллектива. Выходит, что те, кто сделал меньше нас, получают премии и поощрения, а мы — ничего. Каждый год мы получаем из Госплана СССР нереальные планы. Каждый год мы агитируем коллектив брать повышенные обязательства, хотя заранее известно, что по не зависящим от нас причинам задание будет сорвано. Надо как можно быстрее решить вопрос стабильности плана, надо найти критерий оценки работы объединения!

Видимо, нужен и сбалансированный план, учитывающий пропускную способность железной дороги, потребность энергетиков в угле и технические возможности нашего объединения. Для нас самое болезненное — это хроническая нехватка вагонов для отгрузки угля. Ежегодно Министерство путей сообщения обещает исправить положение и ежегодно обещаний своих не выполняет. В прошлом году нам недодано семьдесят тысяч вагонов, а это значит, что мы, в свою очередь, не отправили потребителям четыре с половиной миллиона тонн угля. Вина, конечно, падет на нас. Есть ли выход из создавшегося положения? Да, есть. МПС должно закрепить за Экибастузом кольцевые маршруты, то есть постоянные составы, которые бы занимались только перевозкой нашего угля, не отвлекаясь в сторону...

Главный пульт управления. Идет сборка.

Новый район города.

Пока роторный экскаватор на пути к забою. А потом — работа: 2500 тонн угля в час!

3: ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

Кстати, об этой проблеме неоднократно говорилось на заседаниях штаба стройки. На заседании, о котором шла речь вначале, заместитель министра тов. Кожевников сказал о задаче последнего года пятилетки, стоящей перед коллективом,— пустить еще три блока на первой ГРЭС!

В зале повисла напряженная тишина. Потому что в истории строительства станций еще не было случая, чтобы за год пустили сразу три энергоблока. Тем более, что пока не решена проблема жилья и уже начинаются работы на второй ГРЭС. Но чрезвычайные меры, принимаемые для выправления положения, вселяют определенный оптимизм. Уже начинает работать в полную силу мощный домостроительный комбинат в Ермаке, созданный специально для нужд Экибастуза. Второй комбинат создается непосредственно в самом городе. Может быть, на этот раз пресловутый «заколдованный» круг разорвется? Пора бы, пора. Ведь время не ждет!

Хочу быть правильно понятым. Мне дорога эта стройка в Экибастузе и не впервые я пишу о ней. Возможно, поэтому я излишне придирчив в данном очерке, но только оттого, что хочется видеть любимое детище без изъянов, хочется идеала. Я знаю, что проект станции во многом уникален, и это рождает непредвиденную сложность. Например, смонтирован котел для сжигания угля высотой в десятиэтажный дом. Таких у нас еще не было. Только-только успели его растопить, как в проект второй ГРЭС жизнь потребовала внести коррективы, и там будет несколько иной котел. А ГРЭС-2 уже, между прочим, тоже строится. Можно представить, как трудно в пять—семь лет построить новый город. А ведь именно это и предстоит сделать экибастузским строителям — настолько масштабен генеральный план развития Экибастуза. Обо всем этом мы как-то беседовали до поздней ночи с первым секретарем горкома партии Геннадием Алексеевичем Никифоровым. Человек большого организаторского опыта, он беспредельно любит новый город и способен внушить эту любовь каждому. Говорили мы, разумеется, и о проблемах, но больше о том, каким быть городу.

— Будущее рождается сегодня,— говорил Геннадий Алексеевич,— и если мы о нем не подумаем сейчас, то завтра будет поздно. По генплану первой очереди население Экибастуза должно увеличиться к 1985 году вдвое. Что это значит? Не только то, что к тому времени необходимо построить по сути дела второй Экибастуз. Это еще и то, что в неизмеримо большем масштабе возрастут духовные и культурные потребности молодого города. Поэтому уже сейчас полным ходом ведем строительство нового Дворца культуры—его проект великолепен. Возводим широкоформатный кинотеатр, дом быта, спортивный комплекс, стадион, проектируем Дворец пионеров, новые школы с бассейнами. Глубоко убежден, что городу нужны для подготовки кадров свои вузы. Один из них, строительный, соорудили своими силами молодые рабочие — будущие студенты и преподаватели, в свободное от работы время. Институт еще не открыт, но есть уже около 20 кандидатов наук, которые станут преподавать в нем. Все есть. Ждем теперь решения Министерства высшего образования об организации института... А строили здание методом воскресников-конкурсов на звание лучших по профессии: плотников, каменщиков, штукатуров. Вот увидите, город у нас будет чудесный. Центр — высотные дома, парки, широкие проспекты, троллейбусы. Вокруг города — зеленый пояс лесопосадок для защиты от ветров. На берегу водохранилища — зоны отдыха, яхты, байдарки, и рыбалка там будет чудная.

На следующее утро я ходил по Экибастузу и смотрел на него какими-то новыми глазами. На проспекте Ленина красовались домановоселы, на месте которых недавно были лишь фундаменты. Там, вдали, за каких-то два года возник совершенно новый микрорайон. Тут расширилась улица (не для троллейбусов ли?), там высаживалась аллея молодых елочек, привезенных из кокчетавского лесничества. Будущее рождалось на моих глазах. Но ведь мы привыкли его торопить.

Во втором номере журнала мы начали публикацию «Летописи Великой Отечественной». Обращаемся к участникам Великой Отечественной войны, к их отцам, матерям, женам, детям и внукам: пришлите в редакцию фронтовые письма и фотографии!

Пусть в эти дни со страниц «Огонька» прозвучат голоса тех, кто писал эти письма в землянке, готовясь к стремительной атаке. Кто в снежные ночи защищал Москву. Кто пал в боях у Ленинграда и Сталинграда, у Курска и Орла. Кто, перешагнув границы освобожденной Родины, вступил в схватку с фашизмом за свободу Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Германии и других стран.

Дорогие ветераны! Если не сохранились ваши фронтовые письма, расскажите о самом памятном эпизоде войны. Вспомните о подвиге, участником или свидетелем которого вы были. Расскажите о братстве по оружию с народами других стран и о самой волнующей встрече за пределами Родины.

1418 дней войны... Суровых, тревожных, горьких и радостных. И среди них самый заветный — ДЕНЬ ПОБЕДЫ! Где и как встретили вы великий этот день!

Нам хотелось бы, чтобы, отсылая в «Огонек» фронтовые письма и фотографии, вы рассказали историю этих семейных реликвий. Мы понимаем, что они для вас бесценны, и потому предлагаем присылать в редакцию копии писем и фотографий.

Ждем писем до первого мая 1980 года!

На конверте пишите: «Летопись Великой Отечественной».

СЫНОК

Я служил в дважды Краснознаменном Балтийском флоте с 1932 года по 1954 год. В Великую Отечественную войну, с начала ее до конца, находился на боевых кораблях на защите Ленинграда.

Вот какая история врезалась мне в память.

Это случилось мартовским утром 1942 года. Я стоял на мостике, рассматривал передний край обороны, чтобы доложить в штаб Охраны водного района утреннюю обстановку. Командир корабля Владимир Васильевич Сорокин после ночной боевой операции на льду Морского канала отправился отдыхать. Но отдых командира на передовой позиции был очень коротким. Едва он снова появился на мостике, сигнальщик доложил: «Вправо по борту, в шести кабельтовых, по направлению к кораблю движется человек!» И тут же уточнил: «Пацан какой-то, ползет к нам». Мы вышли на палубу и стали с командиром смотреть, что за гость направляется к кораблю. От берега Канонерского острова медленно передвигалась небольшая фигурка, оставляя за собой неровную цепочку следа в глубоком снегу. Вскоре все, кто был на верхней палубе, убедились, что к кораблю идет мальчуган в длинном пальто, в шапке-ушанке и больших не по росту валенках. В руках у него был котелок.

Когда до борта корабля оставалось несколько десятков метров, малыш остановился и, закинув голову, протянул котелок и что-то прокричал. Что именно, никто не расслышал, но всем было понятно — просит есть. Боцман, главный старшина Семенов, не выдержав, вбежал на мостик к командиру:

— Разрешите доставить малыша!

— Добро,— коротко проговорил Сорокин. Боцман перемахнул прямо через борт и в несколько секунд оказался около малыша, схватил его на руки и пошел к кораблю.

Появление на корабле ребенка на какое-то мгновение разрядило напряженную боевую обстановку. Все, кто находился на палубе, кроме вахтенных, окружили малыша. И каждый в этот момент чувствовал, словно он встретил своего сына или дочь.

Мальчик с наивным любопытством смотрел на матросов. Он был неописуемо рад, что оказался на военном корабле, и, указывая на котелок, повторял:

— Дайте мне супчик, бабушка умирает и супчик просит!

Мы с командиром тоже решили спуститься на бак, чтобы взглянуть на гостя. Сорокин взял мальчика на руки. Малыш с ясным детским любопытством смотрел в бородатое лицо командира.

— Дядя командир, помогите, бабушка умирает!

Сорокин прижал к груди ребенка и поцеловал его бледное личико.

— И бабушку и тебя накормим, малыш! — сказал Сорокин.

Но обещание командира словно не обрадовало малыша. Он вопросительно и даже со страхом посмотрел в его лицо и вдруг расплакался.

Командир крепче прижал к груди мальчика и принялся его успокаивать.

— Дядя командир, у меня продовольственные карточки отняли,— сквозь слезы проговорил мальчик.— Вот я и пришел к вам для бабушки суп взять. У меня одна бабушка осталась: папа погиб, а маму при бомбежке стеной задавило.

— Комиссар, займитесь, пожалуйста, с нашим дорогим гостем,— передавая мне ребенка, проговорил Сорокин, а сам поспешил на мостик. За все время службы с Сорокиным я впервые увидел на лице командира слезы.

В этот момент рядом с кораблем разорвался снаряд.

— Берегите сыночка! — крикнул я боцману, сам бегом по трапу устремился на мостик. Все матросы мгновенно заняли свои боевые посты.

На этот раз бой был недолгим. Артиллерийский огонь противника так же внезапно прекратился, как и начался.

На мостик поднялись трое: боцман Семенов, матрос из машинной команды Дергунов и матрос-сигнальщик Логинов. Боцман обратился к командиру:

ПИСЬМО ИЗ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Дорогой «Огонек»! Я давно твой подписчик. Обращение к ветеранам минувшей войны не оставило меня равнодушной. Мне кажется, что журнал в год 35-летия Победы делает очень большое и благородное дело, собирая фронтовые письма и наши воспоминания о Великой Отечественной войне. Мне довелось с первых дней быть на фронте. Хотя я еще была совсем юной, уже в июле 1941 года я получила первое ранение, и оно было не единственным.

Мало было семей, которых бы миновала война. Из моей семьи ушли на фронт четверо братьев: Леонид, который окончил Московское военно-политическое училище 2 мая 1941 года, а в июле 1942 года погиб в Белоруссии; не вернулись с войны пограничник Анатолий, летчик Виктор, политработник Алексей.

6 августа 1942 года в городе Ростове-на-Дону была расстреляна моя мать... А через год я получила известие, что 6 августа под городом Сталино погиб мой муж Петр Выскваркин. До войны он был вторым секретарем горкома партии в Каспийске, в Дагестане. В сороковом году служил комиссаром батальона военного училища связи, а когда началась война, он попал в 470-ю дивизию, позже переименованную в 73-ю стрелковую дивизию, в 413-й стрелковый полк. И все эти годы я бережно храню его фронтовые письма. Последнее, адресованное маленькому сыну, я посылаю в редакцию, потому что можно считать, оно адресовано ко всей нашей молодежи.

Л. Е. ВЫСКВАРКИНА,
ветеран Великой Отечественной войны.

Москва.

Петр и Любовь Выскваркины.
Снимок 1941 года.

— Разрешите, товарищ командир...— и замолк. Он стоял, переступая с ноги на ногу, смущенно смотрел на командира и молчал. Выручил боцмана матрос Дергунов:

— Мы, товарищ командир, просим оставить мальчишку на корабле: сирота ведь, умрет с голоду.

— К сожалению, это невозможно. Мы должны воевать и жизнью ребенка рисковать не можем, — вмешался я. — Давайте я отведу мальчика домой, и если бабушка плоха, то отыщу в городе приют для сирот.

Наш корабельный врач осмотрел Володю, мы его вымыли, накормили. Матросы смастерили ему тельняшку, теплые кальсоны, даже где-то нашли бескозырку малого размера. Нашлись и такие среди матросов, что смастерили для мальчика игрушки. Все на корабле принимали участие в подготовке подарков для Володи.

Ленинград, 1942 год.

Фото Б. Кудоярова и А. Гаранина

После обеда мы отправились с ним на Канонерский остров. Когда подошли к дому, где жил Володя, я поднял на руки ослабевшего малыша и поднялся по обледеневшей лестнице. Окна лестничной клетки были без стекол, а в стенах зияли пробоины от артиллерийских снарядов.

— Вот и наша квартира! — с радостью проговорил Володя. Дверь в квартиру была приоткрыта.

Услышав наши шаги, бабушка, не открывая глаз, тихо спросила:

— Володя, это ты? — И помолчав, продолжала: — Ты съешь мой хлеб, я все равно умру.

Я подошел к бабушке, взял котелок из рук мальчика и стал кормить ее с ложки супом. Придя в себя, бабушка долго рассматривала меня, потом спросила:

— Откуда ты, спаситель?

— Спаситель не я, а ваш внук!

— Это дядя командир с корабля, — указывая на меня, сказал Володя. В комнату вошла женщина, одетая в полушубок и закутанная в шаль.

— Кто вы? — строго спросила меня женщина.

— Вот, Володин гость, — объяснил я. Женщина жадными глазами смотрела на котелок с супом и на хлеб. Я отломил кусок хлеба и дал ей.

Женщина оказалась управдомом. Она объяснила, что Володя уже взят на учет и в случае чего его сразу же отправят в детский приют. Вопросительно посмотрев на Володину бабушку, она, наклонившись ко мне, тихо сказала:

— Не знаю, выживет ли старуха, но карточки им обещают дать. Вы, верно, родня им будете?

— У них большая родня — балтийские моряки!

Управдом подошла к бабушке и, указав на Володю, проговорила: «Внук-то у тебя смекалистый, бабка Матрена, знал, к кому обратиться!»

Старушка настолько была слаба, что не могла понять, что происходит вокруг, только слабым голосом спросила: «Откуда такая милость?» «Не с неба свалилась, бабушка, а с корабля, от матросов! В общем, теперь жить будешь, Матрена Ивановна!»

Женщина слабо пожала мою руку.

— Спасибо вам за мальчика! Спасибо вам за то, что фашистов в Ленинград не пустили! Нам и паек на днях прибавили, значит, скоро фашистам крышка.

Я пошел во двор, выломал из забора несколько палок. Растопил железную печурку и сделал наказ Володе, чтобы он кормил бабушку только теплым супом.

Потом Володя часто приходил к нам на корабль. Матросы ждали его, как родного сына, и обязательно с подарком: один вырежет силуэт корабля на линолеуме, другой нарисует море. А матрос Дергунов нарисовал для Володи несколько картин.

Однажды всю ночь шел тяжелый бой на Морском канале. Группа матросов с нашего корабля во главе с командиром поддерживала в бою морскую пехоту. Вернулись мы на корабль только утром. В той группе был матрос Дергунов. Всем, кто участвовал в ночном бою, командир разрешил отдыхать. Но Дергунов не лег. Он готовил подарок корабельному сынку. Когда вахтенный сообщил, что идет Володя, Дергунов вышел на палубу встретить его. Он приготовил ему в подарок картину и назвал ее «Сибирская зима». Но не успел мальчик дойти до корабля, как раздались артиллерийские залпы. На этот раз под обстрелом был Канонерский остров, и наш корабль попал в центр огневого налета. «Наш сынок в опасности!» — крикнул Дергунов и, перемахнув через борт, кинулся к Володе. Едва он добежал до мальчика, как услышал над головой шипение снаряда и упал на лед, закрыв своим телом сынка. Раздался взрыв. Осколки снаряда, битый лед столбом взметнулись перед кораблем. А когда дым рассеялся, мы увидели два неподвижных тела. Матросы с санитарными носилками бросились к ним. Дергунов уже не дышал, а Володя, к счастью, остался жив.

...Похоронили сибиряка-матроса на самом берегу залива.

Шел апрель 1942 года. Начал таять лед, и связь с берегом по льду прекратилась. Больше я не встречал нашего названого сынка Володю. Что с ним было в дальнейшем, мне не довелось узнать. В апреле я получил новое назначение — военным комиссаром дивизиона тральщиков.

А как хотелось бы знать, жив ли тот мальчик с Канонерского острова?

Н. Е. ОСИПОВ,
капитан 3-го ранга в отставке
Москва.

«Мои дорогие и любимые жена Любаша и сынок Евгений! Простите меня за задержку с ответом. Но тому есть своя серьезная причина. Как же я был счастлив, получив фотографии своей любимой семьи! Если бы вы знали, мои родные, сколько радости они мне доставили. Ежедневно и не один раз я раскрываю планшет и любуюсь вами. Как приятно знать, что у тебя такая хорошая, такая добрая семья! Евгений! Ты прекрасный малыш. Вот только одно мне не понравилось, когда я узнал, что ты хотел бы, чтобы сейчас папа был с тобой. Это неправильно, сын! Сейчас время такое, когда нужно свои личные интересы отодвинуть в сторону и отстаивать наше общее дело — нашу прекрасную Родину, без которой у каждого из нас не может быть счастья в жизни! Мы, взрослые люди, за время существования Страны Советов это счастье познали, и когда встал вопрос о том, чтобы отстоять это счастье,— двух суждений и быть не может! Нужно драться с коварным, жестоким, неумолимым врагом, нужно сражаться с оружием в руках, а рассуждать сегодня о мирном времяпровождении — значит идти на преступление перед совестью, перед тобой, мой сын! Ведь счастье для тебя нужно отстоять. И делать это должны мы — отцы. И тогда вы, сыновья и дочери наши, будете преклоняться перед нами. Да и счастье жизни, собственно говоря, состоит в борьбе за свободу Родины. Вот ты, Женя, маленький, а когда вырастешь, ты прочитаешь эти строки, если сохранится это письмо, и убедишься в правильности моих слов. А пока мы будем биться за эти лучшие времена — биться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить жизнь, такую многогранную, кипучую, трудовую!

Предстоит бой, и, я уверен, мы не пожалеем ни сил, ни жизни. И если мы не вернемся, после нас будут жить наши дети, наши внуки, и они будут помнить о тех, кто не вернулся домой. Крепко обнимаю, целую тебя, Любаша, и сына Евгения. Пусть он станет таким, как его отец!

Думаю, скоро начнем! Петр.

27 июля 1943 года».

ЖДЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

В сентябре 1944 года советских солдат-освободителей встречали и жители нашего села Сушица, Великотырновского округа. Один из бойцов остановился в доме моего деда. Мой отец Костадин Маринов Костов — ему было тогда восемнадцать лет — и Гриша (так звали солдата) крепко подружились. Но продолжалась война, и вскоре советские части ушли из села. На память Гриша подарил эту фотографию.

Отец часто рассказывает мне о Грише. Как будет рада вся наша семья, если наш советский друг отзовется!

Станка Костадинова **МАРИНОВА**
г. Горна-Оряховица, Болгария.

КИСТИ, КЛЕЕНКА, ДУХАНЫ...

Георгий ГУЛИА

Рисунок А. ЛУРЬЕ

РАССКАЗ

Георгию Цицишвили

Это был прекрасный духан, в самом центре Тифлиса, совсем недалеко от Эриванской площади, наискосок от караван-сарая, напротив Пушкинского сквера, совсем рядом с Солдатским базаром. Прекрасный духан в прекрасном подвальном помещении, с прекрасным запахом свежего лаваша, сочного чеснока, молодого лука, горчицы и уксуса. Да, не забыть бы еще: с чудным ароматом не какого-нибудь, а самого лучшего вина — кахетинского.

В тесное помещение духана вела крутая каменная лестница. При спуске не мешало немножко пригнуться—притолока не больно высока. Но какое это имеет значение, если спускаешься не в ад, а в самый настоящий эдем?

Именно сюда и пожаловал в солнечный день ранней весны 1918 года худощавый мужчина в извозчичьем картузе, черной косоворотке и неопределенного цвета пиджаке. Он нес деревянный ящичек, похожий на фельдшерский саквояж, и на ходу присматривал себе место в укромном углу.

Он нашел себе местечко, поставил у ног ящичек. Он дышал тяжело. Глаза были мутные. Борода плохо расчесана.

Было часов десять утра. В это время завсегдатаи духана, главным образом извозчики, мелкие торговцы, чистильщики сапог, носильщики тяжестей, уже выпивали свое и плотно закусывали. И духан был полупустой.

Буфетчик Самсон Даушвили вышел из-за стойки и подошел к позднему посетителю, вытирая руки о фартук.

— Нико,— сказал он,— а про тебя уже спрашивали.

Нико дрожащими руками расправлял усы и приглаживал бородку.

— Кто? — прохрипел он.

— Слушай,— продолжал пухлый, волосатый, как черт, Самсон.— По-моему, ты скоро разбогатеешь.

Нико пропустил мимо ушей это слово «разбогатеешь», которому Самсон, как видно, придавал особое значение.

— Слышишь, что говорю?.. Эй, Нико.

— Слышу,— выдавил из себя Нико.

— Так вот: приходили эти самые братья Зданевичи, этот молодой художник... Как его?.. Ле... Ле... Дантю... И еще Ладо Гудиашвили... Какабадзе тоже... Да ты их всех хорошо знаешь...

Нико слушал и не слушал. А здоровяк Самсон продолжал:

— Я думаю так: им очень нужна твоя мазня. И знаешь что? Они готовы заплатить тебе не этими бонами — по миллиону и миллиарду рублей, на которые даже собачьего зеленого мыла не купишь,— а николаевскими золотыми десятками...

— Зачем они... десятки?

Самсон всплеснул руками, припал животом к столу:

— Нико, ты был чудаком и чудаком остался. Да ты за эти деньги всю стойку с винными бутылками купить сможешь. Понимаешь? Это тебе не меньшевистские боны, не хурда-мурда какая-нибудь!

— Как? — проговорил Нико.— Всю стойку?

И он пальцем указал на буфет. Самсон засмеялся:

— Всю не всю, но солидную долю наверняка оттяпаешь.

Нико закашлялся.

— И еще вот что, Нико.— Самсон многозначительно помолчал, прежде чем продолжать разговор.— Ладо сказал так: «Грузинские художники собирают для Пиросманашвили большие деньги».

— Зачем, Самсон?

— Помочь хотят.

— Разве я нищий?

Самсон резко выпрямился. Ударил себя лапой в грудь:

— Как ты мог подумать такое, Нико? Выкинь это из головы! Ведь деньги есть деньги. Они никогда лишними не бывают.

— Это правда.

Самсон скрестил лапы на груди, прищурил глаза. Подумал про себя: «Не жилец». Это про Нико Пиросманашвили, про бродячего художника с сокращенной фамилией Пиросмани...

— Нико, кушать будешь?

— И пить,— серьезно сказал Нико.

— За картинки?

— Как всегда.

— Прекрасно,— сказал Самсон.— Пока я буду готовить, ты порисуй.

Нико молчал.

— ...оленя нарисуй. Я его повешу вон там. Или медведя.

Нико — ни слова в ответ.

— Тебе какого вина, Нико?

— Красного, которое к шашлыку.

— Есть райская баранина...

Нико открыл крышку ящика...

— Послушай: Саргис припас такое говяжье филе! Не филе, а сплошной шоколад.— Самсон улыбался — рот аж до самых ушей.

Нико выложил на стол кисти, банки с масляными красками, грязную тряпочку и скипидар в замызганном флаконе.

— Ну, что скажешь, Нико?

— Самсон, епископ меня отпевать не будет... А там ищи меня на Кукийском кладбище...

— Чепуху мелешь, Нико!

— А братьям-художникам передай: Нико премного благодарен за внимание...

Нико поднял тусклые глаза на Самсона. Можно было подумать, что на его черных зрачках образовались бельма... И вдруг затрясся от натужного кашля...

— Может, у меня чахотка, Самсон? А?

— Не валяй, Нико, дурака!

— Вот что, Самсон: клеенка есть?

— Будет! — воскликнул Самсон.— Впрочем, рисуй на этой. Она перед тобой.

— Чего тебе хочется? — Пиросмани примеривался к плохо вытертой клеенке с красными и желтыми цветочками.

Самсон улыбнулся:

— Что твоя душа пожелает, Нико... Можно оленя. Можно медведя...

— А если шашлык на вертеле?

— Можно и шашлык.

— И бутылку вина сбоку? А? — Нико говорил очень медленно и невнятно.

— Прекрасно, Нико!

— А еще винный рог. А?

— Валяй, Нико! — Самсон от удовольствия потирал руки. Он говорил про себя: «Что-то он про Кукийское кладбище вспомнил. Пусть порисует побольше!» Самсон смекнул, что неспроста господа художники интересуются мазней этого авары.

Самсон оголил и соседний столик, клеенку отдал Нико:

— Вот тебе еще. Рисуй себе. Не торопись. Я и Саргис тебя отблагодарим.

Самсон зашагал к буфету, неся свой торс на коротких ногах. Откупорил бутылку кахетинского и живо доставил художнику.

Пиросмани по-хозяйски, придирчиво осмотрел клеенку, перочинным ножом разрезал ее на части — не очень большие и не очень маленькие,—кнопками прикрепил к стенке: справа, слева и над головой.

«Ого! — весело подумал Самсон.— Нико разошелся — сразу полдюжины намалюет». И подсчитывал в уме барыши.

В это время в подвал спустились трое молодых людей. Они были в европейских костюмах, с шляпами и тростями в руках.

— Ура! — закричал один из них, прекрасно сложенный красавец.— Мой друг Нико уже за работой.

Нико улыбнулся такой вымученной, такой болезненной улыбкой.

— Здравствуй, друг Ло́нго,— произнес Нико.— Все глотаешь?

Лонго был артист-шпагоглотатель. Он выступал в цирке недалеко от Мухранского моста. Немало гулял вместе с Нико в духанах, расположенных близ Цициановского подъема.

Лонго обнял Нико за плечи, поморщился от запаха красок и крикнул Самсону, чтобы поставили вино перед Нико. Это будет пешкеш — подарок Лонго. Артист занял столик близ буфетной стойки.

Перед Нико уже целых две бутылки. Жить можно! Нико залпом выпил стакан — граненый, обыкновенный. Руки перестали дрожать. Через некоторое время в глазах появился доселе затаенный блеск.

Самсон о чем-то шептался с Саргисом, на голове которого белел огромным комом не очень свежий поварской колпак. Саргис смешно дергал черными-пречерными усами и подмигивал Самсону. И вот через десяток минут Самсон поднес Нико большой шампур с жареным филе.

— Клади туда,— мрачно сказал Нико, делая мазок на клеенке голубой краской.

Лонго поднял стакан:

— Твое здоровье, Нико!

Нико выпил, вытер усы и неопределенно махнул рукой.

Лонго наклонился к своим друзьям. Он сказал им:

— Это мой друг Пиросмани. Настоящий аваро́-бродяга. Ходит по духанам и пишет картины. На чем попало: на холсте, на клеенке, на картоне. Я его приглашал в цирк. Хотите, за тарелку супа он напишет для вас огромную картину? — Он обернулся к художнику.— Мы пьем за тебя!

Однако Нико не слышал слов знаменитого Лонго: он размышлял над тем, что́ бы ему изобразить такое, от чего у всех художников слюнки потекли бы от зависти. А впрочем, черт с ними, со слюнками! Похвала Самсона — лучший подарок для художника. Самсон понимает толк в разного рода бутылках, кувшинах, стаканах и шампурах. Итак, натюрморт: шашлык на вертеле, бутылка кахетинского и еще кое-что...

— Нико! — громко говорит Самсон.— Мясо стынет. Слышишь?

А чего там не слышать? Не глухой. А что до мяса, то какое это имеет значение — стынет оно или нет?.. И Нико накладывает на клеенку зеленый цвет — цвет бутылки...

Вот уже скоро будет ему шесть десятков. Люди в его возрасте окружены внуками и даже правнуками. А что он? Бобыль, настоящий бобыль! Родители померли, лежат они в Кахетии. Сестры померли. Кто же еще на свете? Люди? Это верно. Но какое людям дело до безвестного художника, которого в одной и той же газете то славословят, то хают? Да ведь и угла-то приличного нет у него: просто каморка с тахтой и голыми стенами. Духаны — вот его вотчина: в них его привечают, кормят, поят совсем задаром — за какие-то картиночки, которые он способен малевать пачками. А что до тифлисской художнической братии — бог с нею, обойдется Нико и без нее, хватит на его век клеенки и красок!..

Час рисует Нико, два, в коротких перерывах закусывает, пьет и снова рисует. Вот одна картина уже готова, посохнет немного, и Нико подпишет свою фамилию — так, для порядка. Об этом просили его Ладо и эти Зданевичи. Пожалуйста, подпись так подпись, это не трудно, рука от этого не отсохнет...

Самсон доволен.

— Теперь малюй на этой,— советует он, тыча жирным пальцем в клеенку, приколотую слева на стенке.

Лонго с друзьями давно уже покинули духан, бросив своему другу-аваре: «До встречи!». Новые посетители входят и выходят, Самсон несет еду и питье то одним, то другим. Саргис трудится у плиты.

Поздно вечером Нико подымается со своего места. Сегодня он не пьян. Когда много работаешь — много не выпьешь.

Он складывает краски и кисти, и эту грязную тряпку в свой ящик. Медленно подвигается к выходу.

— Сколько? — спрашивает его Самсон.

Нико пожимает плечами: какая разница — сколько? Может, три картинки, может, четыре, Нико не считает их.

— Пусть высохнут как следует,— хрипит Нико. И кашляет.

— Нико,— говорит Самсон,— стакан на прощанье.— И наливает вина.

Нико качает головой:

— Прощаться задумал?..

— Что ты, Нико! Как это могло взбрести тебе в голову?

— А почему бы и нет?

— Послушай, Нико, хочешь, я вызову извозчика?

— Зачем?

— Он отвезет тебя. За мой счет.

— А куда? На Кукийское?

Нико и не думает шутить. Он это всерьез. Желтый весь какой-то. Осунувшийся. Может, лихорадка?

Самсон решает пожурить его:

— Ай-яй-яй! Нико! Какие говоришь слова? И это тогда, когда о тебе уже пишут и хвалят.

— Кто хвалит и кто пишет, Самсон?

Откуда знать Самсону, кто. И он утверждает очень просто:

— Все пишут, все хвалят!

— Пустое говоришь, Самсон.

— Выпей, Нико. Ведь ты никогда не уходил без отвального.

Нико подымает глаза на буфетчика:

— Никогда? Может быть. А вот сегодня — нет.

— Значит, зайдешь днями?

— А куда я денусь? — Нико берется рукою за поручни и смотрит наверх: там кусок тифлисского неба, кусочек тифлисской зелени.. Еще раз обращается к буфетчику: — А куда я денусь, Самсон?

Он поднимается на несколько ступенек. И бормочет, глядя себе под ноги:

— Если не появлюсь, Самсон, ищи меня на Кукийском...

— Перестань, Нико!

А Нико, как нарочно, чтобы позлить Самсона:

— Ищи. Если найдешь, конечно...

И уходит.

Совсем.

Его потом всюду искали. И в больнице Араманца искали, и в Михайловской искали. И на Кукийском кладбище искали. Долго искали.

И не нашли.

А много лет спустя каждый мазок его кисти будет цениться дороже золота, которого сам художник-авара и в глаза не видал. Даже издали.

ЭТА ВЕЧНАЯ МУЗЫКА

Опера «Бал-маскарад» Джузеппе Верди в Москве. Белые сверкающие колонны Большого театра. Синие колкие снежинки в желтых огнях фонарей. Тихо. Мороз... А через несколько минут — теплое мерцание золота зрительного зала. Колышутся тяжелые складки занавеса. Медленно гаснет свет. Последний миг перед премьерой. Таинственный полумрак. Острый взмах палочки, и мы в волшебном царстве музыки Верди.

Редакция обратилась к дирижеру-постановщику спектакля Альгису Жюрайтису и известному художнику-сценографу Николаю Бенуа с просьбой рассказать о процессе создания оперы Верди на московской сцене, затронув некоторые музыкальные и художественные вопросы нашего времени.

Альгис ЖЮРАЙТИС,
народный артист РСФСР

«Когда оперы не могут быть исполнены во всей их неприкосновенности — так, как они задуманы композитором,— лучше не исполнять их совсем...» Эти слова, написанные гениальным Джузеппе Верди, стали для нас путеводной звездой при постановке замечательного произведения великого итальянца. «Бал-маскарад» — праздник оперного классического искусства. Трепещут любящие и ненавидящие сердца, пылают страсти, жарко горят огни свечей, рвется к небу пламя костра колдуньи, чадят факелы заговорщиков, ослепительно сверкают люстры дворцового зала. Звучат трубы, мелодично поют скрипки, звенят струны арф. Мир Верди... Верность, любовь, измена. Тема Рока. Власть судьбы. Черта между жизнью и небытием.

...Льются звуки лирической трогательной арии Амелии, вздыхает английский рожок в оркестре... Рокочут басы заговорщиков, и мы слышим приглушенные, стаккатирующие в низком регистре голоса струнных. Порою им вторит бархатный тембр фагота. Виртуозные трели флейты пикколо перекликаются с пением озорного, шаловливого пажа Оскара.

Композитор создал неповторимое мелодическое богатство оперы. Выпукло, почти скульптурно вплетены в эту ткань музыкальные образы героев. Яркость и многозвучность оркестра сочетаются с изумительной вердиевской драматургией. Магически обозначена она в ансамблях оперы, когда зрителя и слушателя потрясает до глубины души щемящая, пронзительная правда чувств. Отбрасывая условности либретто и проникая через толщу времен, мы все загораемся, глубоко переживая человеческие страсти, бушующие в опере «Бал-маскарад».

Непостижимо владение композитором сложнейшей техникой оперного искусства — богатством вокала, оркестра, ансамблей,— всей оперной палитрой.

Как известно, судьба рождения этого шедевра не проста. Не раз переделывалось либретто по требованию властей, переносилось место действия оперы из Европы в английскую колонию XVII века. Но в конце концов композитор победил. Минуло сто двадцать лет, и вот теперь нам выпало счастье работать над «Балом-маскарадом».

В Италии Верди был поистине народным любимцем. Да это и понятно. Его музыка самыми глубокими корнями уходила в почву отчизны. Композитор черпал свое вдохновение из прозрачного и чистого родника песенной стихии Италии, давшей миру Чимарозу, Россини, Беллини... Музыка была поистине смыслом жизни Верди.

«Когда я один на один в схватке с моими нотами,— говорил он,— сердце трепещет, слезы льются из глаз, и потрясения, и восторги невообразимы».

Верди был певцом сердец и душ человеческих. И это роднит его со многими великими композиторами России, такими, как Глинка, Чайковский, Бородин. Редкое богатство оркестровых тембров, красочность музыкальной палитры, мощь, прозрачность и свежесть незабываемых мелодий — вот то главное, чем отличается оперный гений Верди. Его партитура полна контрастов, сопоставлений — сумеречных, трагических, порою роковых мотивов с лирически трепетными, нежными, элегически-светлыми. Его хоры, ансамбли, арии четки и лаконичны. Сама жизнь бьет ключом в страстной, волнующей душу оперной музыке Джузеппе Верди, грациозной, ритмически напористой, необычайно богатой. Объемность, мощь, слышатся в оркестре.

В его операх по-особому звучат хоры. В них словно слышен голос народа, то суровый и торжественный, то веселый, то грустный. Темперамент и правдивость — вот чем отличались творения композитора. Его называли: «маэстро итальянской революции» — так современен был язык его опер, созданных в эпоху революционных восстаний 1848—1849 годов. Солдаты Гарибальди с пением хоров Верди шли в бой.

«Нужна драма увлекательная,— писал композитор,— с большим движением, насыщенная величайшим чувством, чтобы мне было легче положить ее на музыку. Чувство и страсть прежде всего».

Оттого-то музыка Верди и находит такой живой отклик в сердце слушателя... Такая музыка потрясает и захватывает нас не только потому, что глубоко эмоциональна, но еще и потому, что принадлежит своему времени, народу, Италии.

Снова вспомним пору создания оперы «Бал-маскарад», сложные коллизии сотворения этого шедевра, мучительную историю постановки. Все это как бы отражает политический пульс той эпохи, насыщенной грозовой атмосферой народных волнений, в которой такую грозную роль играло широко известное у нас движение карбонариев. Верди был достоин своей эпохи. Более того, композитор иногда оказывался в центре наиболее ярких и напряженных событий. Бывали минуты, когда самое его появление вызывало бурю восторгов. «Вива Верди!» — казалось, кричали улицы Рима, Неаполя, Венеции.

Сын крестьянина, Джузеппе Верди с детства восторженно слушает народные мелодии. Самозабвенно утверждается в его сердце жизнь Италии с ее чудесными песнями, с самим воздухом, казалось, напоенным удивительными, прелестными созвучиями. Юность Джузеппе сурова. Не всегда он был сыт. Но зато с малых лет ему свойственна благороднейшая способность к труду. Молодой человек упорен в достижении поставленной цели. Его мечта, его призвание, единственная любовь — музыка. Родная земля питала Верди, была его почвой. Кажется, с молоком матери впитал он таинственную силу гармонии.

Как же иногда нам не хватает ее в наш шумный век, насыщенный до предела музыкальной информацией, приходящей к слушателю домой с экранов телевизоров, из радиоприемников... Но по-прежнему чаруют мелодии далекого от нас XIX века, давшего миру Верди, Гуно, Вагнера, Глинку, Мусоргского, Чайковского. Почему? Мне кажется, потому, что музыка этих композиторов глубоко человечна, народна и находит отзвук в душах людей, любящих мир, природу, небо и звезды... Да, поистине песни земли должны быть человечны.

Народный артист РСФСР А. Жюрайтис * Народный артист СССР Ю. Мазурок в роли Ренато, И. Журина — Оскар * Зрители приветствуют создателей спектакля (третий слева — Н. Бенуа) * Партию Амелии исполняет народная артистка СССР Т. Милашкина.

На страницах вкладки помещены эскизы
художника Николая БЕНУА
к постановке оперы Джузеппе Верди.

На развороте вкладки: «Бал-маскарад».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

БАЛМАСКАРАД

Мне посчастливилось принять участие в постановке оперы «Бал-маскарад» — поэмы великой любви. Написана она не только гениальным композитором, но и блестящим драматургом, который знал законы музыки и сцены и довел до предела воздействие музыки на зрителя и слушателя, кажется, самыми доступными и простыми средствами. Примером такого владения оперной драматургией может служить напряженная сцена третьего акта, где композитор создал атмосферу роковой неизбежности, когда герои бросают жребий. Сцена изумляет проникновением в суть драмы. Лучшие страницы оперы — обаятельный, чарующий образ влюбленной и жестоко страдающей Амелии. Ее дуэт с Ричардом во втором действии — жемчужина музыки Верди... Фантастичен и таинствен образ колдуньи Ульрики. Великолепна сцена в «Долине смерти» — лирический дуэт Амелии и Ричарда, прерываемый появлением Ренато. Неожидан трагический поворот: приход группы заговорщиков, ужас и отчаяние Ренато. По силе драматургии сцена эта поистине достойна гения Шекспира.

Поразительна и по-вердиевски народна музыка, посвященная заговорщикам: острая, ритмически необычная, она восходит к классическим образам итальянских гротесковых масок оперы-буфф.

Гениален квинтет из последнего акта, когда пять разных судеб, разных характеров, разных людей объединены одной мелодией, расцвеченной тончайшим прозрачным контрапунктом. Так знаменитые живописцы умели создавать сложнейшие композиции, пользуясь минимальным разнообразием красок.

Джузеппе Верди потрясает нас как мастер, абсолютно владеющий законами раскрытия в музыке глубоко жизненных ситуаций. Хотя, как ни парадоксально, и при его жизни и в наши дни находятся «музыковеды», упрекающие его в однообразии, грубости, ремесленности оркестровки. Впрочем, подобных эпитетов «удостаивались» и Бетховен, и Чайковский...

Исполнение музыки Верди, как и Чайковского, предполагает высочайшее мастерство оркестра, солистов и хора. Сложность опер Верди заключается в умении исполнителей донести до зрителя все без исключения замыслы, намерения, тенденции композитора. Без энтузиазма всех участников, без темперамента, горения Верди немыслим! Вспомним его слова: «Чувство и страсть прежде всего!» ...Он великий реалист. Его муза не нуждается в претенциозности, в формальном нагромождении звучания, в так воспеваемом ныне «интеллектуализме», который абсурден по своему посылу, ибо «музыка есть стенография чувств», а не логарифмическая линейка. Попытка внести в мир музыки абстрактную рассудочность, мелочный прагматизм, подчеркнутую обнаженность конструкции — все это, по существу, есть отражение духовной нищеты, творческого бессилия, ложной многозначительности, граничащей с блефом.

«Ах, прогресс, ученость! — писал Верди.— Ай, ай, ай!.. Самое занятное в том, что в этой бешеной гонке прогресса искусство делается отсталым. Искусство, в котором нет непосредственности, естественности и простоты, больше не является искусством».

Как современно звучат сегодня эти слова. Слушая концерты современной музыки, написанные в стиле «авангарда» — додекафонии, алеаторики, конкретной музыки, сонористики и т. д. и т. п., я ощущаю, что попал в мир хаоса, одичалости, нагромождения звучаний. И моя душа, жаждущая гармонии, тоскует. Я ощущаю себя опустошенным и еще острее чувствую бесчеловечность и пустоту этой, так называемой «музыки».

Еще с детства я помню прекрасные народные хоры моей родины, глубоко проникновенное звучание органа. Я никогда не забуду песни своей матери. Слушая дыхание природы в шелесте листвы, плеске волн, я ощущал гармонию жизни моей Земли, чарующей своей естественностью и простотой.

С горечью иногда я думаю о том, что в наш двадцатый век, когда человечество достигло огромных высот в области техники, науки, сервиса, мы наблюдаем падение и обнищание культуры на Западе, находящее, к сожалению, некие отголоски и у нас.

Некоторые современные композиторы, пытаясь отойти от мира людей, страстей и чувств человеческих в мир схоластики, в мир умозрительных построений, достигают якобы истинно современных «модерных» звучаний. На самом же деле именно они толкают людей в объятия цинизма, пошлости, дисгармонии, жестокости, анархии, регресса.

Но вернемся к «Балу-маскараду»... Трудно описать состояние восторга и озаренности, охватывающее меня как дирижера, оказавшегося в «мире Верди» — в этом необъятном и подлинно человечном мире, дающем людям радость и наслаждение. Ибо лишь истинное искусство делает нас юными, чистыми, ставит нас ближе к природе, к правде жизни.

Мы работали над оперой с энтузиазмом. И оркестр, и солисты, и хор все сделали для того, чтобы этот сложный и трудный для исполнителей спектакль пришел к зрителю и стал для него близким, желанным. Да, немало для этого было приложено усилий: стиль Верди, итальянской оперы, необычайно сложен. Он требует виртуозности, блестящей техники вокала, оркестра, хора... Постановка стала для нас нелегким испытанием сил, всего нашего умения. И вот оказалось, что, несмотря на перенесенные нами трудности «освоения» Верди, мы все ощутили радость познания. Итальянское бель-канто — мудрая школа как для сольного, так и для ансамблевого пения. Для меня первостепенной задачей было достичь созвучия и соразмерности вокала и оркестра.

Мы неотступно повторяли заветы великого композитора: когда оперы не могут быть исполнены во всей их неприкосновенности... лучше их не исполнять.

Неплохо было бы напоминать эти вещие слова любителям «мюзиклов» и всяческих легковесных «псевдоноваций», пытающихся «улучшить», «поправить», «осовременить» классику.

Пророчески звучат строки Верди, написанные накануне нашего века: «В направлении и тенденциях современности остается изжить очень многое, прежде чем наступит пресыщение этой музыкой, столь грубой и вздутой, музыкой, которая лопается и ничего не рождает».

Я не раз вспоминал эти грустные слова, слушая наше радио и глядя некоторые телепередачи: сколько же псевдоноваторства и фальшивых «шлягеров» можно увидеть и услышать, особенно в модном жанре «мюзиклов». Но бог с ними! Думается, что широкая публика, народ не потерял вкуса к настоящей музыке. Я верю, что слушать сегодня оперы Верди или Чайковского — это не шаг назад, а нужное, как воздух, возвращение к животворным классическим истокам. Убежден, что и композиторам будущего даст вдохновение родник классической музыки XIX века.

Поэтому слушайте чаще Верди и Чайковского. Вы станете внутренне богаче, прочней. Духовный мир окрепнет. Вам не захочется тратить время на поп-музыку и прочие «выверты». Оставим это занятие «эстетам».

Будущее истинной музыки — в прекрасной гармонии, в ясных мелодиях, воспевающих человеческие чувства.

Музыка есть стенография чувств, говорил Лев Николаевич Толстой. Это — короткое, но изумительно точное по смыслу определение. Ведь ничто не может сравниться по эмоциональной трепетности, абсолютной всечеловеческой понятности с музыкой, в которой, кажется, порою звучит сама душа людей.

Слушая сегодня «Аиду», «Травиату», «Трубадура», «Риголетто» и «Бал-маскарад», наш зритель, несмотря на «дальнюю даль» сюжетов, все же порою волнуется до слез. Музыка этих опер поистине великолепна. Но она, эта музыка Верди, сильна еще и тем, что в ней отражено Время жизни композитора, его Народ и его Родина.

Музыка призвана освежать наш дух, сказал однажды Иоганн Себастьян Бах.

Авангардистская музыка отказалась от вечных и неизменных законов красоты и... выбыла из сферы искусства. Ведь не случайно ее сопоставление с прекрасными звуками классической музыки — убийственно для этих «новаторов».

Музыка творений Верди — бездонна, его фантазия неисчерпаема. Вердиевские партии предъявляют исполнителям самые высокие требования. Но сколь же велико наслаждение добиваться этих чудесных созвучий!

●

Николай БЕНУА

Не скрою, я влюблен в творчество Джузеппе Верди.

«Бал-маскарад» я оформлял в самых разных театрах нашей планеты, в том числе и в миланском «Ла Скала». Но особое, трепетное чувство охватило меня, когда началась работа над спектаклем «Бал-маскарад» на прославленной сцене московского Большого театра.

Сначала мы все договорились, что решаем постановку на «итальянский лад»,— это более всего соответствовало духу Верди и его первоначальным замыслам, претерпевшим из-за всяческих случайностей некоторые изменения.

Ах, Верди! Чем больше работаю над его операми, тем все сильнее проникаюсь его обаянием, тем «беспощадней» чары музыки великого итальянца. Изумительный композитор! Он так плодовит, богат, широк и неисчерпаем в своих музыкальных открытиях, что иногда его искусство кажется колдовством. За полвека он создал целый сонм замечательных опер. А в восемьдесят лет написал такое чудо, как «Фальстаф», который «моложе» всех его предыдущих творений. Это поистине волшебство!

Его манера напоминает мне по своей красоте и мощи стиль барокко — полный контрастов света и тени, какого-то загадочного очарования особой жизненной театральности... И ведь даже такая трагическая по сюжету опера, как «Бал-маскарад», тоже никак не противоречит этому жизнелюбивому вердиевскому «музыкальному барокко».

В первоначальной редакции действие оперы происходило при дворе короля Густава III. Это XVIII век. И Верди как бы приоткрывает нам тайну дворцового заговора, когда во время маскарада был убит монарх. Но потом, под давлением неаполитанской цензуры, либретто было изменено. Суть же музыки осталась. А вместе с этим осталась и легко объяснимая любовь к маскам, страсть к маскараду. В начале оперы герои прибегают к маскараду для того, чтобы пойти к этой ведьме, Ульрике... Далее появляются замаскированные заговорщики... И так — до самого драматического финала — развивается тема бушую-

---

Сцена из спектакля. Народные артисты СССР Ю. Мазурок и З. Соткилава * Народная артистка СССР Е. Образцова — колдунья Ульрика * В. Щербаков и заслуженный артист РСФСР А. Ворошило в опере «Бал-маскарад».

щих страстей, тема иронии и коварства, порою же — просто веселья! И весь этот сложнейший калейдоскоп человеческих чувств дает возможность художнику создать соответствующее им, многообразное оформление.

Ужасно, если декорация и вообще постановка в целом как бы внедряется в спектакль с совершенно чужим языком. И противоречит сути самого спектакля. Случается, что выдумки режиссера — или художника — совершенно чужды стилю и духу данного произведения, данной оперы. В постановке же Большого театра сочность, яркость, народность музыкальной палитры Верди определяли колорит костюмов, декораций... О результате судить, конечно, зрителю. Но я приложил все силы, чтобы донести до зала всю радугу колдовского таланта композитора.

Жизнелюбие Верди, его ощущение полноты жизни, оптимизм. и в то же время мудрость делают его оперную ткань бесконечно сложной и глубокой, а в то же время чарующей. Энергия композитора передается зрителям. Я часто видел, сидя в зале, слезы на глазах людей,— так глубоко они переживали страсти людские, блестяще воплощенные исполнителями, оркестром, хором — всем составом Большого — именно Большого театра, где на высочайшем уровне находится не только театральная техника, аппаратура и механика, но прежде всего люди, одержимые любовью к своему делу. Они поистине жрецы искусства!.. Высокого искусства великих реалистических традиций, давших миру таких композиторов, как Чайковский, Мусоргский, Бородин, таких певцов, как Шаляпин и Нежданова, таких балерин, как Анна Павлова и Уланова...

Меня часто удивляет какое-то странное невежество: незнание за границей русского искусства, русской живописи. На рубеже этого столетия, когда Мутер выпустил свою знаменитую книгу об искусстве XIX века, мой отец, Александр Бенуа, восстал против того, что автор совершенно упустил из вида русскую живопись! Он по этому поводу написал Мутеру возмущенное письмо. Тот ему ответил: пожалуйста, пишите сами! И тогда вышел том, посвященный русской живописи XIX века,— книга, написанная моим отцом. Ему тогда было лет тридцать. В Европе внимание к русскому искусству привлекли балеты Дягилева, вызвавшие огромный интерес. Ныне на Западе кое-где еще модна тенденция игнорировать русскую и советскую живопись, особенно станковую. Это удивительно, и я с этим борюсь! В Италии, например, я стараюсь как-то просветить итальянскую публику, показать ей первоклассное, настоящее большое русское искусство, хотя это с успехом делали и продолжают делать выставки замечательных художников-живописцев, скульпторов, графиков.

Должен признаться, что особенно поражен в Большом театре работой прекрасных художников-декораторов, исполнителей... К сожалению, это явление — понимание декорации, значение ее становится все более редким из-за разрушающего влияния на театр — как и вообще на искусство — абстрактного конструктивизма. Это больно. И особенно огорчает, когда выхолощенные схоластические решения абсолютно не соответствуют стилю и духу таких замечательных произведений, как пьесы Шекспира или Мольера, оперы Верди или Мусоргского, Гуно или Бизе, Вагнера или Чайковского... Они ведь частенько калечатся оформлением «авангардистского» толка. А ведь мы все знаем, что так называемому «авангарду» уже не менее трех четвертей века, хотя его все еще продолжают рекламировать как молодое искусство. Хотят выдать много раз разогретые щи за свежий суп. Но широкий зритель давно уже потерял вкус к таким кулинарным увлечениям эстетов: «авангард» надоел, он стал удивительно однообразным, примитивным. И тщетны попытки выдать ухищрения авангардистов за особую мудрость.

По-моему, это все — абстракционизм, поп-арт, любой новый кинетический или какой-нибудь другой «модерный» крик — не что иное, как б л е ф дилетантов и невежд.

Ведь и у нас, на Западе, находятся умные люди, которые откровенно называют эпоху модернистов XX века годами конфуза! Я с этим абсолютно согласен. Ибо никакие шарлатаны не перечеркнут великое искусство Рембрандта, Микеланджело, Эль Греко, Сурикова, Репина...

Бизнес здесь бессилен, он не простирает свое влияние на творчество этих гигантов живописи. Но, к сожалению, спекуляции на «шлягерах» сбивали и сбивают с толку еще немало людей. А ведь короли «авангарда» давно уже оказались голыми.

Живопись вообще способна творить чудеса: она интимнее, чем натура из папье-маше, чем подделка, которая очевидна. Такие театры, как «Ла Скала», как Большой, построены в расчете на живопись! Вот почему в этих театрах очень трудно проходят постановки конструктивистского толка: они не сочетаются. В «Ла Скала» до последних лет я был художником и отлично знаю, как трудно было из-за «конструктивных» декораций: все сразу превращалось в какие-то ужасные проблемы. ...Эти выдумки не только противны духу славного оперного репертуара XIX века, но не соответствуют самой природе наших театров.

...Я очень рад, что встретил в России истинных мастеров своего дела, носителей высоких традиций «большого стиля».

Мы сразу нашли общий язык с режиссером спектакля Семеном Штейном. Мне очень понравился Альгис Жюрайтис. В нем я встретил подлинно «вердиевского дирижера». А это очень непросто. Мне и моей супруге, певице Дизме де Чекко, полюбились все солисты, поющие партии в этой опере. Прекрасен хор и оркестр.

В заключение хочу сказать несколько слов о перспективах развития искусства музыки. Сегодня формализм все меньше и меньше занимает внимание народов: залы модернистских оперных театров, как и экспозиции абстрактного искусства, пустуют...

Мне особенно радостно отметить, что Советский Союз, Москва выстояли и победили в этой борьбе с модернизмом. Еще одно подтверждение тому — премьера оперы «Бал-маскарад». Она мне показалась триумфом Верди и искусства великих традиций.

Я глубоко верю в новый Ренессанс в искусстве нашего века. И я также абсолютно убежден, что этот Ренессанс — обновление в поисках красоты — произойдет именно у вас, в Советском Союзе. Для этого у вашей страны, народа есть все... Ваше искусство верно великим человеческим традициям. И чуждо фальшивым потугам модернистов...

ПУТИ В ГОРАХ

Супьянбек ШЕРИПОВ

БОГАТЫРСКИЕ ТРОПЫ

Бегут в горах извилистые тропы,
Что были неприступны сотни лет.
Там не услышишь легкий конский топот
И даже зверя не увидишь след.

Те тропы узки. Вьются, словно змеи.
Ступить — опасно. Трудно устоять.
Но уж тому, кто здесь пройти сумеет,
Откроется такая благодать,

Такие виды и такие дали —
Не наглядишься, сколько ни смотри!
...Когда-то этот путь одолевали
Лишь нарты — из легенд богатыри.

Они на кручи скальные взбирались,
На пики гор — что пик стальных острей.
И потому в сказаньях назывались
Те тропы тропами богатырей.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ:

В 24-м номере «Огонька» за 1979 год было опубликовано письмо молодой женщины из Тюмени Инны В., которая поведала о своей не лучшим образом сложившейся семейной жизни. В том же номере были помещены полемические заметки кандидата педагогических наук А. Меликсетяна «Коварство любви!». Публикация этих материалов не оставила равнодушными читателей, в редакцию пришло много писем. Наиболее интересные были напечатаны в номере 48. Подборка называлась — «Еще раз о молодой семье». Письма эти расширили и углубили проблемы, затронутые Инной. Предлагаем вниманию читателей вторую подборку писем. Готовя ее, мы старались выбирать письма спорные, тревожные, порой даже горькие. Думается, они приблизят разговор к жизни, уведут его, как советует Валерия О. из Московской области, от «цитирования красивых слов из давно прочитанных книг». «Потому что,— добавляет другая наша корреспондентка,— идеальные пары, к сожалению, встречаются не так уж часто. Но кто сказал, что только «идеальные» должны быть счастливы! Счастливыми в семейной жизни мечтают быть все люди».

• • •

«...Недавно читала в «Огоньке» о молодой семье. Не читала первого письма, но смысл понятен: автор — женщина — жалуется на несостоявшееся семейное счастье. Кто осуждает ее, кто оправдывает, но главное — все советуют, все считают себя очень компетентными в жизни, основываясь исключительно на собственном опыте. А некоторые лишь на наблюдениях, как, например, Виктор М. из Тольятти. Конечно, легко давать советы, но жизнь-то у всех складывается по-разному. Что подходит одному, то другому совершенно неприемлемо. Сейчас немало «несостоявшихся» семей. А в чем причина? В спешке! Не успели познакомиться, сразу женятся, не пройдет и года — разводятся! Не успевают люди узнать друг друга, не успевают даже привыкнуть.

Тут некоторые советуют Инне родить ребенка. Мол, жизнь сразу в корне изменится. А если нет, что тогда ждет этого будущего человека? Нет, надо сперва самой разобраться в себе. Я воздерживаюсь от советов, подобных тому, что, «выходя замуж, хорошая женщина мечтает сделать счастливым любимого». Конечно, к этому надо стремиться. А может, женщина и стремится сделать счастливым мужа, но без взаимного стремления надолго ли ее хватит? И все же несправедливо, на мой взгляд, говорить о человеке, который хочет счастья, что он «с жиру бесится», говорить только потому, что у него, мол, отдельная квартира, достаток и т. д.

Валерия О.

г. Пушкино, Московская область».

«Уважаемая редакция!

С интересом читаю ваши публикации о молодой семье. Сама являюсь матерью взрослых дочерей и считаю, что проблемы молодой семьи волнуют каждую мать.

И утверждали древние сказанья:
Коль проберется молодой джигит
По тропам тем, в предутреннем тумане,
То будет к счастью путь ему открыт...

...Пути в горах по-прежнему тернисты,
И тропы ввысь арканами летят.
По ним шагают тысячи туристов,
И прыти их упрямой нет преград.

Они к горам, пожалуй, слишком строги,
Не прочь похохотать и поворчать:
«Так где же богатырские дороги?
Романтика-то в прошлом вся, видать?!»

Но нет! Пока мечта сияет ало,
Нас ждут борьба и жаркий труд нас ждет.
Ведь в жизни, как в горах, еще немало
Крутых и гордых, богатырских троп.

К ним страшно подступиться маловерам,
И слабеньким они не по зубам,
Я назову одну лишь, для примера,
Ту, что так звонко именуют — БАМ!
. . . .

Нет, век сейчас романтикой не беден,
Он на большие цели не скупой.
И нарты наших дней идут к победе
Неторной, богатырскою тропой!

* * *

Бессмертна, к небу тянется гора,
Такая же, какой была вчера.
Что ей, бездушной, дней, столетий бег?
...В плену у времени томится человек
И то торопит время от души,
То слезно молит: «Время, не спеши!»
. . . .

Хоть смертен я, но думаю порою:
Как славно, что не родился горою!

СТАРОСТЬ НЕ РАДОСТЬ

Шутка

— Ох, верно говорят, что старость зла.
Как вата — ноги, шея — словно крюк.
Какие ж я могу вершить дела,
Когда, ей-ей, все валится из рук?

Ну, землю там вспахать еще могу,
Способен камни с поля я убрать,
В охотку на гармони поиграть
И попасти лошадок на лугу,

Сад посадить, зерно помолотить.
Недавно вот траву в горах скосил,
Успел еще я кровлю перекрыть.
А больше ни на что уж нету сил...

...Так сетовал лукавый наш Ахмед,
Которому исполнилось сто лет.
Но только смех услышал он в ответ:
— Тебе ли, право, жаловаться, дед?!

В работе дашь ты, знает весь народ,
И молодежи сто очков вперед.
И телом кряжист, и душой не сник.
Какой ты после этого старик?
—Э!—Дед Ахмед вздохнул, махнул рукой.
В ауле встарь обычай был такой:
Тот молод, полон жизни и огня,
Кто лихо, с маху, вскочит на коня.
И, встречный ветер плеткою рубя,
По горным тропам долго будет мчать...
— А ты попробуй — выйдет у тебя!
— Но где коня, скажите, ныне взять?

Теперь у всех не кони — «Жигули»,
И гонит их водитель — не седок...
Ох, старость, старость, гнет аж до земли!—
Ахмед, кряхтя, потер свой крепкий бок.—
Уж как там ни печалься и ни хнычь,
А время помирать, как погляжу...
Что? Спрашиваешь, чей это «Москвич»?
Да мой.
А водит кто?
Да сам вожу!

ПЕСНЯ

Лайса, Лайса, ты знаешь, почему
Ночами звезды водят хороводы,
Шальную затевают кутерьму,
Рассыпавшись вразброс по небосводу?
Во тьме не видно твоего лица,
Моя Лайса!
Но если бы увидели они,
Как ты прекрасна даже рядом с ними,
То сразу все небесные огни
В твое сложились золотое имя,
Смирясь во славу ласковой красы
Моей Лайсы...

г. Грозный.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Письмо Инны В. заставляет глубоко задуматься над тем, что же надо молодым людям, чтобы они были счастливы в браке, чтобы этот брак был прочным.

Сейчас много говорят, что слишком поздно начинается взросление наших детей, что многие дети выработали в себе иждивенческий стиль жизни, устойчивую привычку «потреблять». Детство становится «безразмерным». Почему все это происходит?

Старшее поколение, выросшее в трудностях, перенесшее тяжелейшую войну, приобрело ценное качество — не бояться трудностей и ценить те блага, которые приобретены благодаря многолетнему труду. Но зато то, чего не имели мы, стали иметь наши дети. И вот они вырастают, вступают в брак. Родители готовятся к свадьбе — соединяются вклады обеих сторон. Не без хвастовства называются довольно крупные суммы. Предстоит пышное торжество. А женятся-то совсем молодые люди — 18 лет.

Возможно, я не права, но я за скромность этого торжества. Другое дело, если женятся люди поработавшие, знающие цену трудовому рублю. Сами заработали, сами и тратят. А у тех, кто пока не знает, как зарабатываются деньги, хочется спросить: где будете жить, как будете жить, на что?

И нередко случается так: побываешь на пышной свадьбе, а через полгода узнаешь — уже развелись! Почему? Да жена оказалась не подготовленной к семейной жизни, да муж «не созрел». И хорошо, когда нет детей, а если уже есть? Почему дети должны расплачиваться за неразумных своих родителей?

У меня есть предложение: нужно, чтобы была создана хорошая книга в подарок молодой семье и чтобы она стала настольной для молодой семьи. И главной мыслью этой книги явилась бы мысль о том, что строительство молодой семьи ответственно и трудно.

Бирюкова Л. Г.

г. Краснодар».

«Много раз я слышала фразу: «За счастье надо бороться». Согласна. Но вот в недавнем номере «Огонька» в письме Э. Хворовой из Львова я прочитала такие строки: «Дурная женщина, выходя замуж, мечтает быть счастливой, хорошая женщина, выходя замуж, мечтает сделать счастливым любимого». Вот и у меня так было. Выходя замуж, о себе я не думала, хотела только одного — чтобы был счастлив он. Семья у нас молодая, мне 19 лет, ему 20,— может, и поспешили. Но я ясно представляла себе семейную жизнь и свою роль в ней. Представляла, приду с работы, приготовлю обед, сделаю все по хозяйству, и пусть устану, но встречу мужа с улыбкой. Он же поделится со мной своими заботами. И я думала, что мы будем счастливы, ведь была уверена — любим друг друга. Но сейчас ничего этого нет. Только и того, что приду с работы, сделаю все по хозяйству, а вот мужа с улыбкой встречать не приходится. Целый день по друзьям ходит. И это после того, как я стала его женой. Он перестал меня замечать, а мы ведь только недавно поженились. Ждем ребенка. Семейная жизнь у нас не получается, хочу обругать его, но не могу, смелости не хватает, что ли. Муж мой, правда, недавно вернулся из армии. Может, он еще хочет погулять? Так зачем же было жениться? И как мне теперь бороться за счастье?

Люся В.

г. Мелитополь».

«Мы с мужем не купили еще даже телевизор, и шифоньер, и всю прочую мебель, необходимую человеку. Но мы счастливы. Счастливы потому, что любим друг друга. Конечно, пять месяцев — это ничтожно малый срок для испытания своих чувств. Но мы с Валерием (так зовут моего мужа) очень любим друг друга, и это самое большое счастье. Так мы считаем. Мне жаль тех молодых людей, которые, не зная настоящей любви, женятся, а буквально через месяц-другой расходятся. Ведь это не жизнь — без любви. И я не верю, что, говорят, мол, привыкнут и будут жить без любви. Возможно, будут жить, но скажите, какая привычка может заменить такое счастье, как любовь! После работы мы с Валерой радуемся, что снова вместе...

Меня давно мучает вопрос: почему молодые семьи так часто распадаются? Мне, например, очень хочется, чтобы все молодожены через 50 лет отметили золотую свадьбу. Я задалась целью прожить с Валерой до золотой свадьбы и, конечно, дольше. Говорят, стоит сильно захотеть, и все сбудется. Может быть, я что-то не так написала. Но писала от всего сердца.

Инюткина.

г. Запорожье».

«...Сколько мне известно случаев, когда девчушки чуть ли не с восьмого класса бегают за кавалерами. Вот недавняя история. С 9-го класса одна знакомая девушка, казалось бы, имела бешеный успех. Когда же ряды поклонников редели, она сама искала их. А пришло время выйти замуж — остановилась на женатом, уже успевшем обмануть не одну. Вышла. Родители помогали, создавали условия. Устраивали молодоженов на работу. Не ужились. Муж оказался лодырем и алкоголиком, мелким правонарушителем. Разошлись. Он на юг, она на север. Снова выходит замуж. Расходятся. Муж-де не считается со мной. Сходится с третьим. Хвалится, что счастлива как никогда. Привозит мужа напоказ родным и подругам. Но опять срыв! Пьяница, алиментщик. Кулаки в ход пускает. В общем, бросает его, вещи все свои бросает, а родители тем временем едва успевают трясти карманы. Выручают. В долги залезают. Даже трудно поверить. И вот четвертый раз она выходит замуж, и родители снова идут на жертвы. Живет сейчас с четвертым, но, увы, семьи-то нет! Что-то опять не то... Кто виноват? Думаю, виновата прежде всего сама девушка. Сама спешила, сама и пришла к серому концу. Радости в семье нет. Да и откуда она возьмется?

Л. Д.

г. Белгород».

ЗОЛОТОЙ

Ю. ТЮРИН

●

Четыре миллиарда посещений ежегодно — такова статистика нашего кинопроката.

Четыре миллиарда... Почти все население планеты. Невероятно представить себе это море человеческих глаз, устремленных на киноэкран. Громадная аудитория — людские сердца и души — внимает жизни целлулоидного материка.

Среди зрителей преимущественно молодежь. Даже не просто молодежь, а преимущественно подростки. Активные, подвижные, предпочитающие кинотеатры и спортплощадки долготерпеливому сидению перед убаюкивающим телевизором, пусть и цветным. На них-то, энергичных, нетерпеливых, зачастую и ориентируются наши режиссеры. К примеру, фильм Владимира Меньшова «Розыгрыш» (то был дебют режиссера) собрал 40 миллионов зрителей. Это при оптимальной цифре в 17 миллионов! Молодежь проголосовала за киномодель Меньшова...

Но цифры цифрами, сборы сборами, а посмотрим на самое существо современного кинематографа, точнее, на некоторые проявления его внутреннего движения. Попытаемся понять его нравственные притязания.

Воспитание чувств извечно остается одной из основных задач искусства, чувств гражданских, нравственных, этических... Из них нас интересует не интеграция этих слагаемых в систему определенных ценностей, а тот аспект проблемы, который вплотную связан с темой нравственных исканий современного кинргероя — основного выразителя этического климата нашего кино. С темой становления души. С темой осознания бесценного дара любви.

При этом одно условие. Речь главным образом пойдет о фильмах покуда не «титулованных» режиссеров. Скорее всего, такое решение продиктовано не авторским произволом: наступило ведь время интенсивного вторжения на экран нового поколения кинематографистов. Никогда прежде не обновлялись столь очевидно режиссерские кадры киностудий. В последние годы дебютировали десятки вчерашних студентов и ассистентов, кто-то из них закрепился в кинопроизводстве, кто-то пока не оплатил выданных им векселей. Одно дело, скажем, когда мы смотрим превосходно разыгранный и снятый фильм «Пять вечеров» Никиты Михалкова, талантливо, чуть щеголевато вошедшего в профессиональную кинорежиссуру. И другое дело, когда Олег Никитин, новичок кино, заставляет нас в своей ленте «Пятое время года» (сценарий В. Гоника) в сотый раз страдать от лицезрения стереотипа производственного конфликта, лодбитого негреющей стекловатой любовных недоразумений. Кроме цифры пять в обоих названиях, эти фильмы не сближает решительно ничто.

Среди новых режиссерских имен маловато талантов. Театроведы сетуют на то, что современная сцена заменила жизнеподобие метафоричностью. Мы же, кинокритики, кажется, вправе жаловаться именно на недостаток образного мышления, метафорического вйдения у новой поросли кинорежиссуры. Как правило, нас заставляют смотреть движущиеся иллюстрации к записанному литератором (то есть сценаристом) сюжету. Но без образности кинозрелище скучновато. Жизнеподобие, понятое как буквальное копирование реальности, вне образной ее трансформации, приводит к усреднению стиля, с одной стороны, а с другой — к недейственности выводов, к усредненной назидательности. Напряженность нравственных исканий подменяется морализированием. Фильм пропадает в зрительской памяти.

Умением профессионально, добротно делать фильм отличается Владимир Меньшов; он уже титулован: лауреат Государственной премии РСФСР. Его вторая лента, «Москва слезам не верит», обречена на успех. Меньшов работает как-то жестковато, с нажимом, не надеется на психологические нюансировки. Он возводит прочную конструкцию. Она ярка, нарядна, снизу доверху озвучена музыкой: от песенки-ретро «Красная розочка» в исполнении Хелены Лоубаловой до сочинений певца и композитора Сергея Никитина:

Не сразу все устроилось,
Москва не сразу строилась,
Словам Москва не верила,
А верила любви...

Первая серия фильма (сценарист — один из самых ныне действенных — Валентин Черных) относит нас в Москву пятьдесят восьмого года. В комнате рабочего общежития строят планы на будущее три подружки, три молоденькие провинциалки: штукатур, работница хлебозавода и слесарь-наладчик, она же главная героиня картины, образ-стержень. С нею же, Катериной, связаны четкость, категоричность авторских выводов.

«Не сразу все устроилось...» Поначалу Москва отторгала новенькую. Не получалось с лишним билетиком на Неделю французского кино. Прилежная, трудолюбивая работница, Катерина была неопытна и доверчива в любви. Ее соблазнил и бросил благополучный оператор телевидения. Пришлось в одиночку воспитывать дочь, до сонной одури вникать в лекции по курсу заочного института. Обыденная судьба, обычные заботы новоиспеченной москвички. Как все, как все...

И вот двадцать лет спустя. Вторая серия. Разительная перемена. Она, к сожалению, произошла за кадром. Верим авторам априори. Директор химкомбината, депутат Моссовета, удобная квартира, личные «Жигули», красивая дочь. Есть у Катерины и любовник — пусть слабохарактерный, пусть из категории «осенних марафонцев». Нет лишь подлинного, глубокого чувства, нет настоящего друга жизни. Но вот появляется и он, случайный попутчик в электричке.

Слесарь высокой квалификации, Гоша в исполнении Алексея Баталова (достаточно редкого гостя на киноэкранах) обаятелен, ироничен, инициативен. Его легко представить лидером в семейных отношениях. Без изготовленной им аппаратуры не ладятся докторские изыскания. Он и шашлык на пленэре отменно приготовит, защитит в драке от хулиганствующих юнцов, с ним легко и уверенно. «Вы счастливый человек?» — спрашивает его будущая падчерица. Гоша привычно шутит: «Не вполне. Вот если бы достать стакан газировки...» Но, как водится, в каждой шутке есть доля истины. Гоша, золотые руки, считает себя счастливым. В нем нет рефлексии оттого, что он не закончил когда-то вуз. Он не дергается. Надо дело делать. Не до самоедства в наше-то динамичное время.

«А верила любви...» Катерина обрела долгожданное счастье, Москва покорилась ей. Хэппи энд.

Разумеется, все обстоит не так просто в фильме, как изложено выше. Но здесь, в некоторой фельетонности, не снобизм эдакого киномана, здесь другое. В картине Меньшова видится крепкое знание режиссерской профессии, есть примечательные актерские работы О. Табакова, Е. Ханаевой, Ю. Васильева, И. Муравьевой. Фильм легко смотрится. Однако тревожит такое вот безоблачное разрешение человеческой судьбы.

Нам предлагается типологическая модель современного человеческого благополучия. Закрывается вопрос собственно нравственных исканий. Движение образа главной героини замкнулось. Ей теперь некуда идти, просто незачем. Дом — полная чаша, работа почетная, свой супермен. Осталось только сделаться пайщиком кооперативного гаража. Образ лишился перспективы.

В пятьдесят восьмом году одна из подружек Катерины изрекла: «Москва — это большая лотерея». Двадцать лет спустя эта лотерея принесла счастливый выигрыш. Так случайность выигрыша нам преподносят как жизненную закономерность. Да еще заворачивают эту идею в многоцветную целлофановую упаковку.

Справедливости ради заметим: вся атмосфера фильма была запрограммирована уже сценарием. Издержки картины рождены заданностью драматургии, предложившей вариант еще одного «делового человека». Только разработан он в интимной сфере. Вероятно, тут расчет на универсальность адресата, беспокойство о прокатной судьбе картины: как бы не перебрать с производством.

Меньшов — способный постановщик. Ему делать свой третий фильм. Для некоторых из режиссеров нового поколения этот рубеж — заветный третий фильм — оказался отрадным, взятым словно бы без напряжения, внешне легко, такими яркими художниками они себя показали. К примеру, третья картина Николая Губенко, «Подранки», чем не образец творческой зрелости?

Ответственность за профессию, ответственность перед зрителем — этому не стыдно учиться всегда. Послушаем же справедливые слова мастера старшего поколения, поэта Егора Исаева: «Талант для баловства, верхоглядства, самовлюбленности очень не подходит. Он всегда мстит за это. И раз твой талант через слово принадлежит многим — надо это слово взвешивать, давать ему полновесное обеспечение, золотой запас чувства».

С каким же социальным, нравственным, жизненным опытом приходит в кино очередное поколение режиссеров? Это новое поколение, послевоенное; в хорошем смысле его называют благополучным; оно застало развитый уровень общества. Неудивительно, что эта генерация кинематографистов, обращаясь к рассказу о своих сверстниках, современниках, вновь и вновь открывает для себя таинство любви, зачастую переводя разговор о ней в регистр нравственных оценок. Стремление говорить о знакомом вполне закономерно.

Однако уровень художественности предпринятых исследований чувств далеко не однозначен.

Латышский режиссер Варис Брасла снял по сценарию Ф. Кнорре картину с легким, песенным названием «Весенняя путевка». В загородном доме отдыха, на взморье, случайно знакомятся он и она. Далее торжествует все тот же закон случайности. После необременительного, приятного романа (тихое море, песчаные отмели, костер по вечерам) героиня, брошенная своим Ромео, эгоистичным рационалистом, попадает случайно в больницу. Что за недуг? Мы не знаем, нам не говорят. Намекают только, что героиня очень больна. Об этом опять же совершенно случайно узнает и герой. Постепенно в нем расцветает чувство

ЗАПАС ЧУВСТВ?

раскаяния. Героиня упорна в нежелании простить. Но все-таки ее сердце, закрытое было для милосердия, оттаивает. Хэппи энд.

Мораль: нехорошо обманывать девушек во время отпуска. Другая мораль: нехорошо девушкам так легко и безответственно уступать, опять же во время отпуска, неженатым парням. Для подобной камерной истории нужен поэт или трагик, а фильм не вытягивает даже на уровень грамотной мелодрамы. Со строгим лицом авторы ленты, используя вялую стилистику жизнеподобия, уверяют нас, что любовь, поначалу такая идиллическая, должна выдержать испытание на прочность. Только слишком много случайностей сопровождают эти испытания. Ну, посидел герой день-два перед больницей, поглядел в тоске душевной на окна палат, и смотрите: совсем переменился человек! Любит! И его за такую рыцарскую верность прощают...

Как-то очень уж легко протекает в ряде фильмов эта душевная метаморфоза героев. Процесс нравственного созревания подменяется обычным авторским своеволием. Изволь, мол, такой-сякой из черненького превратиться в розового. Или голубого.

Эту претензию я мог бы предъявить и опытному коллеге Вариса Брасла, тоже латышскому режиссеру Гуннару Пиесису. Все хорошо, что хорошо кончается,— учат нас пословица и его фильм «Твой сын». Но слезы раскаяния, пролитые героем в сибирской тайге над фотографией любящей его женщины, не в силах заглушить чувство неясной, но устойчивой тревоги, рождаемой фильмом, помимо его несложной драматургической схемы.

«Твой сын» — картина прежде всего нравственного звучания. Она уловила и зафиксировала потенциальную, а порой и вполне реальную опасность — показное равнодушие некоторых современных молодых людей, когда душевная косность выдается за норму мировосприятия, а потребительское отношение к жизни — за оптимальный способ реализации собственной «одаренности». При этом корни такого рода нравственных ошибок,— подчеркивает фильм,— питаются не только незрелостью душевного опыта двадцатилетних. Объясняются не только эгоистическими крайностями возраста.

Фильм этот о любви. Именно любовь человеческая изучается и защищается авторами ленты. Эгоизм, цинизм в любви равносильны предательству — таков основной смысл картины, итог показанной истории взаимоотношений двух молодых людей, Валдиса и Гуны, студентов из Риги...

Они совершенно по-разному расценивают то, что их связывает. Гуна — сама верность, терпение и надежда. Но вот полюбила-то она несчастливо. «Я не могу без комфорта»,— жалуется Гуне Валдис, когда он вместе с другими студентами две недели работал в колхозе. Комфорт — это, по Валдису, не только роскошная квартира в Риге, удобная жизнь единственного сына, окруженного заботами матери-врача. Это еще и бесконтрольность в проявлении любых своих чувств, это душевная безмятежность уверенного в собственной талантливости «покорителя жизни».

Авторы фильма отправляют своего героя в Сибирь, на строительство одной из крупных электростанций. Трудовая терапия будто открывает герою глаза: он видит огромный прекрасный мир вокруг, могучую сибирскую реку, кедровник, таежный цветок. Валдис думает об оставленной им Гуне: у нее родился ребенок, его сын. И мысль о том, что он, Валдис, нужен этим двум людям, делает его другим... Хэппи энд!

Время решений для своего героя из фильма «Твой сын» режиссер сократил до минимума. В жизни все обычно складывается много сложнее. Завершить ленту можно было бы и открытым финалом: резче и горше прозвучала бы мысль о верности тому, что нам дорого. На экране же грешник раскаялся, но проблема осталась. И фильм в который раз подтверждает известную истину: вопросы задавать легче, чем отвечать на них...

Примерно равнозначная ситуация в фильме Владимира Шамшурина «Безотцовщина». Он, она, ребенок. Она — хорошая, ребенок тем более, а вот он, беглый отец,— плохой. Режиссер мелодраматизирует сюжет, но мысль о благополучном финале не оставляет его. Героя ожидает преображение. После нескольких лет плавания на торговых судах, повидав экзотические моря и порты, к оставленной женщине приезжает другой, подмененный возлюбленный — возмужавший, изживший эгоцентризм, осознавший свою неоплатную вину! Режиссер не заботится о мотивировках. Возрождение героя произошло само собой, помимо нас, нашего внимания.

...Но ведь нам интересно **следить непосредственно** за процессом нравственного воспитания человеческой души, а не получать готовую информацию о чьем-то там моральном перерождении. Искусство действенно логикой исследования, а не данностью фактов.

Любовь меняет человека — это мы знаем. А если огород городить, так покажите, как именно проявляется власть любви, опалите нас огнем собственного сострадания, пробудите в нас соучастие! Тогда опыт художника станет частью нашего личного опыта.

У некоторых режиссеров достает чувства меры и умения — при недоброкачественности драматургического материала — отодвинуть едва тлеющие угольки любовного томления на периферию сюжета, решать вопросы нравственной ценности человека более содержательно. И пусть тема любви в таких лентах выглядит как некий довесок. Режиссер развязывает себе руки для действительно важного разговора со зрителем.

К примеру, туркменский фильм «Гепард». Любовная линия этой картины самая тусклая — иногда даже раздражает, настолько она бесцветна. Зато выясняется по мере развития основного действия, что любовь-то эта — лишь вспомогательная пружина для динамики основных событий. Режиссер Мухамед Сойюнханов, обращаясь к острейшим проблемам экологии, защиты редчайших диких животных, смело и темпераментно вступает в борьбу за человеческую душу. Лицом к лицу ставит он героев перед необходимостью морального выбора. Он выстраивает крайнюю ситуацию, когда человек смотрит в глаза смерти. От сиюминутного решения тут зависит жизнь. И режиссер суров в своей правде: кто-то из людей дрогнет, предаст истину и свою душу, кто-то пойдет на смертельный риск во имя долга и той же истины. За нравственный выбор придется платить по самой высокой цене.

Любовь проиграла, фильм выиграл.

Еще пример из этого ряда: картина режиссера-дебютанта Геральда Бежанова «Срочный вызов». И здесь любовные метания героя нам практически безразличны — настолько любовь эта вымучена, потушена бесконечными разговорами. Кадры-довесок, для «разрядки», дань обычаю. И хорошо, что они не разрослись, что их мало. Не в любви тут дело, а в том самом **деле**, каким заняты главные персонажи, населяющие фильм.

Исследуется проблема выбора. Альтернатива карьеры и долга.

Фильм о людях. Фильм актерский. В нем мы встречаемся с «большим, умным художником», так назвал Шукшин Евгения Лебедева, своего друга и единомышленника. Для смыслового, эмоционального, нравственного пластов картины «Срочный вызов» Лебедев абсолютно необходим. И столь же абсолютно незаменим. Актер играет старого сельского врача Жукова, добровольного затворника, вполне сознательно поменявшего блестящую научную карьеру на бескорыстное служение народному здравию. Лебедев значителен в фильме как личность и завораживающе артистичен. Он лицедействует с искренностью ребенка.

Адрес действия ленты четко оговорен: Мордовия, часть необъятного российского Нечерноземья, показанная в ее скромном очаровании, без неоправданных выходов в экзотику, орнаментализм. Вымышленная деревня Сидоркино на берегу невымышленной речки Мокши. Сюда, в Сидоркино, по срочному вызову доктора Жукова прилетает из Саранска консультант-хирург Сергей Петров (Е. Киндинов). Тут-то, у входа в сельскую больницу, они и знакомятся: двадцатисемилетний соискатель кандидатской степени, перспективный сотрудник городской клиники и «мизантроп», настырный ворчун. Встреча по службе обернулась душевной симпатией.

Но между этими полюсами лежит собственно пространство сюжета: притирка, узнавание двух несхожих **характеров**, столкновение молодого самолюбия и житейской опытности.

Противостояние Жукова и Петрова, доктора-универсала и врача узкой специализации,— это противостояние, помимо личностных симпатий и антипатий, отражает немаловажные явления времени.

Режиссер акцентирует центральную проблему фильма. «Срочный вызов» — картина о людях земли и о любви на земле. На стороне Жукова великая традиция сельской русской интеллигенции, готовность к самоотречению ради блага больного. Картина поднимает и обнажает вопрос о настоящем и будущем сельского врача. Причем ставит его не в социологическом, а в нравственном плане. Авторы фильма отдают свои симпатии доктору Жукову, видя в его подвижничестве благородный смысл и несомненную общественную пользу. Картина не случайно завершается запрограммированным финалом: семидесятилетний сельский врач предлагает Петрову перевестись из Саранска в Сидоркино и здесь, в деревенской больнице, со временем заменить ветерана. Петров (у него диссертация почти что в «кармане») довольно легко соглашается с предложением...

Нравственный пафос авторов направлен на обострение в нас чувства уважения к тем известным и безвестным труженикам, кто не только не обрывает корни, привязывающие к земле, а, напротив, закрепляется на ней еще прочнее. Уважение нравственных основ, поступков и слов людей, подобных доктору Жукову, переходит — по мере узнавания этого незаурядного человека — в душевную симпатию, сочувственную привязанность. Как это и случилось с хирургом Петровым, несмотря даже на скороспелость его заключительного решения.

Итак, золотой запас чувств — автора и зрителя...

Делают ли нас нравственно богаче те десятки и десятки фильмов, что смотрим мы,— четыре миллиарда зрителей?

Вопрос открытый... Но помнить о своей великой ответственности перед нами кинематографисты обязаны. Должны не идти на компромиссы.

Нравственность есть Правда. Об этом говорил один из самых искренних, больших художников нашего времени — Василий Шукшин.

Генрих БОРОВИК

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

ИСТОРИЯ ОДНОГО

Демонстрация в Мемфисе началась в 12 часов дня 28 марта 1968 года. А в 12.30 ее мирный характер был нарушен. Были разбиты первые стекла магазинов на улице. Свидетели, жившие в тех местах, потом рассказывали, что полиция вначале спокойно наблюдала за актами грабежа и хулиганства и ничего не предпринимала, чтобы остановить их. И только когда насилие уже было совершено, принялась расправляться с демонстрантами. Однако не с теми, кто разбивал стекла или принимал участие в грабеже,— те успели убежать, сделав свое дело,— а как раз с теми, кто старался сохранить мирный характер демонстрации. Огнестрельное оружие, дубинки, слезоточивый газ, нервный газ «мэйс» (впервые примененный американской полицией против мирных демонстрантов именно здесь) — все было пущено в ход по прямому указанию начальника мемфисской полиции Фрэнка Холломена.

Выстрелом из полицейской винтовки был убит 16-летний негритянский подросток Лерри Пейн. 60 демонстрантов были ранены, 280 — арестованы. Губернатор штата объявил о введении комендантского часа. К вечеру в Мемфис вступили 4 тысячи солдат Национальной гвардии.

Днем 28 марта 1968 года, когда демонстрация в Мемфисе еще продолжалась, точнее, еще продолжалось избиение ее участников, в кабинет Гувера пришел Карт Делоуч и положил ему на стол текст информации о событиях в Мемфисе, составленный сотрудниками отдела прессы. В тексте говорилось:

«Сегодня Мартин Лютер Кинг-младший провел демонстрацию пяти-шести тысяч человек по улицам Мемфиса. Кинг находился в автомобиле, который двигался впереди шествия. Сразу, как только началась демонстрация, ее участниками были совершены акты насилия и вандализма — демонстранты били стекла магазинов и грабили витрины.

Все это ясно доказывает, что действия так называемого движения ненасилия, за которые ратует доктор Кинг, не могут быть в достаточной степени контролируемы. То же самое может случиться и во время планируемого им «Похода бедняков» на Вашингтон».

К тексту простой канцелярской скрепкой была пришпилена сопроводительная записка, адресованная директору ФБР: «К сему прилагается информация, напечатанная на бумаге без штампа. Если текст будет утвержден Вами, его передадут в распоряжение лояльных сотрудников средств массовой информации».

Гувер внимательно прочел бумагу, не сделал никаких поправок и написал в верхнем углу три буквы — «OKH» (первые две означают «О'кей», третья — инициал его фамилии Hoover) * — так он обычно утверждал документы.

Отдав бумагу секретарю, Гувер попросил Делоуча задержаться.

— Сколько газет напечатают о «генеральной репетиции»?

— Сейчас трудно сказать. Но думаю, что много,— ответил Делоуч.

— Что значит много? Много — это понятие растяжимое. Для меня тысяча долларов — это много. А для мистера Рокфеллера — так, спички. Кто — в Нью-Йорке?

— Надеюсь, что и «Нью-Йорк таймс». Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

— Не плюйте, у меня новая мебель,— поморщился Гувер.— Ох, не люблю я иметь «Нью-Йорк таймс» в друзьях. Ее удобнее иметь во врагах.

— Почему? — вскинул голову Делоуч.

— Всегда можно точно вычислить, в какой момент они всадят тебе нож в печень. Ведь они предают не по наитию, даже не по трусости. Они предают профессионально. А профессионализм всегда можно предсказать. С ними удобно иметь дело по линии предательства.— Гувер покрутил головой и поправил воротник рубашки.— Сейчас они предают Кинга. Я смогу предсказать за месяц, когда они начнут метить в меня...— Он усмехнулся, довольный.— Впрочем, это уже с небес. Пока я жив, не сунутся...

Делоуч засмеялся свободно и громко, почувствовав, что такой смех будет приятен директору.

— Зря смеетесь, Делоуч. Вы будете жить дольше меня. Так, во всяком случае, по природе. И когда я уйду, вам всем придется не очень сладко. Единственный выход — будете все валить на меня: диктатор, не давал слова сказать, подавлял волю, чуть что — увольнял... Так ведь?..

Последние слова он произнес с улыбкой. Настолько широкой, насколько могла быть широкой улыбка у директора ФБР Эдгара Гувера, человека, как известно, не склонного к веселью.

Делоуч откликнулся не сразу.

— Мне трудно вам что-нибудь ответить на это, сэр,— сказал он как можно более спокойно и твердо.— Все мои слова будут звучать глупо. Я только хочу, сэр, чтобы вы жили как можно дольше...

Гувер опустил голову к бумагам и ничего не ответил. Делоуч понял, что нашел верную интонацию.

Зазвонил телефон прямой связи. Гувер снял трубку, коротко хмыкнул в нее. Это хмыканье было известно всем тем немногим людям, которые имели право звонить Старику по прямому телефону. Услышав хмыканье, там, на другом конце провода, понимали, что у аппарата — сам. Директор слушал, что ему говорили, небрежно держа трубку на некотором расстоянии от уха, будто брезгуя собеседником. Еще несколько раз хмыкнул, дослушал до конца и, положив трубку, сказал Делоучу:

— Кинга посадили в машину и увезли в «Холидей инн». Оттуда повезут на аэродром. Бежал защитник угнетенных и обездоленных. Оставил других расхлебывать то, что заварил сам... Вы говорили с сенатором?

— Да.

— Он выступит завтра?

— Обязательно. Вот здесь я подготовил вам памятку о разговоре с ним.

(Только в 1975 году, уже после смерти Гувера, стало известно содержание памятки, которую Делоуч передал директору ФБР 28 марта 1968 года. Вот отрывок из ее текста: «Во время нашей встречи сенатор выразил беспокойство по поводу планов Кинга организовать демонстрацию в Вашингтоне и сказал мне, что пришло время «устроить Кингу Ватерлоо». Я ответил, что, видимо, было бы весьма полезно, если бы сенатор высказал эти мысли с трибуны конгресса. Сенатор ответил, что готов сделать это, если ФБР подготовит для него текст речи о Кинге...»).

Гувер, надев очки, бегло просмотрел листок бумаги, поставил в верхнем углу свое «OKH».

— Это хорошо. Пусть почирикает. Но неплохо бы еще кого-нибудь. Возьмите это на себя и не теряйте времени.

— Можно идти сейчас?

— Постойте.— Гувер посмотрел в окно.— Кинг остановился в «Холидей инн». В мотеле для белых. А везде вопит о поддержке бизнеса черных. Что же сам-то? — Директор выругался.— Если уж ты объявил себя святым, так спи на гвоздях, неси крест, не бойся Голгофы. А если боишься — значит, не святой... Надо бы, чтобы сенаторы сказали об этом возмутительном лицемерии.

— Хорошо, сенаторы скажут.

— И в газетах пусть об этом поговорят.

— Правильно.

— Знаю, что правильно...— Гувер с неудовольствием потер шею у затылка рукой вверх-вниз, видимо, поднялось давление.— Найдите там, в Мемфисе, какой-нибудь приличный мотель, которым владеет черный. Почему, мол, Кинг не останавливается у своего брата по расе? Говорит одно, а делает другое?! Ему хочется быть в богатом мотеле, с хорошей кухней, среди белых женщин?.. Пусть об этом поразмышляют в газетах.

— Хорошо.— Делоуч быстро записывал.

— Так, чтобы когда он приедет в Мемфис в следующий раз, а он *обязательно*,— Гувер медленно опустил свой кулак на стол,— приедет туда, чтобы реабилитировать свое дерьмовое ненасилие, так вот, чтобы в следующий раз он не останавливался в отеле для белых. Пусть идет в тот, который вы ему назовете... Понятно? Там есть один... Приличный, в негритянском районе. Мне говорили. Не помню названия.— Гувер поднялся со стула.— Это для безопасности. Чтобы его, не дай бог, не ухлопали.

— Будет сделано, сэр.

— Дерьмовая, вообще-то, получается ситуация. Я его еще и охранять должен, этого бандита! Вот треклятая служба!..

На другой день большинство газет США вышло со статьями о событиях в Мемфисе. Во многих из них, согласно рекомендациям ФБР, говорилось, что Мемфис — это *«генеральная репетиция»* перед походом бедняков на Вашингтон. Вот несколько примеров.

ИЗ ГАЗЕТЫ «КОММЕРШЛ КЛЕРИОН», МЕМФИС, 29 МАРТА 1968 ГОДА: «Вчерашние события, вызванные демонстрацией, выражавшей «мирный» протест от имени бастующих санитарных рабочих города, рассматриваются всеми как **«генеральная репетиция»**, которую провел доктор Кинг перед своим планируемым на 22 апреля походом бедняков на Вашингтон...»

ИЗ ГАЗЕТЫ «КОММЕРШЛ АППИЛ», МЕМФИС, 29 МАРТА 1968 ГОДА: «Доктор Мартин Лютер Кинг прибыл в Мемфис, чтобы стать звездой шоу, которое расценивают как **«генеральную репетицию»** его похода бедняков на Вашингтон, назначенного на 22 апреля. Имея в виду его собственные стандарты «ненасилия», репетиция потерпела полный провал».

ИЗ ГАЗЕТЫ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» ОТ 29 МАРТА 1968 ГОДА: «Беспорядки в Мемфисе, в результате которых оказались разбитыми стекла магазинов на Бил-стрит, а один негритянский юноша убит, свидетельствуют об опасности концентрации большого количества людей, эмоционально протестующих по раз-

* Кроме этих трех букв, выведенных рукой Гувера, на тексте имеется служебная пометка: «Выполнено 28 марта 1968 года». Это значит, что «лояльные» к ФБР сотрудники газет и телевидения получили подсказку Гувера вовремя. Оперативность ФБР в таких делах была безукоризненной.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—5.

Родители Мартина Лютера Кинга во время похорон своего сына.

ным поводам на улицах городов. Священник доктор Мартин Лютер Кинг, который организовал в Мемфисе демонстрацию, предполагает в следующем месяце провести поход бедняков на Вашингтон. Ни одна из мер предосторожности, которые он и его помощники собираются принять для того, чтобы соблюсти мирный характер похода, не может дать нам уверенности в том, что во время этого марша не случится то же самое, что разразилось в Мемфисе...»

Некоторые газеты пытались хоть как-то перефразировать текст, полученный от ФБР. Другие же публиковали его почти без изменений. Например, газета «Глоб-Демократ» (Сент-Луис) напечатала в редакционной статье от 30 марта 1968 года: «Мемфис мог быть ответствен за насилие, разрушение, грабеж и кровопролития в Вашингтоне...»

«...Федеральное правительство последние годы показывает себя практически бесхребетным, когда речь идет о том, чтобы противостоять нарушителям закона, хулиганам и марксистским демонстрантам. Настало время, чтобы федеральное правительство дало, по крайней мере, понять стране, что этому нобелевскому лауреату не позволят устроить еще один Мемфис в городе, который является столицей Соединенных Штатов и в котором находится правительство нашей страны...»

Лексика выступлений и вся их тональность не оставляют сомнения в том, что тексты по крайней мере некоторых из них писались под влиянием ФБР.

УБИЙСТВА

только прелюдией к массовому кровопролитию у национального Капитолия».

В тексте же меморандума, полученного редактором газеты от ФБР 28 марта, сказано: «Мемфис может быть только прелюдией к драке у национального Капитолия».

В Капитолии 29 марта 1968 года несколько сенаторов и членов палаты представителей выступили с речами, посвященными событиям в Мемфисе.

В речах говорилось о том, что в Мемфисе «страна имела возможность просмотреть репетицию того спектакля, который может разыграться в Вашингтоне». Говорилось о «возмутительном восстании, которое помог организовать Мартин Лютер Кинг». О том, что «террор в Мемфисе был, вне всякого сомнения, в большой степени спровоцирован речами Кинга, его действиями, его присутствием». Говорилось о том, что «подобное же разнузданное насилие и восстание вспыхнет в Вашингтоне, когда Кинг попытается привести туда своих бедняков».

Вот несколько отрывков из речей, прозвучавших в тот день на Капитолийском холме.

«...Акция, которую Кинг планирует для Вашингтона, гораздо более массовая и значительная, чем та, которую он организовал в Мемфисе».

«...Сам «Мессия» вряд ли будет страдать от насилия и хаоса, которые он собирается устроить здесь. По-видимому, он укроется в каком-нибудь роскошном отеле, чтобы, нежась там в дорогих апартаментах, разглагольствовать о несуществующей расовой дискриминации в нашей стране».

«...Если этого тщеславного возмутителя спокойствия не остановить, то он будет

То место в одной из речей, где говорилось о «роскошном вашингтонском отеле», достойно особого внимания. Хотя оратор ничего не сказал о «Холидей инн» в Мемфисе, однако прозрачный намек угадывался четко. Сенатор вносил (может быть, не ведая о том) свою лепту в осуществление плана ФБР заставить Кинга в следующий его приезд в Мемфис поселиться не в «Холидей инн», а в мотеле «Лоррейн».

Делоуч, как видно, хорошо поработал, выполняя указания своего шефа. Впрочем, с не меньшей старательностью указания директора ФБР выполняли и конгрессмены — эти «независимые слуги народа».

Один из них кричал с трибуны: «...Я призываю президента Джонсона сделать достоянием гласности ту информацию о моральных качествах Кинга, которая ему известна. Об этой информации открыто говорят в Вашингтоне. О ней есть упоминание в газетах. Я призываю администрацию дать возможность всем гражданам этой страны узнать, что представляет из себя на самом деле человек по имени Кинг и что является его истинной целью».

Сценарий ФБР сработал точно и целенаправленно.

Но вернемся в Мемфис и попробуем разобраться, как возникло насилие на его улицах во время демонстрации 28 марта. Несколько свидетельств.

ПЕЙН (корреспондент газеты «Ньюсдэй», находившийся 28 марта 1968 года в Мемфисе): Подстрекателями насилия во время демонстрации в Мемфисе были несколько секретных агентов ФБР и по крайней мере один секретный агент мемфисской полиции.

ДЖЕЙМС ЛОУСОН (священник, председатель стачечного комитета): Перед самым началом демонстрации, когда на улицах собралось более 8 тысяч человек, заполнивших многие кварталы, я, к своему удивлению, увидел в передних рядах, среди так называемых активистов, людей, которых никогда раньше не встречал на совещаниях и митингах, посвященных гражданским правам. Но они держались здесь по-хозяйски, находились впереди и практически повели демонстрацию...

ПЕЙН: В документах ФБР есть инструкции агентам-провокаторам навязывать группам, в которые они проникли, незаконные действия. В той демонстрации принимала участие левацкая группа негритянских активистов, которая носила название «Захватчики» («Invaders»). Среди них было особенно много агентов-провокаторов. Один из них специально занимался планированием насильственных действий. Мне рассказывали потом, что этот секретный полицейский агент был вооружен русским автоматом калибра 7,62. На совещаниях он всегда предлагал самые радикальные меры, обязательно включающие незаконные насильственные действия. Полиция и официальные лица из ФБР регулярно снабжались самой детальной информацией о планах группы, ее текущей деятельности и ее совещаниях.

Джеймс Лоусон рассказывал, что группа «захватчиков» все время затрудняла работу стачечного комитета. Они хотели перевернуть всю стратегию мирной стачки, хотели создать хаос. Это было именно тогда, когда стачка, казалось, уже достигала своей цели, когда деловые круги Мемфиса уже начали оказывать давление на мэра города, чтобы тот хотя бы частично пошел навстречу санитарным рабочим. А «захватчики» предлагали жечь и убивать. Только гораздо позже Лоусон понял, кто предлагал и для чего.

Свидетельства Лоусона и Пейна подтверждаются и официальными материалами сенатского расследования убийства Мартина Лютера Кинга. По данным этого расследования, ФБР имело в группе «захватчиков» как минимум пятерых своих секретных агентов, которые поставляли всю собранную информацию о деятельности и планах «захватчиков» в отделение ФБР в Мемфисе. Кроме них, в группу инфильтровался секретный агент полиции Мемфиса, подчинявшийся известному нам Холломену — давнему сотруднику ФБР.

Документально подтверждено, что ФБР было целиком в курсе планируемых провокационных актов насилия во время демонстрации санитарных рабочих в Мемфисе 28 марта 1968 года.

Документально подтверждено, что ни ФБР, ни полиция Мемфиса не предприняли никаких мер, которые могли предотвратить провокационное хулиганство.

Документально подтверждено, что ФБР и полиция Мемфиса не поставили в известность ни Мартина Лютера Кинга, ни руководство стачечного комитета о предстоящем насилии на улицах во время демонстрации.

Да и как они могли поступить иначе, если вся далеко идущая провокация задумывалась в недрах ФБР!

Но все это станет известно значительно позже, а тогда, 28 марта 1968 года, телевизионные камеры показывали всей стране разбитые витрины магазинов на улицах Мемфиса и устрашающие слова «генеральная репетиция перед Вашингтоном» мелькали в заголовках газет, произносились по радио, по телевидению, в сенате США. А ФБР с профессиональной точностью и оперативностью, исчисляя время не часами, а минутами, развивало успех (думаю, что военная терминология в данном случае вполне уместна).

Уже на другой день после демонстрации, то есть 29 марта 1968 года, ФБР сфабриковало новую информацию для распространения среди «лояльных журналистов». Текст был составлен в Управлении внутренней разведки ФБР и утвержден (все те же три зловещие буквы «ОКН») Гувером. Вот этот текст.

«Во время забастовки санитарных рабочих в Мемфисе, Теннесси, Мартин Лютер Кинг убеждал негров бойкотировать магазины, принадлежащие белым, для того, чтобы добиться выполнения требований черного населения. 28 марта 1968 года Кинг провел демонстрацию санитарных рабочих. Как Иуда, ведущий баранов на убийство, Кинг вел демонстрантов к насилию. И когда насилие свершилось, Кинг

исчез. В Мемфисе есть отличный мотель «Лоррейн», которым владеют и который финансируют исключительно негры. Но Кинг не поехал в этот мотель. Вместо этого Кинг отправился в мотель «Холидей инн», владелец которого — белый, управляющий — белый и финансовая поддержка тоже от белых. Именно туда уехал он после демонстрации, потому что там были заказаны ему апартаменты. Как видим, лозунг бойкотировать белых торговцев предназначен не для Кинга, а только для его последователей. Разве не проявляется здесь лицемерие этого обманщика, который так часто и много говорит о морали!»

Названа фэбээровская статья была так: «Делай, как я говорю, а не как делаю».

На первый взгляд, смысл этого документа ясен — авторы продолжали попытки разрушить моральный авторитет Кинга, обвиняя его в лицемерии. И только гораздо позже, после убийства Кинга и после того, как существование этого документа, созданного ФБР, открылось, стал понятен его главный смысл — заставить Кинга в следующее посещение Мемфиса (а в том, что Кингу придется вновь приехать в Мемфис, дабы «реабилитировать» идею ненасилия, ФБР было уверено) остановиться не в относительно безопасном мотеле «Холидей инн», а в мотеле «Лоррейн», где он представлял бы собой более удобную мишень для убийцы.

Кстати говоря, Мартин Лютер Кинг нигде публично не говорил о том, что собирается вернуться в Мемфис. Однако ФБР было уверено в этом — ведь каждое слово Кинга, произнесенное в кругу друзей, записывалось агентами Эдгара Гувера.

И снова газеты «лояльно» откликнулись на подсказку ФБР и начали писать о «роскошных» комнатах «Холидей инн» и о том, что Кингу следовало бы остановиться в мотеле «Лоррейн». Об этом написала и «Коммершл аппил» (Мемфис), которая даже упомянула, что номер Кинга в «Холидей инн» стоил 29 долларов в день, и «Пресс скиметр» (Мемфис), и многие другие газеты. Об этом писали и мелкие полицейские репортеры, связанные с Фрэнком Холломеном, писали и крупные политические обозреватели, обвиняя Кинга либо прямо в «предательстве» по отношению к своим братьям по расе, либо — более интеллигентно — в «непоследовательности».

И во многих статьях настойчивым образом упоминался мотель «Лоррейн». Не какой-нибудь другой мотель, принадлежавший черному хозяину, а именно «Лоррейн».

О чем думал Мартин Лютер Кинг в те дни? Можно представить, как тяжко было ему. Он был совестью Америки и, как настоящая совесть, не мог молчать. Брал на себя все больше и больше ответственности за то, что происходило в стране. Война во Вьетнаме, экономическое положение бедняков, бесправие негров, индейцев, мексиканцев — все эти вопросы сливались для него все теснее и теснее в один вопрос, в одну проблему.

Он был решительным человеком, он не отступал в большом и, конечно, не собирался отказываться от похода бедняков на Вашингтон. Слишком много сил положил он на его организацию, слишком много надежд связывал с ним.

Но он пытался маневрировать, идти на компромиссы в малом. На фоне все возраставшей кампании против него, которой, как теперь ясно, дирижировало ФБР, он пытался найти пути для того, чтобы выбить из рук своих противников оружие против себя, их аргументы.

Он принял решение вернуться в Мемфис и провести там еще одну демонстрацию, чтобы доказать все-таки возможность мирного марша без насилия.

Он принял также решение остановиться на этот раз в мотеле «Лоррейн».

Оба решения стали его трагическими ошибками.

Ни он, ни его друзья, конечно, не могли предположить, что «Лоррейн» назывался в газетах не случайно, что к тому времени мотель уже был, так сказать, пристрелян, что уже было найдено самое удобное окно в меблированных комнатах напротив через улицу, откуда был прекрасно виден весь балкон на втором этаже. Кинг должен был выйти на этот балкон. Другого пути из 306-го номера у него не было...

Ну, а если бы Кинг снял не 306-й, а какой-нибудь другой номер, скажем, на первом этаже? Что тогда было бы с планом убийства?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно вспомнить о том, как ФБР организовывало подслушивание всех разговоров Кинга, в каких бы отелях он ни останавливался. ФБР всегда либо заранее знало, какой номер снимет Кинг, либо действовало таким образом, чтобы администрация отеля предоставляла Кингу тот номер, который был рекомендован ФБР (у администрации отелей такая «подсказка» не должна была вызывать подозрений: ФБР ведь «заботилось о безопасности» лидера черных).

Накануне приезда Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля 1968 года в мотель «Лоррейн» явился человек, назвавшийся представителем группы Кинга. Он осмотрел здание, зашел в несколько комнат и зарезервировал для Кинга именно 306-й номер.

Как выяснилось позже — никто из окружения Кинга никакого представителя в «Лоррейн» не посылал. А хозяин мотеля больше никогда этого человека не видел...

Мартин Лютер Кинг вторично приехал в Мемфис днем 3 апреля 1968 года. Он не очень хорошо чувствовал себя, устал, да и настроение было не лучшим. Травля его газетами, телевидением, с трибуны конгресса достигла высшей точки. Не проходило дня, чтобы он не слышал либо проклятий в свой адрес, либо обвинений в злоумышлении, в предательстве, в лицемерии, либо вяжущих «соболезнований» по поводу «невольных ошибок» и «тактических промахов».

Утром кто-то из друзей сказал ему, стараясь подбодрить: «Они забыли, что тебя травили даже собаками. А ты выстоял. А уж это как-нибудь перенесем...» Кинг усмехнулся и ничего не ответил. Он понимал, что друг хотел помочь, напомнив о тяжелых годах начала борьбы. Но разве можно сравнить то время с нынешним! Разве сравнишь собачью травлю с газетной! Тогда ему достаточно было физического мужества и веры в свое дело. Тогда все было значительно проще — ясно было, кто друг, кто враг. И почти не было предателей среди друзей. Теперь против него начали выступать те, на кого, он полагал, можно было опереться. Выступали люди, которых он даже любил. Нет, травля собаками ничто по сравнению с травлей газетами...

Вечером 3 апреля он должен был выступать на митинге в церкви. Погода была прохладной, шел дождь, и в какой-то момент Кинг решил, что никто не соберется его слушать. От одной этой мысли вдруг почувствовал себя смертельно усталым. Он попросил Ральфа Абернети, своего верного Абернети, поехать и выступить вместо него.

Ральф понял состояние друга. Он тоже почему-то не верил, что в тот вечер соберется достаточно народу, чтобы Кингу стоило произносить речь...

Но еще подъезжая к церкви, где должен был проходить митинг, Абернети понял: народу пришло много, очень много, гораздо больше, чем церковь могла вместить. У ступеней, на улице под дождем стояли сотни людей и не расходились. Не входя в церковь, Ральф послал машину назад с просьбой передать Кингу — его ждут, ему надо выступить, в такой вечер он не имеет права молчать.

Кинг приехал через четверть часа возбужденный, решительный. Народ встретил его стоя. Люди скандировали: «Кинг! Кинг! Кинг!» Он поднялся на трибуну взволнованный.

— Прежде чем начать речь, о которой я думал, направляясь к вам,— сказал Кинг, обратившись к слушателям,— я хочу, чтобы вы запомнили: Ральф Абернети — мой самый близкий и самый верный друг...

Он помолчал, благодарно глядя на друга, а затем, оперевшись двумя руками о кафедру, начал...

— ...Если бы я оказался у истоков времени, если бы имел возможность окинуть оттуда взором всю человеческую историю до наших дней и если бы всемогущий повелел мне: «Мартин Лютер Кинг, выбирай время, в котором хотел бы ты жить»,— я совершил бы мысленный полет из Древнего Египта через Красное море,— к земле обетованной. Но несмотря на ее великолепие, не остался бы там. Я отправился бы в Грецию, чтобы взойти на гору Олимп. Увидеть Платона, Аристотеля, Сократа, Еврипида и Аристофана, обсуждающих великие и вечные вопросы бытия. Но я не остался бы с ними. Я шел бы дальше — к великим золотым временам Римской империи, чтобы увидеть жизнь ее при разных императорах и разных вождях. Но не остался бы там. Я пошел бы во дни Возрождения — увидеть великую миссию Ренессанса в культурной и эстетической жизни человека. Но не остался бы и в том времени. Я пошел бы дальше по дороге, туда, где жил человек, именем которого я наречен, чтобы увидеть Мартина Лютера в тот самый момент, когда он вывешивает свои 95 тезисов на дверях храма в Виттенберге. Но и с ним я не остался бы. А пошел бы дальше к 1863 году — увидеть президента по имени Авраам Линкольн, который подписал Хартию вольности. Но не остался бы там. А пошел бы дальше в ранние 30-е годы нашего века, чтобы увидеть человека, который сказал, что больше всего на свете люди должны бояться страха. Но я не остался бы и там. Как ни удивительно, я вернулся бы к всемогущему и сказал: «Если ты разрешишь мне пожить хотя бы несколько лет во второй половине двадцатого столетия, я был бы счастлив». Это желание может показаться странным, потому что мир, в котором мы живем, перевернут вверх дном, а страна наша больна, на ее земле неспокойно. Это желание может показаться странным. Но я знаю, что звезды видны только тогда, когда небо темное. И я вижу всевышнего. Он трудится в нашем двадцатом столетии, в наше время. Он трудится, и люди, как ни странно, откликаются на его труд, и кое-что происходит, кое-что меняется в нашем мире. Массы людей поднимаются, массы... Живут ли они в Иоганнесбурге, Южная Африка, или в Найроби, Кения, в Аккре, Гана, или в Нью-Йорке, в Атланте, Джорджия, в Джэксоне, Миссисипи, или в Мемфисе, Теннесси, их возглас один и тот же: «Мы хотим быть свободными!» Есть и другая причина, почему я счастлив, что живу в нашем времени... Мы собираемся решить проблемы, которые люди пытались решать в течение всей своей истории, но не смогли... Многие годы люди толкуют о войне и мире. Но теперь уже невозможно говорить об этом. Потому что сегодня нет больше выбора между миром и насилием. Выбор есть только один — между миром и смертью. Вот где мы находимся сегодня... И я счастлив, безмерно счастлив, что всевышний разрешил мне жить в наше время и видеть все, что происходит в мире. Я счастлив, что он разрешил мне быть сегодня в Мемфисе...

Так говорил в тот вечер Кинг. Говорил и смотрел в зал. Перед ним стояли и сидели люди, по обычаям, принятым в негритянских церквах, подталкивая друг друга и время от времени негромко выкрикивая: «Эй-эй»... Эти негромкие восклицания означали, что они соглашались с ним, с человеком на церковной кафедре, они верили ему. Он был возбужден и радостен. Его слушали особенно внимательно и особенно доверчиво в тот вечер, и он все больше и больше верил, что демонстрация, которую он хотел повторить в Мемфисе, на этот раз будет мирной демонстрацией. Мирной и неодолимой. И она станет началом похода бедняков, который он поведет на Вашингтон в конце апреля...

Поведет ли? Позволят ли ему? Оставят ли живым? Этого он не мог знать. Предчувствие возможной смерти в этом жестоком, бурном, тяжелом 1968 году томило его уже не впервые. И он сказал:

...Ну, вот я и добрался до Мемфиса. И здесь говорят, что мне угрожают, что наши больные белые братья могут сотворить что-нибудь со мной. Ну что ж, я не знаю, что может случиться. Впереди у нас трудные дни... Как и все, я хотел бы прожить долгую жизнь. У долгой жизни есть свои преимущества. Но сейчас не это меня волнует. Мне хотелось бы только выполнить божью волю. Он дал мне подняться на гору. Я взглянул оттуда и увидел землю обетованную. Может быть, я не попаду туда с вами, но как народ, мы достигнем ее. Вот почему я счастлив сегодня вечером. Ничто меня не беспокоит. Я никого не боюсь...

Всесоюзная выставка произведений молодых художников

Я. Осис. Род. 1943. РАЙНИС В ЭМИГРАЦИИ. 1979.

П. Рейхет. Род. 1953. ДО СЛЕДУЮЩЕЙ НАВИГАЦИИ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Ровно через сутки Мартин Лютер Кинг был убит.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В Америке существует не единственная версия убийства Мартина Лютера Кинга. Некоторые из них более убедительны, другие — менее. Но есть только одна, которая не убеждает совсем,— та, согласно которой Кинга убил бывший вор-неудачник Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, без помощи третьих лиц; та, согласно которой ФБР не имело к убийству никакого отношения.

Эта версия, принятая, объявленная и пропагандировавшаяся ФБР практически с момента убийства 4 апреля 1968 года, оставляет без ответа слишком много недоуменных вопросов (часть из которых — очень небольшая — упоминалась в этом повествовании), чтобы в нее можно было поверить.

Под давлением общественного мнения конгресс США вынужден был провести специальное — свое — расследование убийства Мартина Лютера Кинга. Вначале им занималась специальная комиссия сената, затем комиссия палаты представителей. К 1979 году расследование закончилось.

Оно было разрекламировано максимально, как умеют это делать в Америке, когда хотят рекламы. Заключительные заседания комиссии конгресса показывали по телевидению «напрямую», из здания на Капитолийском холме.

Все было сделано для того, чтобы доказать: Джеймс Эрл Рэй осужден правильно; он — убийца Мартина Лютера Кинга; Рауля не существовало; Рэю, возможно, помогал кто-то, но, вероятнее всего, это был его собственный родной брат. Одним словом, если заговор с целью убийства Мартина Лютера Кинга существовал (а комиссия при всем своем желании и старании не могла все-таки доказать, что Рэй действовал один, без посторонней помощи), то он не выходил за рамки одной семьи и уж, конечно, ни о каком участии в нем ФБР не может быть и речи (это главное, для этого, собственно, и было организовано расследование).

Таковы — если очень коротко — основные выводы комиссии, заключенные в сотнях тысяч страниц дела и в восьмисотстраничном «Заключительном докладе», опубликованном в США в 1979 году.

Но читаешь этот доклад, напечатанный очень мелким шрифтом, и не можешь избавиться от ощущения, что целью нового расследования было не установление истины, а создание впечатления об ее установлении. Для этого — реклама. Для этого — телевидение. Для этого — все шоу.

И если внимательно вчитываться в ход рассуждений комиссии, то очень часто сталкиваешься с такими мотивировками, какие естественнее встретить у торопливых авторов дурных детективов, рассчитывающих на невнимательного читателя, который «не заметит» подтасовки, а не в официальном докладе комиссии конгресса.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В докладе сказано, что усилия ФБР, направленные на то, чтобы поселить Кинга в мотеле «Лоррейн», не имеют отношения к убийству. Мотивировка: Кинг во время своих предыдущих приездов в Мемфис всегда по своей собственной воле останавливался именно в «Лоррейне».

Но позвольте, какое же это доказательство? Если Кинг обычно останавливался в «Лоррейне», по которому столь удобно было стрелять из меблированных комнат миссис Брюэр, то разве не логично предположить, что именно там ФБР и готовило покушение на него? А друзья Кинга спутали карты ФБР (не ведая о том), увезя Кинга после разгрома демонстрации 28 марта в мотель «Холидей инн» (а оттуда — на аэродром). Разве исключена возможность, что убийца — тот самый или другой (ФБР могло готовить и иметь в своем распоряжении не одного, а нескольких террористов с заданием уничтожить Кинга) — уже 28 марта ждал появления Кинга на балконе «Лоррейна», и если бы Кинг после демонстрации поехал не в «Холидей инн», а в «Лоррейн», он был бы убит тогда же, на неделю раньше? (С пропагандистской точки зрения тот день был выгоднее для ФБР: «возмущенный белый» выстрелил в черного «возмутителя спокойствия» сразу после того, как тот провел демонстрацию, закончившуюся насилием.)

И разве не естественно, что раздосадованное ФБР стало так настойчиво внушать Кингу мысль о том, чтобы он вернулся в Мемфис и остановился именно в «Лоррейне» для того, чтобы не было больше таких «срывов»?

То обстоятельство, что Кинг ранее обычно останавливался там, не только не опровергает версию о подготовке выстрела из окна ванной комнаты гостиницы миссис Брюэр, но, наоборот, подтверждает ее!

Еще пример. Комиссия утверждает, что удаление детектива Реддитта с поста в здании пожарной станции № 2 не связано с убийством Кинга, поскольку, как сказано в докладе, «миссия Реддитта заключалась не в охране Кинга, а в наблюдении за ним». Но разве дело в официальном названии миссии (оно, кстати, документально не подтверждено)? Такую мотивировку можно было бы принять только в том случае, если бы, помимо «группы наблюдения» за Кингом, состоявшей из двух человек, а затем уменьшенной вдвое, существовала бы другая группа, задачей которой было охранять Кинга. Но в том-то и дело, что никакой охраны Кинга в Мемфисе Фрэнк Холломен, давний сотрудник ФБР и личный друг Гувера, не организовал. А из так называемой группы наблюдения удалил человека, который с симпатией относился к Кингу и мог помешать плану убийства.

Третий пример. Комиссия заявляет, что выстрел в Кинга произвел Джеймс Эрл Рэй (оставляя без ответа многие вопросы, возникающие в связи с этим утверждением). Выдвигаются два основных мотива преступления: первый — враждебное отношение Рэя к неграм вообще (вывод делается на основе нескольких реплик, произнесенных Рэем в присутствии некоторых свидетелей, хотя есть множество других свидетельств, доказывающих, что Рэй не был замечен в воинствующем расизме, достаточном, чтобы решиться на убийство Кинга); и второй — надежда на денежное вознаграждение (все свидетели без исключения действительно утверждают, что Рэй был падок на деньги).

Казалось бы, денежный мотив работает на версию о заговоре с участием третьих лиц и исключает в данном случае брата Рэя, ибо никакого вознаграждения от брата за убийство Кинга Джеймс Эрл Рэй, естественно, получить не мог. Но комиссия находит остроумный выход: Рэй надеялся получить большой гонорар, написав книгу о том, как он убил Мартина Лютера Кинга.

Допустим. Но чтобы получить деньги за такую книгу, убийца должен был раскрыть себя, а значит, снова сесть в тюрьму. Тогда зачем он бежал из нее в 1967 году? Чтобы опять попасть туда, но уже «богатым человеком»? Снова допустим. Но зачем тогда нужно было скрываться от ФБР после выстрела в Мемфисе? Ведь написать и издать книгу «в бегах», инкогнито, он не смог бы. И наконец, если его целью было жить в тюрьме «состоятельным» узником, зачем тратить 47 тысяч — весь гонорар, полученный от писателя Хьюи, на адвокатов? Согласитесь, что мотив — абсолютно несостоятельный.

Такие примеры можно было бы множить и множить.

Главными свидетелями, на основании показаний которых комиссия строит свои выводы о непричастности ФБР к заговору с целью убийства Кинга, являлись нынешние и бывшие сотрудники и агенты ФБР. Но выдавать их показания за правдивые — дело в высшей степени рискованное. Если Гувера — даже мертвого! — боятся до сих пор многие сенаторы, то что же говорить о сотрудниках ФБР, которые прекрасно знают, как умеет эта организация разделываться со своими врагами. Однако проинструктировать каждого возможного свидетеля — дело трудное, если не невозможное, поэтому сама комиссия признает, что многие свидетели из ФБР противоречили друг другу, некоторые обстоятельства действий ФБР против Кинга «не ясны» или «необъяснимы». В заключительном докладе сказано также, что среди документов, полученных комиссией в ФБР и относящихся к Мартину Лютеру Кингу, обнаружены «изъятия». Однако никаких выводов из этих «странных» обстоятельств комиссия не сделала.

Комиссия также заявила, что не смогла восстановить полностью картину преследований Кинга со стороны ФБР по той причине, что главные авторы и исполнители «ушли из жизни естественным путем» (добавим от себя — ушли и насильственным: в частности, в 1977 году был убит во время охоты, как утверждают, «случайно», известный нам Уильям Салливэн, помощник директора ФБР, человек, который после смерти Гувера наиболее охотно давал показания против своего бывшего шефа).

Повесть, которую вы прочли, не следственное дело. В ней есть предположения. Но приведенные в ней документы — подлинные, взятые из американских источников, и они позволяют утверждать следующее.

Уничтожение Кинга готовило Федеральное бюро расследований США, правительственная организация, призванная пресекать беззаконие в стране. Готовило — по крайней мере частично — с ведома и согласия высоких официальных лиц и в правительстве, и в Белом доме, и в конгрессе.

Подготовка шла по нескольким линиям и в несколько этапов.

Вначале было решено уничтожить Кинга политически, обвинив в связях с коммунистами.

Кинг выстоял эту атаку.

Параллельно началась работа по моральному уничтожению Кинга.

Кинг выстоял эту атаку.

Когда стало ясно, что авторитет Кинга не поколеблен, была сделана попытка разрушить его семейную жизнь и довести его до самоубийства.

Мартин Лютер и Коретта Кинг выстояли эту атаку.

С 1967 года вступил в действие «Коинтелпро» — план пропагандистских мероприятий ФБР, целью которого было при помощи средств массовой информации создать вокруг Кинга атмосферу ненависти. Расчет: в больной Америке 1968 года всегда нашлись бы люди, которые, читая грязные статьи о Кинге, инспирированные ФБР (в них встречались и такие строки: «эти бегающие глаза, этот хищный рот, эта темная физиономия с розовыми ушами — разве не похож Кинг на крысу?»), сочли бы своим патриотическим долгом избавить американский народ от «самого отъявленного обманщика в стране» (выражение Гувера).

Это был уже план физического уничтожения Кинга.

Параллельно ФБР, как считают многие, готовило прямое убийство Кинга при помощи своего собственного агента с использованием для прикрытия в качестве подсадной утки Джеймса Эрла Рэя, мелкого вора, скомпрометированного заранее своим тюремным прошлым. Схема, знакомая по убийству Джона Кеннеди в Далласе. Только там Освальд, по-видимому, слишком много знал — его пришлось тут же убрать. Здесь же, в Мемфисе, все было сделано тоньше: Рэй, вероятнее всего, до последнего момента так и оставался в неведении — кто им командовал, чью волю он исполнял.

Комиссия не смогла по существу опровергнуть участия ФБР в заговоре.

Но чтобы разобраться в несуразице множества ее мотивировок и выводов, надо точно знать обстоятельства дела, надо внимательно вчитываться в сотни страниц доклада, надо сопоставлять и анализировать, а это сложно и долго. Это для специалистов.

Задачей же комиссии было не специалистов убеждать, а провести большое шоу для простого американца.

Расчет чисто психологический.

Обыкновенный американец, сидя с банкой пива в кресле перед телевизором у себя дома и увидев на экране заседание комиссии, услышав энергичную речь ее председателя, понаблюдав довольно скучные допросы свидетелей, переключит телевизор на другую, более веселую программу, вздохнет с облегчением, и скажет: «Ну вот и хорошо, разобрались наконец. Поправили, что нужно. Теперь все в порядке. Обмана быть не может — ведь перед всей страной показывали, перед всем народом...»

Только скажет ли?..

Сергей АФОНИН

НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ

Хо Ши Мин — основатель Коммунистической партии Вьетнама.

3 февраля Коммунистической партии Вьетнама исполнится 50 лет. Сегодня в ее рядах полтора миллиона борцов. Это самые достойные представители рабочего класса, трудового крестьянства и народной интеллигенции, беззаветно преданные идеалам свободы и социализма.

Много раз бывая во Вьетнаме, я видел, каким уважением и авторитетом пользуются коммунисты. «Ленин указал нашему народу путь к освобождению, он указал ему на решающий, самый мощный и наиболее эффективный фактор победы, имя которому—партия». Слова Хо Ши Мина стали боевым девизом вьетнамских коммунистов, под руководством которых совершилась в историческом 1945 году Августовская революция, покончившая с колониальным и монархическим прошлым.

С тех пор вьетнамским патриотам пришлось в течение почти трех десятилетий вести самоотверженную, полную отваги и мужества борьбу с вооруженными силами империализма и внутренней реакцией. Они доказали, что никто не может поставить на колени народ, исполненный решимости отстоять свободу. Пройден трудный путь борьбы и побед, завершившихся объединением Севера и Юга страны. На карте мира появилась единая Социалистическая Республика Вьетнам, протянувшаяся от провинции Каобанг до мыса Камау.

В прошедших битвах вьетнамский народ нанес сокрушительные поражения всем своим врагам. Слава этих побед в первую очередь принадлежит партии, на знамени которой начертан пламенный призыв Хо Ши Мина: «Нет ничего дороже независимости и свободы».

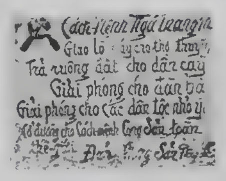
Сейчас трудящиеся СРВ под руководством Коммунистической партии Вьетнама и опираясь на братскую поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества строят на своей земле социалистическое общество.

Республика уверенно идет к социализму, осуществляя решения исторического IV съезда КПВ, который выдвинул программу построения нового общества в масштабах всей страны.

Мне довелось бывать на этой героической земле и в годину военных испытаний, и в час победного торжества. Чувства, которые испытываешь от встреч с людьми Вьетнама, можно выразить одним словом — восхищение. Я видел вьетнамцев на промышленных предприятиях и на рисовых полях, в научных лабораториях и школах, видел, как они под градом бомб обеспечивали переправы через реки, как вели яростный огонь по противнику. И самыми отважными, самыми мужественными всегда были и остаются коммунисты.

В эти юбилейные дни впервые в истории КПВ в партийных организациях в торжественной обстановке выдаются партийные билеты. В первую очередь они вручаются ветеранам революционного движения. В ряды партии принимается новое пополнение, главным образом из числа наиболее достойных членов Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина.

В лице вьетнамских коммунистов, всего вьетнамского народа советские люди видят своих близких товарищей, соратников по общей борьбе. В день славного юбилея КПВ мы желаем вьетнамскому народу новых успехов под руководством его испытанного авангарда.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ПАРТИЙНЫХ ЛИСТОВОК ВО ВЬЕТНАМЕ. «Октябрьская революция дала рабочим заводы, крестьянам — землю, раскрепостила женщин, освободила угнетенные народы, открыла путь для мировой коммунистической революции».

НА ПРОВОДЕ ГАЛАЦ

4 февраля, тридцать два года назад, был подписан советско-румынский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Его продолжением стал новый договор между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией, заключенный в 1970 году.

Корреспондент «Огонька» Б. Лабутин взял интервью по телефону у руководителя группы советских специалистов на Галацком металлургическом комбинате Н. Ф. РОМАНИШИНА.

— Николай Филиппович, вы один из тех, чьими руками воплощаются в жизнь строки о дружбе и сотрудничестве между нашими странами. Расскажите, пожалуйста, о своей работе.

— Наша группа из восьми человек, москвичи и ленинградцы, ведет шеф-монтаж комплекса установок для получения кислорода, необходимого для выплавки стали. Это первый такого рода объект в Румынии производительностью 90 тысяч кубометров в час. Проект румынский, оборудование — из подмосковной Балашихи, Ленинграда, Пермской области. Уже идет опробование отдельных узлов. Своими добрыми друзьями называю теперь румынских коллег Виктора Амарфи, Михая Нистора, Иона Севера и других. Работаем, можно сказать, без переводчика и вместе ищем пути, чтобы максимально приблизить день пуска. Например, когда монтировали кожух разделительного блока,— а это махина высотой 34 метра! — мы предложили упрощенный метод — и сэкономили пятнадцать дней! Стройка очень важна для народного хозяйства республики: ввод комплекса увеличит мощность Галацкого комбината почти на треть, до десяти миллионов тонн стали в год. Сам комбинат построен в 1968 году, также при техническом содействии СССР. Хочу подчеркнуть, что это сотрудничество взаимовыгодное. Здесь же, в Галаце, находится верфь, со стапелей которой сошли уже десятки судов различного типа и назначения для Советского Союза. Металл для них поставляет комбинат, где мы сейчас работаем.

— Уже многие годы Галац — адрес командировок советских специалистов. Познакомьте нас с городом.

— В Галаце вам обязательно покажут место, где век назад части русской армии перешли Дунай, чтобы принести свободу балканским народам. В сорок четвертом здесь прошла с освободительной миссией Советская Армия. Сегодня древний Галац называют «главной цитаделью» черной металлургии Румынии. Тут выпускается почти половина выплавляемой в стране стали. А город зеленый, чистый, приветливый. Очень быстро растет. Старый центр преобразился на наших глазах, хотя мы тут всего год. Вместо прежних строений выросла улица новых, девятиэтажных. Из окна нашего дома виден Дунай, а рядом с подъездом — уютный детский уголок. Сюда на Новый год к ребятишкам приезжал румынский Дед Мороз, моя четырехлетняя Вероника до сих пор его вспоминает. Мы все надолго запомним дни, проведенные в Галаце. Гордимся, что здесь останется частичка и нашего труда.

На Галацкой судоверфи.
Фото Аджерпресс — ТАСС

ЖИЗНЬ ОТДАНА АВИАЦИИ

Ю. МАМСУРОВ,
генерал-полковник-инженер

...В ночь на 6 февраля 1944 года генералу Ф. А. Агальцову была вручена телеграмма. В ней сообщалось, что вблизи от внешнего кольца окруженной в Корсунь-Шевченковском котле группировки гитлеровцев слышался гул танков. Откуда — установить было нелегко: холмистая местность и высокая влажность воздуха рассеивали звуки работающих моторов.

Перед комдивом стояла трудная задача, решать ее надо было наверняка. Кому поручить задание? И после некоторого раздумья он выбрал капитана Г. Красоту, командира авиаэскадрильи, отважного и мужественного летчика, мастера ночных рейдов.

Генерал поставил перед ним четкую боевую задачу: разведать группу танков противника, установить места их расположения и численность. Время исполнения — до наступления рассвета. Количество вылетов не ограничено.

— Ну как, старина, найдете танки в такую погоду?

— Постараюсь,— ответил капитан и, в свою очередь, спросил:

— Могу я действовать по своему усмотрению?

Вопрос для генерала не оказался неожиданным.

— Действуйте! — Филипп Александрович улыбнулся и обнял капитана.

Командир дивизии не ошибся в своем подчиненном и на сей раз — вскоре в эфир, генералу Агальцову, полетела радиограмма: танки противника обнаружены, маскировка сорвана, задание выполнено!

В эту ночь и утро было уничтожено 46 танков противника.

...Один эпизод из боевой практики видного советского авиационного военачальника. Но он говорит о многом. Об организаторских качествах, об умении в трудную минуту принимать единственно правильное решение, о таланте подхода к офицеру и рядовому солдату.

А вот еще один случай времен Великой Отечественной войны.

Мужество и мастерство штурмовика Ляхова неоднократно отмечалось в оперативных сводках и фронтовой прессе.

В боевом полете к группе наших самолетов, ведомых Ляховым и Солдатенко, незаметно пытался подобраться фашистский истребитель. Заметив маневр врага, Ляхов резко развернул боевую машину в лоб истребителю. Испугавшись лобовой атаки, гитлеровец предпочел бегство.

Но тут с земли ударили немецкие зенитки: двумя прямыми попаданиями они повредили машину ведомого. Самолет потерял управляемость и вошел в штопор. В этот критический момент Ляхов сумел вывести машину в горизонтальный полет. Группа пошла на штурм вражеской автоколонны, в воздух взлетели куски металла. Только когда кончились боеприпасы, Ляхов направил машину на свой аэродром. Три раза она сваливалась в штопор, и каждый раз побеждали воля и мастерство отважного бойца.

О выполнении задания Ляхов докладывал генералу Агальцову. Тот спросил летчика, как же сумел он на поврежденном самолете победить врага. Ответ был четок и красноречив: «Вы, товарищ командир, так учите!»

60 лет служит в Вооруженных Силах Филипп Александрович Агальцов. Столько же десятилетий он состоит в рядах партии коммунистов.

Участник Октябрьской революции и гражданской войны, пулеметчик, политрук роты, Герой Советского Союза, маршал авиации. Жизнь сполна отдана Родине.

Родился он в январе 1900 года, и биография его богата яркими событиями.

...В один из майских дней 1917 года семнадцатилетнему пареньку с Обуховского завода крановщик Шульга дал почитать номер газеты «Правда» со статьями В. И. Ленина. Все, что узнал Филипп Агальцов из статей вождя революции, для него, выходца из бедной крестьянской семьи, было необычайно важно: он понял, что есть люди, которые говорят правду. И с жадностью снова и снова перечитывал он статьи Ленина, в которых просто и доходчиво объяснялись характер и сущность империалистической войны. А после того, как молодому рабочему посчастливилось услышать выступления Ильича, проникнутые заботой о простых людях, жизненный путь был выбран навсегда. В июле 1919 года он подал сразу два заявления: одно с просьбой зачислить добровольцем в ряды Красной Армии, другое — принять в ряды партии большевиков.

В огненное время Ф. А. Агальцов надел солдатскую шинель, окончил курсы пулеметчиков и с знаменитым «Максимом» на фронтах гражданской войны отстаивал Советскую власть. Он защищал Петроград, воевал с белополяками, рубил махновцев на Украине. Уже тогда это был политически зрелый боец. Вот почему он поступает в Киевскую военно-политическую школу, а окончив ее, в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Наша страна в то время интенсивно создавала свой воздушный флот. Отчизна нуждалась в авиационных кадрах, и Агальцов делает первый шаг на пути в небо: он выбирает авиафакультет.

Незаметно пролетели годы. Окончена учеба. Ф. Агальцова назначают комиссаром тяжелой бомбардировочной эскадрильи. Именно на этом посту совершенствовался опыт его политической работы, шлифовался характер комиссара, который стремился познать все трудности летной службы. А для этого необходимо овладеть летным делом, изучить его особенности. И вот снова учеба — Ф. Агальцов добивается направления в Качинскую летную школу и становится первоклассным летчиком. Это помогло ему сформироваться и как зрелому политработнику и как опытному командиру. И то и другое вскоре пригодилось на суровой практике.

1937 год. События в Испании. Ф. Агальцов добровольцем едет в сражающуюся республику. Восемнадцать месяцев, проведенных им в этой стране, по насыщенности событиями были равны годам. За это время пришло то, что можно назвать сплавом опыта, авторитета и доверия. Испанские события стали поворотными в судьбе Филиппа Александровича.

Дело в том, что детальное ознакомление с каждым воздушным сражением, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и испанской армии дали Ф. А. Агальцову возможность ясно определить сильные и слабые стороны нашей авиации. Если в начальный период войны в Испании ее преимущество было очевидно, то к середине 1938 года, с появлением в испанском небе большого количества «мессершмиттов» и «хейнкелей-111», стало ясно, что советские истребители отстают от немецко-фашистских по скорости, скороподъемности и вооружению, а бомбардировщики—по бомбовой нагрузке, скорости и «живучести». Достаточно сказать, что наши бомбардировщики не имели протектированных топливных баков и при попадании снарядов противника легко загорались.

Вернувшись из Испании, Агальцов обо всем этом подготовил обстоятельный доклад. Доклад прочитал Сталин, и через день было проведено заседание Комитета Обороны при Совнаркоме СССР. Агальцову предложили высказаться. Он честно, без обиняков рассказал об отставании по авиавооружению, радиосвязи и оснащенности советских самолетов. «На самое тяжелое и рискованное задание наши летчики идут беспрекословно и выполняют его не жалея жизни, но вот боеспособность наших самолетов нужно повышать»,— говорил он. Доклад Агальцова имел важное значение для нашей авиации. Наркомат авиапромышленности в трехмесячный срок обязан подготовить свои предложения для ЦК и правительства. Были приняты во внимание предложения конструкторов Архангельского, Яковлева, Ильюшина, Шевченко, Лавочкина, Туполева, Поликарпова, Микояна, Климова.

Ф. А. Агальцова ввели в Военсовет ВВС, и ему принадлежит большая роль в деле принципиальной и объективной оценки нашей авиационной техники перед войной. В связи с сообщением Агальцова ЦК КПСС и Советское правительство приняли неотложные меры, и в короткие сроки были созданы новые типы военных самолетов.

За участие в борьбе с фашизмом в Испании Ф. А. Агальцов был награжден высокими правительственными наградами. Вскоре он стал комиссаром Военно-Воздушных Сил. Но ни на минуту не забывал уже прославленный командир о том, что он летчик. Приближалось грозовое время, и Агальцов не терял формы — он стал тренироваться в полетах на скоростном бомбардировщике. В это время решался вопрос о расстановке военных кадров, и боевой ас решил пойти на самостоятельную должность — командира полка. Так вновь проявился его крепкий характер.

Родной и близкой стала ему 292-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия: авиаторы этого соединения славно сражались на многих фронтах Великой Отечественной войны. На самолетах-штурмовиках «Ил-2» они выполняли самые сложные и ответственные задания. Первым во всем был комдив Агальцов.

На Калининском фронте, на Курской дуге, на Украине взмывал в небо самолет, ведомый Агальцовым. В его дивизии выросло 39 Героев Советского Союза, из них — пять дважды героев.

В конце 1944 года Агальцова назначают командиром 1-го Польского смешанного авиационного корпуса. Ратные подвиги советского военачальника отмечены в Польской Народной Республике четырьмя орденами.

После окончания Великой Отечественной войны Ф. А. Агальцов становится первым заместителем Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами Советской Армии.

Коммунистическая партия, Советское правительство ни на минуту не забывали о необходимости укрепления обороноспособности нашей Родины. На вооружение Советской Армии поступала самая современная боевая техника. В Военно-Воздушных Силах началась эра реактивной авиации. Филипп Александрович участвует в руководстве общим процессом перевооружения ВВС.

Командующему дальней авиацией Ф. А. Агальцову в 1962 году присваивается высокое воинское звание маршала авиации.

Совсем недавно Филиппу Александровичу исполнилось восемьдесят лет. Жизнь этого человека отдана небу, авиации. Его биография — яркий пример беззаветного служения нашей социалистической Родине.

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО!

Еще дней пять назад москвич Максим Сергеевич М. работал, бегал, радовался или огорчался, как все люди, не помышляя о своих пятидесяти семи годах и о том, что дело идет к пенсии. Какая там пенсия, если в сухопаром теле ощущение силы и легкости и ясная голова! Вот только иногда покалывает сердце. Впрочем, у кого этого не бывает в таком возрасте?

А 13 апреля под утро вдруг сдавило грудь свинцовым комом, пронзила и не отступала острая боль, будто попал меж нещадных жерновов. Дрожащими, непослушными руками жена набрала «03» и чужим, охрипшим от испуга голосом кричала в трубку: «Помогите! Скорее. Ему совсем плохо».

...Боль отступала нехотя, огрызаясь и полосуя, словно лезвиями, обессиленное тело. В промежутках между приступами он отдыхал, безвольно отдаваясь липкой, не придающей сил дремоте — не спал и не бодрствовал. На фосфоресцирующем экране за изголовьем по-прежнему день и ночь частила нескончаемая ломаная линия — болезненная роспись его бедного сердца, а в светящемся окошечке упрямо прыгали цифры 180 и 110 — артериальное давление не снижалось. Серо-землистая кожа стала совсем сухой: когда сестра, делая уколы, натягивала пальцами — шуршала, как пергамент. Брошенные поверх одеяла руки, от которых тянулись к капельницам резиновые шланги, были тонки и неподвижны.

Твердо установленный диагноз: «обширный инфаркт передней стенки, межжелудочковой перегородки и верхушки сердца» не сулил ничего хорошего. Кто мог поручиться за эту жизнь?!

В отделении интенсивной терапии и реанимации института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, куда срочно доставили Максима Сергеевича, отчетливо видели всю тяжесть положения больного. Однако врачи, передававшие друг другу дежурство — Анатолий Николаевич Козин, Сергей Данилович Антипов, Мария Николаевна Горенкова, Константин Иванович Трофимов,— безмолвно соглашались: «Отобьем!» Их уверенность опиралась на надежный фундамент опыта, знаний и поистине огромный потенциал новой медицинской техники.

Действуя осмотрительно и вдумчиво, осторожно обходя одну отмель за другой, минуя опасные омуты и подводные рифы, искусные медицинские «лоцманы» постепенно привели больного в тихую гавань выздоровления. Взбодренное сердце больного, несмотря на всю тяжесть поражения, могло еще послужить, поработать, только для этого ему требовалось окрепнуть, набраться сил. В согласии со своими коллегами заведующая отделением реанимации кандидат медицинских наук Нинель Всеволодовна Ершова перевела больного из палаты реанимации на второй этаж — в отделение для долечивания, которым руководит доцент А. А. Берестов. Ничто в этот момент не предвещало беды, не было никаких не только сигналов — намеков на ухудшение.

А катастрофа нагрянула. Через неделю Максим Сергеевич умер ночью, во сне. Не запляши на экране монитора грозные световые линии, не загуди он, никто бы ничего не заметил — спит человек, и все. А тут сигнал — SOS! Больного срочно перевезли опять на первый этаж — началось воскрешение из мертвых.

— Не столь давно,— говорит Ершова,— смерть была для всех однозначным понятием: зрачки не реагируют на свет, на крупных артериях не определяется пульс, нет дыхания, померкло сознание — значит, нет и жизни, ушел человек! Но наука не могла мириться с этим. Еще выдающийся французский физиолог Клод Бернар заметил: чтобы понять законы жизни организма животных и человека, необходимо видеть, как множество их умирает, ибо механизм жизни может быть вскрыт и обнаружен лишь знанием механизма смерти. Сегодня мы не только отличаем обратимую клиническую смерть от окончательной биологической, но и знаем ее внутреннюю «технологию»: остановилось ли сердце, произошел его разрыв, либо случилось грубое расстройство ритма, когда вразнобой дергаются, вибрируют волокна желудочков и «насос» перестает перекачивать кровь.

...Увидев на экране монитора вместо прилежной ломаной линии фейерверк дрожаний и всплесков, врачи поняли: началась фибрилляция, и дело решают секунды. Немедленно приложить к груди умирающего электроды, дать мощный, напряжением в 6000 вольт, разряд! Сила электричества должна была подчинить себе хаос фибрилляции. Сердце и впрямь покорилось току, забилось — нехотя, медленно, но более или менее ритмично. Вакханалия сердечных волокон прекратилась. Энергичный наружный массаж помог ему окончательно «раскачаться», прийти в норму.

Через полминуты больной открыл глаза, удивленно посмотрел на окружавших его медиков и сквозь робкую улыбку спросил: «Уже утро?» Он даже не догадывался, откуда, из какого неведомого далека только что вернулся в этот мир.

Опасная сердечная пляска могла возобновиться — она имеет обыкновение повторяться. Надо было помешать этому, разобраться в причинах: может быть, нарушилась динамика внутрисердечного кровообращения, может быть, искривился баланс кислот и щелочей, не хватает калия? Все поправимо, но надо знать, на какую педаль нажать. Ответ могли дать анализы — срочные, сию минуту: фибрилляция нередко врывается без предупреждения. В движение пришел весь налаженный медицинский конвейер отделения, никому не нужно было разъяснять его роль, напоминать, чем грозит малейшее промедление.

И все-таки смерть обогнала спасителей — Максим М. умер вторично. Произошло это буднично, недраматично: как лежал, так и остался лежать — без дыхания, без пульса, без сознания. Сигнал снова подал монитор. Люди в белых халатах были начеку!

Уснувшее сердце слабо откликнулось на мощный удар электричества, и дежурный врач Козин принялся закреплять успех руками — делал массаж.

Через несколько минут Максим Сергеевич М. сонно открыл глаза, скучающе посмотрел перед собой и ничего не сказал, промолчал. Может быть, начал догадываться?

Из лабораторий принесли анализы — так и есть, ничего утешительного! А тут еще этот усиливающийся шум в перикарде — воспалилась наружная оболочка сердца. Надо было во что бы то ни стало предупредить повторные атаки фибрилляции. Только помогут ли сейчас лекарства?

Несколько часов, до начала дневной смены, все оставалось по-прежнему. Осведомленная о происшедшем, Нинель Всеволодовна спокойно зашла в палату, тихо со всеми поздоровалась, спросила у каждого, как он себя чувствует, каждому улыбнулась, своим видом давая понять, что все идет по плану и ничего необычного не произошло.

— Доброе утро, Максим Сергеевич, как спалось, не беспокоит ли что?

— Спасибо, доктор, спал удовлетворительно, болей особых не было. Вот только слабость еще...

— После инфаркта — обычное дело. Будем вместе стараться, чтоб прошло...

Еще до того, как подал сигнал монитор, стоявший рядом Козин заметил неладное. Он приложил электроды, и Нинель Всеволодовна нажала пусковую кнопку. Почти без паузы Максим М. открыл глаза, болезненно поморщился, будто вспоминая, на чем прервалась беседа.

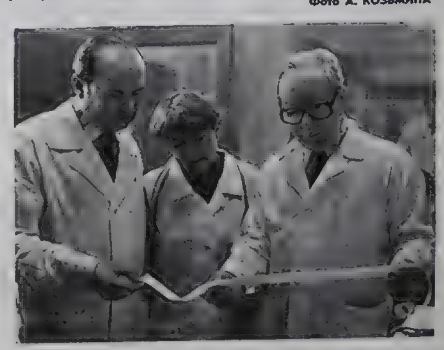
— Я говорю: будем все делать вместе,— помедлив, тем же спокойным тоном повторила Ершова.

— Постараюсь,— прошептал он. И повторил: — Постараюсь...

Иногда перед фибрилляцией на электрокардиограммах больных удается заметить внеочередное сокращение желудочков — экстрасистолу — своеобразный призыв

Доцент А. А. Берестов, кандидат медицинских наук Н. В. Ершова и профессор А. П. Голиков.

Фото А. КОЗЬМИНА

к вниманию. Самое тщательное рассмотрение записей токов сердца Максима Сергеевича не выявило никаких предвестников, все три раза умирал он вдруг, без предупреждений...

День прошел в общем спокойно, забрезжила надежда, что препарат, налаживающий сердечный ритм — лидокаин, все-таки дал эффект. Но вечер перечеркнул оптимистические расчеты: еще четыре раза Максим Сергеевич опрокидывался в небытие.

Шесть раз это повторилось ночью.

Записи за 27 апреля подчеркнуты в истории болезни красным. В специальной литературе нет, наверно, ничего похожего на этот нескончаемо длинный перечень часов и минут, каждая из которых могла — по всем канонам должна была — стать последней, роковой. Но не стала.

...Дежурство начиналось, как обычно. Врачи, сестры застегивали халаты, завязывали косынки, обменивались словами о близящемся первомайском празднике, о погоде, о магазинах. Они знали, что день не сулит быть легким, и «собирали нервы». Заступивший на дежурство вместе с другими врач Сергей Данилович Антипов в те минуты и представить себе не мог, какого запредельного, нечеловеческого накала достигнет предстоящая ему борьба за жизнь больного из второго бокса.

Елена Трофимовна, жена Максима Сергеевича, уже стояла в приемной, слезно моля хоть на полсекунды вызвать доктора. Один выписывавшийся больной таинственно шепнул ей вчера, что, дескать, был случай, отходил ее Максим, спасибо, врачи выручили. Всю ночь женщина не сомкнула глаз, щемило сердце, и вот прибежала в неурочный час. Антипов понимал, что значит в этих условиях одно отзывчивое слово — выглянул, подал руку.

— Спит ваш муж и сны видит. Успокойтесь, пожалуйста.

— А не умирал он больше?

— Жив, говорю, спит.

— Спасибо вам...— и уткнулась мокрым лицом в воротник.

А в эти самые минуты в палате загудел монитор — было 8 часов 15 минут. Запомним это время, читатель: начался будничный, никем не восславленный подвиг врачей и сестер из отделения реанимации. Когда через долгие шесть часов они выйдут из палаты — шатающиеся от усталости и нервного напряжения, бледные, неспособные даже разговаривать, Максим Сергеевич очнется после двадцатой подряд клинической смерти.

Вдумаемся только: двадцать раз в течение шести часов умирал и воскресал 57-летний москвич Максим Сергеевич М.! Двадцать раз переставали дышать уже охваченные пневмонией легкие, но вновь и вновь подчинялись воле врачей. Двадцать раз обрывалась тоненькая ниточка сознания, соединяющая человека с миром, где он живет, а искусные руки упорно связывали в прочный узел ее концы. Могло ли свершиться такое еще пятнадцать, десять лет назад?!

Человек жил. Но чего стоило это его измученному болезнями организму: остро тосковал по кислороду мозг и проявлял свое возмущение бредом, галлюцинациями, психомоторным возбуждением, судорогами. Прогрессировали сердечная и легочная недостаточность, увеличилась печень, отекли ноги, посинела кожа. Лишь диалектически заостренное, точное врачебное мышление способно было в этих условиях направить силы на подлинные причины краха, не спутать их со следствиями. Самым слабым звеном был ритм сердца, наладить его значило обеспечить кислородный рацион мозга, подтянуть дыхание, устранить синеву и судороги. Но мощные электрические разряды уже не вели к гармонии, они лишь гасили вибрацию волокон и не давали сердцу окончательно замолкнуть, навсегда уснуть. Надо было что-то предпринять.

И тогда заведующий отделом острых терапевтических заболеваний института имени Н. В. Склифосовского профессор А. П. Голиков, доцент А. А. Берестов и кандидат медицинских наук Н. В. Ершова, посовещавшись, решили применить сравнительно редкое, мало употребляемое средство для борьбы с аритмией, действие которого сами его создатели ограничивали многочисленными оговорками. Настойчивое капельное введение этого лекарства в сочетании с целым комплексом других мер медленно возвращало больному сердцу силу. Клиническая смерть подкрадывалась, правда, еще несколько раз, но медицина уже явно брала верх.

В первой декаде мая бой был окончательно выигран. Можно было подвести итоги, подсчитать: сколько же раз за эти весенние дни умирал больной? Оказалось — 80 раз. Цифра озадачила врачей: может ли такое быть, не ошибка ли? Но подсчет был верен. Всем восьмидесяти смертям назло они спасали человека. И спасли! Прочно! Это подтвердило само время — с тех пор прошло уже четыре года. Может быть, и мы видели Максима Сергеевича М. в столичном метро, встречались с ним на улице, вместе покупали в киоске газеты...

Вспоминаю слова члена-корреспондента АН СССР профессора С. Н. Ефуни: «Иногда жизнь останавливается, как часы, которые могут вновь пойти от удачного толчка». Маятник этого умолкавшего сердца умело, осторожно, вовремя «подталкивали» искусные врачи.

Я видел труд спасителей. Я склоняю перед ними голову.

* * *

Недавно Ершова неожиданно спросила меня:

— Не хотите ли поглядеть на Максима Сергеевича?

— Что за вопрос! Где он?

— На втором этаже — взяли для «профилактического ремонта».

Взволнованный, поднимаюсь вслед за Нинелью Всеволодовной по лестнице. Вхожу в палату. На крайней слева койке сидит одетый в пижаму крепкий с виду мужчина. Не замечая нас, он продолжает оживленную беседу с пришедшей навестить его женщиной, энергично жестикулирует, что-то настойчиво доказывая ей.

Так вот он каков сегодня!

Максим Сергеевич горячо обрадован встречей с Ершовой, говорит ей о своей благодарности, смотрит на жену, и та тоже согласно кивает головой, улыбается.

— А как чувствуете себя?

— На все сто!..

КАПРИЗЫ ДЕФИЦИТА

Дорогая редакция! В своем письме мне хочется поговорить о том, к чему порой приводит неоперативность нашей легкой и местной промышленности. Примеры буду приводить самые простые — из тех, с которыми столкнулась за последнее время. Для начала — о сумках из мешковины. Года три тому назад неведомые «живописцы» ляпали по трафарету импортные картинки и иностранные слова на самом обычном мешке из-под картошки. Правда, размеров он был много меньше, но цены — много больше. Молодежь молниеносно раскупала эти «произведения искусства», даже гордилась покупкой перед сверстниками. Министерства же дремали. Сейчас, когда мода прошла, эти мешки появились на прилавках наших универмагов с пародией на портрет Аллы Пугачевой и еще кое-кого. Мода прошла, пора сдавать такую продукцию в лотки с вывеской «Уцененные товары». У молодежи ныне в моде пакеты из полиэтилена с красавцами или с фотографией кого-то в джинсах. И тут частные предприниматели не дремлют. Уже продают из-под полы «модные» пакеты по поездам, даже в прекрасных парках Ленинграда, среди памятников старины. И на экскурсию сходишь и пакет купишь. Нет полиэтилена? Но ведь в гастрономе сахар не купишь без полиэтиленового мешка, попросишь в свою тару — не взвесят. Печенье, пряники, крупа, помидоры — все одето в полиэтилен. А пакетов с ручками нет. Если их продают — очередь, хотя даже картинка не наимодная, а самая детская — из серии «Ну, погоди!». Ультрамодных художников нет? Или трудно фотографию или хотя бы трафарет сделать да пару ручек отпрессовать? Опять дремлем. Мода скоро пройдет, тогда проснемся?

И еще о резиновых сапогах для мужчин. У нас город стал чище, но не везде осенью пройдешь в полуботинках. Да и в лес по грибы люди ездят. В кедах промокнешь, в сапогах, которые до колен, тяжело и неудобно. Купила я два года назад сыну сапоги укороченные, наши, отечественные. Принесла домой, сапоги понравились; дай, думаю, куплю и мужу. Зашла в магазин — сапог нет. И до сих пор нет. Куда делись, непонятно. А сапоги отличные, легкие, из мягкой резины с матовой, шероховатой поверхностью, стального цвета, подошва с глубоким протектором. Форма очень удобная, достаточно объемная, чтобы надеть теплый носок, но и не «бахилы».

А куда, извините, делись женские лифчики? Или забыли о них совсем? Неужели в министерствах легкой и местной промышленности нет женщин? Поговорили бы с ними...

Теперь о свитерах. Мода — это, по-моему, прямая законодательница плана по легкой промышленности. Многим нужен свитер: черный, белый, красный, синий, в полоску, без полоски, с рисунком, без рисунка, детский, взрослый, мужской, женский, с поясом, без пояса, но хорошего качества. Летом прошлого года я была в Ленинграде. Там можно выбрать, и цена сходная. А у нас в Кирове — кипы неходовых свитеров. Все завешено трикотажем, столько пряжи перепорчено, а купить нечего. И кофты старинных образцов, да и какие-то неаккуратные, тянущиеся во все стороны. И в основном первого роста.

...Письмо я свое затянула, но о помаде напишу, не сокращайте. Семь лет назад помады было — глаза разбегались от обилия. Вдруг она исчезла совсем. Появилась статья в одном журнале — некому, дескать, делать футляры. Раньше делать было кому, вдруг стало некому. Но вот помада появилась снова, но с очень большим округлением цены в сторону увеличения. Что, дорого обошелся футляр? Давайте мы его вам сделаем подешевле. Вы скажете: «Импортная технология, аромат и т. д.». Но спросите женщин, и они ответят, что наша отечественная не очень уступала. Верните ее. Пусть для утонченных натур будет помада по пять рублей, не возражаем, но пусть и по рублю и по полтора. Где взять студентке из института или техникума такие суммы на косметику?

Жду ответа. Если не по адресу обращаюсь, перешлите, куда надо.

С приветом и уважением

В. ЗАГАРСКИХ,
инженер-конструктор завода «Маяк» (и кроме того, я хорошая швея, по словам моих друзей).

г. Киров.

«Огонек» выступил. Что сделано?

ПОКА ЛИШЬ НА БУМАГЕ

Недавно по инициативе «Огонька» в московском Доме ученых Академии наук СССР состоялось совместное заседание трех научных секций — химии, литературы и искусства и охраны памятников истории и культуры, посвященное созданию в Подмосковье мемориалов Д. И. Менделеева и А. А. Блока. В выступлениях крупных ученых, писателей, литературоведов, архитекторов прозвучал призыв сохранить для будущих поколений уникальный менделеевско-блоковский уголок Подмосковья, восстановить усадьбы ученого и поэта. Сегодня эта задача крайне актуальна в связи с отмечаемым в этом году 100-летием со дня рождения Александра Блока и с наступающим через четыре года 150-летним юбилеем Дмитрия Ивановича Менделеева.

«Огонек» уже выступал по этой проблеме. Недавно наши корреспонденты вновь побывали в блоковских и менделеевских местах Московской области.

Клинско-Дмитровская гряда, в старину именовавшаяся Алаунской возвышенностью, — неповторимая по красоте местность серединной России. Ныне здесь сошлись границы трех районов Московской области: Клинского, Дмитровского и Солнечногорского. Тут встретишь немало исторических и культурных памятников времен минувших, связанных с именами выдающихся деятелей русской науки и культуры. Здесь судьба чудесным образом соединила территориально и родственно науку и литературу в лице гениального ученого Дмитрия Ивановича Менделеева и великого поэта Александра Александровича Блока.

«Бывают странные сближения»,— писал Пушкин. Направляясь из блоковского Шахматова в менделеевское Боблово — а между ними всего семь километров,— невольно замечаешь удивительную схожесть дороги этой с дорогой из пушкинского Михайловского в Тригорское. Псковская страна поэзии Пушкина перекликается с подмосковной страной Блока! А три горы — Спасская, Дорошевская и Бобловская (на вершине последней находилась усадьба Д. И. Менделеева), еловые леса и вьющаяся среди гор речка Лутосня, приток Сестры, дополняют это сходство. Если бы можно было продолжить аналогию и далее: войти в менделеевский дом, окна которого «блещут, как пожар», как мы входим в дом Осиповых-Вульф в Тригорском, а затем по следам Блока пойти в Шахматово и посетить дом поэта, как благоговейно посещаем мы дом в Михайловском... Увы! Преданы забвению менделеевско-блоковские места Подмосковья. Нет ни дома Менделеева, ни дома Блока, гибнут в Шахматове любимые поэтом серебристый тополь, сирень и шиповник, а на краю Боблова думает вековую думу старый менделеевский парк, постепенно дичая и растворяясь в окружающей «равнодушной природе».

Еще в сентябре 1978 года редакция «Огонька» получила ответ на статью «Восстановить Шахматово» от Исполнительного комитета Солнечногорского Совета депутатов трудящихся Московской области (№ 999 от 18.9.78 г.). В нем, в частности, говорилось: «В соответствии с решением Исполкома Мособлсовета от 31 мая 1977 года территория усадьбы Шахматово, здание бывшей церкви и здание бывшей сельской школы в с. Тараканово поставлены под государственную охрану, как памятник истории местного значения». Письмо подписано и. о. председателя исполкома горсовета Ю. Скляровым. Казалось бы, все хорошо, ведь и ранее, в июле 1977 года, председатель Солнечногорского исполкома информировал редакцию, что «в декабре 1976 года исполкомом горсовета было принято решение «Об охране территории бывшей усадьбы А. Блока» (письмо № 264 от 14.07.77). Но сейчас следует сказать прямо — все эти заверения были сплошной отпиской и решения Исполкома Мособлсовета не выполнены.

Газета «Советская культура» 15 января 1980 года в статье «Трактором... по местам заповедным» еще раз поставила вопрос о блоковском Шахматове. «Местный леспромхоз,— пишут авторы статьи,— вырубал лес прямо на территории усадьбы, мы видели, как в саду, посаженном еще А. Н. Бекетовым, лихо разъезжал трактор, вывозя срубленные деревья».

А когда к председателю Солнечногорского исполкома тов. Калиновскому обратились представители общественности, много сил отдающие исследованию блоковского Подмосковья, чтобы выяснить, каким образом в 500 метрах от Шахматова вырублено 10 гектаров заповедного леса, тов. Калиновский фактически отказался с ними разговаривать.

Грустную картину представляло Шахматово осенью минувшего года. Ежедневно через территорию усадьбы прогонялось совхозное стадо в 400 голов. «Возлюбленная» блоковская поляна превратилась в сплошное грязное месиво, погибли садовые растения, когда-то украшавшие усадьбу.

Корреспонденты «Огонька» также были свидетелями этого варварства, прямого нарушения закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», к которым, как мы видели из вышеприведенных документов, отнесено Шахматово. Кто же должен нести за это ответственность?

Грустно писать такой материал в год 100-летия А. А. Блока, чей юбилей включен в международный календарь ЮНЕСКО «Празднование великих годовщин и исторических событий». Но следует, наконец, практически решить проблему восстановления Шахматова и создания в Подмосковье литературно-научного и ландшафтного заповедника Блока — Менделеева.

Уже давно и довольно успешно разрабатывается архитекторами Всесоюзного производственного и научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР проект восстановления Шахматова (руководитель проекта В. И. Якубени). Но для чего? Решения о создании заповедника нет. Поэтому нет дирекции будущего музея. А именно ей следовало бы сейчас заниматься научной консультацией проекта, подбором материалов для музея и другими проблемами, решать которые под силу лишь специалистам музейного дела и литературоведам.

Даже скромные мероприятия, предусмотренные приказом № 552 Министерства культуры РСФСР от 24.05.76 года по реэкспозиции блоковской выставки в селе Тараканово, порученные Гослитмузею (директор тов. Шахалова Н. В.), не осуществлены.

Словом, сейчас, за несколько месяцев до юбилея Блока, создалось положение, когда проект восстановления Шахматова по-прежнему грозит остаться на бумаге.

Хотелось бы знать мнение начальника Управления музеев Министерства культуры РСФСР тов. Бартковской. А. В.: в какие сроки планируется воплощение в жизнь проекта, на который затрачено так много сил и средств? Когда будут выполняться приказы министерства?

Совсем недавно Союз писателей СССР образовал представительный юбилейный комитет по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием А. Блока. Быть может, это поможет наконец сдвинуть проблему восстановления Шахматова с мертвой точки и решить ее так же конструктивно, как это сделано в Ленинграде, где создается мемориальная музей-квартира великого поэта, и в Белоруссии, где была деятельно поддержана и воплощена в жизнь инициатива «Огонька» по созданию музея Блока в Брестской области.

А теперь перенесемся в Боблово.

Мы внимательно вглядываемся в заснеженные деревья, и старый, запущенный полулес-полупарк обретает регулярную планировку.

На краю парка к стволу сухого дерева прибита давно не обновлявшаяся доска, на которой с трудом можно прочитать, что здесь была усадьба Д. И. Менделеева. По гребню Бобловской горы стоят дома деревни, внизу подо льдом струится Лутосня.

Но мелеет река Лутосня, трудно уже найти место усадьбы, гибнет неухоженный менделеевский парк в Боблове.

Еще в 1957 году, когда в Боблове был колхоз имени Менделеева, журнал «Наука и передовой опыт в сельском хозяйстве» в № 12 сообщал, что на конференции в колхозе было принято решение открыть памятник Д. И. Менделееву и реставрировать парк, насаженный им. Но с того же 1957 года имя Менделеева исчезает даже из хозяйственных сводок Клинского района: колхоз имени Менделеева влился в совхоз «Динамо».

Четыре года, остающиеся до 150-летия со дня рождения Д. И. Менделеева,— срок, вполне достаточный, чтобы руководство совхоза «Динамо», на территории которого ныне находится Боблово, Клинский райисполком при поддержке Академии наук СССР, Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева, Министерства химической промышленности СССР смогли бы сделать многое по возрождению менделеевской усадьбы, по увековечению памяти гениального русского ученого в Подмосковье.

Счастливо уцелело в Боблове со времен Менделеева здание — дом Смирнова, который стоял рядом с усадьбой ученого. Леонид Трофимович Голованов, заместитель директора совхоза «Динамо», с сожалением заглядывает внутрь дома. После закрытия Бобловской сельской школы, которая размещалась в доме Смирнова, здание сильно запущено: разбиты стекла, выломаны из полуметровых стен оконные переплеты, разобраны печи и полы. А именно здесь возможно было бы разместить выставку, посвященную жизни и деятельности Д. И. Менделеева, как пишет в редакцию «Огонька» вице-президент Академии наук СССР академик Ю. А. Овчинников. Для того, чтобы вдохнуть жизнь в Бобловский мемориал, нужны прежде всего трехкилометровая дорога и телефон в селе. Как здесь не вспомнить соседнюю Калининскую область, где к пушкинским местам построено 100 километров специальной «музейной» асфальтовой дороги.

Ответственный секретарь Клинского городского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры А. И. Строганов рассказывает, что вопрос о строительстве дороги к усадьбе ученого ставился на заседании Клинского исполкома еще в 1971 году. А в решении исполкома от 16.03.79 г. № 138/5 есть пункт: «Привести в порядок территорию бывшей усадьбы Д. И. Менделеева. Начать работы по созданию музея в 1979—80 гг.», но он не выполняется. Никак не доходят руки хозяйственных руководителей района до конкретных мер по возрождению усадьбы великого ученого.

Конечно, это задача не одного Клинского района, но начинать работу следует уже сейчас. Еще возможно создать в Подмосковье уникальный литературно-научный и ландшафтный заповедник с двумя музеями — А. А. Блока и Д. И. Менделеева, и дело надо делать не только на бумаге.

А. Басманов, Г. Блюмин,
специальные корреспонденты
«Огонька»

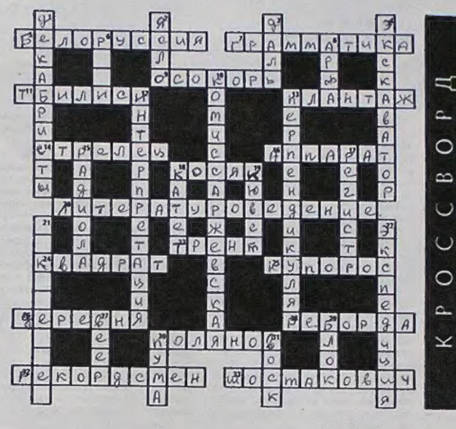
— А по скольку же разливать на четверых!

— Я привык ходить с поднятым воротником.

— Ну вот, а говорили, что в совершенстве владеет сверлом.

Рисунки В. Тамаева

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Союзная советская республика. 7. Раздел лингвистики. 9. Черный тополь. 11. Столица союзной республики. 13. Способ обработки почвы. 14. Зодиакальное созвездие. 16. Прибор, механическое устройство, приспособление. 18. Стая рыб, птиц. 20. Наука, изучающая художественные письменные произведения. 23. Река в Англии. 24. Прямоугольник. 25. Сернокислая соль некоторых металлов. 26. Стихотворение А. С. Пушкина. 28. Выступ на ободе железнодорожного колеса. 30. Болгарский поэт. 32. Спортсмен, достигший высших результатов в состязании. 33. Советский композитор.

По вертикали: 1. Опера Ю. А. Шапорина. 2. Город в Польше. 3. Русский писатель, этнограф и языковед. 4. Землеройная машина. 6. Итальянский живописец XVI—XVII веков. 8. Музыкальный инструмент. 10. Русская актриса. 12. Толкование, объяснение смысла или содержания текста. 13. Линия, образующая прямой угол с другой линией. 15. Сочетание приемника с проигрывателем. 17. Список, указатель, книга для записей. 18. Сторона прямоугольного треугольника. 19. Канава вдоль дороги. 21. Порода собак. 22. Отправка и прием грузов. 27. Опахало. 29. Деталь грузоподъемной машины. 30. Ночной хищник, обитающий в Америке. 31. Вещество, вырабатываемое пчелами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 3. Гусачок. 8. Баллада. 9. Абордаж. 10. Вычитание. 12. Бриллиант. 14. Алаколь. 15. Ондатра. 16. Нравадн. 17. Плотина. 18. Антраша. 21. Аполлон. 23. Пропорция. 25. «Вечеринка». 27. Сардина. 28. «Одиссея». 29. Динамик.

По вертикали: 1. Кутаиси. 2. Доватор. 4. Кабачок. 5. Паскаль. 6. Ковалло. 7. Байдара. 10. Вальдшнеп. 11. Евпатория. 12. Балакирев. 13. Терракота. 19. Реостат. 20. Аэрарий. 21. Алексис. 22. Ленивец. 24. Испания. 26. Европий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В числе лучших мастеров на Бендерском шелковом комбинате неизменно называют ткачиху В. Г. Морой. (См. в номере материал «Шелковая радуга».)

Фото М. Потыринке (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: По Нижней Тунгуске.

Фото М. Савина

Жертва насилия

ЮМОРЕСКА

Светало. Двое, мужчина и женщина, вбежали в комнату. У окна крепко и безмятежно спал юноша. Сквозь сон он почувствовал, что его стаскивают с кровати. Открыть глаза не хватало сил, но единственный шанс на спасение был в упорном сопротивлении. Поэтому даже в полудреме он защищался, как лев.

Однако нападавшие постепенно одерживали верх. Они стащили юношу с кровати и поволокли к креслу, где лежала его одежда. Поспешно натянув на него брюки и рубашку, они повели его из комнаты.

— Умоляю!..— успел крикнуть юноша.— Я не хочу...

Мужчина быстро зажал ему рот. Юноша все еще оказывал сопротивление, но, видя, что это безнадежно, сдался. Все дальнейшее было окутано туманом.

Перед его глазами проносились потоки воды, все вокруг застилала пена. Юноша помнил, как в руки ему сунули что-то очень тяжелое, подхватили и опять куда-то поволокли. Он уже не пытался бороться. Его участь была решена...

Очнувшись, юноша увидел перед собой массивную дверь. Он был одет, но почему-то на одной ноге был только носок. В это время дверь слегка приоткрылась, и в щель вылетел недостававший ботинок, который нанес юноше последний удар. Дверь захлопнулась, юноша натянув ботинок, встал, отряхнулся и начал медленно спускаться вниз по лестнице...

Начинался обычный день студента-первокурсника. Усталые, но довольные родители стояли за дверью и радостно прислушивались к удаляющимся шагам. Сегодня победили они.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-96; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-23-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.01.80. Подписано к печати 29.01.80. А 00310.
Формат 70 × 108¼. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 277. Заказ № 1774.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Н. БЫКОВ,
фото А. БОЧИНИНА

Среди запахов моего городского детства самый устойчивый — запах кожи. Так пахла причудливо сшитая из мягких прямоугольников покрышка футбольного мяча. Я вдыхал запах кожаного мяча с неутолимым наслаждением и гонял, гонял его ногами, бил все свободное от уроков и сна время...

Обожание мяча вело на главный в те годы стадион страны, и там добрый, пахнущий кожей мяч обретал под ногами мастеров все свойства пушечного ядра. Даже стоя за воротами во время тренировок московских динамовцев, возвратившихся из Англии, не хватало решимости принять кожаное ядро, пущенное Бесковым или Карцевым мимо синхронно, с ударом метнувшегося рукастого свитера Хомича... Но обожание мяча от болевой встречи с ним уже на излете нисколько не иссякало!..

— Утрачена в некотором смысле всеобщая влюбленность в мяч,— задумчиво и с горечью говорил мне прославленный Гавриил Дмитриевич Качалин.

А говорили мы о работе специализированной футбольной школы юных динамовцев. Перед нами уходило в перспективу по-летнему зеленое поле манежа. И у тех ребят двенадцати — четырнадцати лет, которые били сейчас по воротам, лица горели от счастья и старательности. Гавриил Дмитриевич, говоря об охлаждении новых поколений московских мальчишек к футболу, не имел в виду тех, кто занимается в их школе олимпийского резерва. Но все меньше и меньше ребят приходят в дни набора желающих «учиться на футболиста».

— Важно сохранить праздничное чувство игры, игровое самозабвение,— размышляет вслух умудренный большой интересной жизнью Качалин. А я думаю о мальчишке, ставшем в ворота и принявшем щадящий мяч от человека, которому под семьдесят, который начинал играть более пятидесяти лет назад... Удар! Вот он летит по выверенной траектории, мяч, может быть, из 1925 года! Паренек, маленький и злой, не дотянулся до посланца московского пустыря и явно этим огорчен. «Стоять!» — звучит над зеленым полем, а услышав такое, перчаток не бросишь... «Рома, держи!». И снова бьет сам Гавриил Качалин. А рядом с ним его молодые помощники, тренеры школы Владимир Смирнов и Владимир Козлов. Память об их игре еще не покинула стадионов страны... Удар, еще удар...

У тренеров сотни каждодневных вопросов. Как сохранить в мальчишках игровую страсть и любовь к мячу? Можно ли сегодня разглядеть среди них будущих мастеров, кумиров болельщиков далеких 90-х годов? Как совместить самобытность и врожденный талант почти ребенка с тем эталоном футбольного мастера, который хранят в душах и седой Качалин и начинающий педагог-тренер Козлов?

— Могу назвать фамилии ребят, подающих немалые надежды,— говорит Гавриил Дмитриевич.— Только вот педагогично ли?..

И старший тренер охотно рассказывает о школе, о спортивных успехах всех возрастных групп и коллектива в целом. Юные динамовцы в минувшем сезоне преуспели во многих соревнованиях. Ребячья команда А. Водягина победила третий год подряд. Команда 1967 года рождения тоже завоевала первое место — это впервые. Команды 1961 и 1962 годов стали чемпионами первенства спортивных школ Москвы. Стали участвовать в международных турнирах, и команда В. Кесарева заняла во Франции третье место среди шестнадцати команд. Семь мальчиков играли уже за сборную центрального совета «Динамо» в турнире социалистических стран и выиграли: ни одной игры не проиграли, ни одного мяча не пропустили...

— Конечно, нет у нас четких критериев, которые помогли бы уже сегодня выделить мальчиков с яркой в будущем спортивной биографией. Но угадываем!.. Смотрим внимательно, есть ли скорость, смелость, соображение. Отбираем самых восприимчивых, особенно тех, кто фанатически предан мячу, игре, кто готов взять на себя лидерство... Но главное, хочу это подчеркнуть, — нравственное воспитание. Футболистами станут не все, а человеком должен стать каждый, кто переступил порог нашей школы. В воспитании будущих людей, порядочных и гармонично развитых, нам помогают наши динамовские ветераны, такие, как Лев Иванович Яшин, Михаил Павлович Сушков, Михаил Иосифович Якушин, а также директор школы олимпийского резерва Виктор Григорьевич Царев. К нам ведь имена привлекают. Среди наставников много заслуженных тренеров страны и республики, заслуженных мастеров и мастеров спорта... Учреждены призы имени Михаила Семичастного, Леонида Соловьева и Льва Яшина.

Манеж не пустырь, и если дух спортивных баталий царил на пустырях, то здесь, на вечнозеленом поле надежды, гудит каждодневный праздник футбольного университета. Отсюда уходит пополнение в команду мастеров: Юра Панфилов, Саша Молодцов, Юра Ментюков. Здесь бегают, прыгают, пасуются мальчишки с загадочным будущим — Олег Тульский, Саша Кузнецов, Володя Лебедев.

Зорок глаз Гаврилы Дмитриевича; он лучше других знает, что главное качество тренера, педагога, человека — ждать. «Уметь ждать!» — повторяет Качалин, и его требовательный свисток снова и снова бросает мальчишек в атаку. Но я втайне надеюсь, что в школу мальчиков приводят не только воля пап и мам, не только имена прославленных мастеров, не только закон тренировок, жажда призрачной славы, но и самое обыкновенное о б о ж а н и е мяча, запах кожаной покрышки, который не выветривается с годами.

Угловой.

ОБОЖ

Разбор игры ведет тренер Владимир Козлов.

На тренировке.

АНИЕ МЯЧА

Вратарь Валя Прокудин.

Своя ноша не тянет.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663